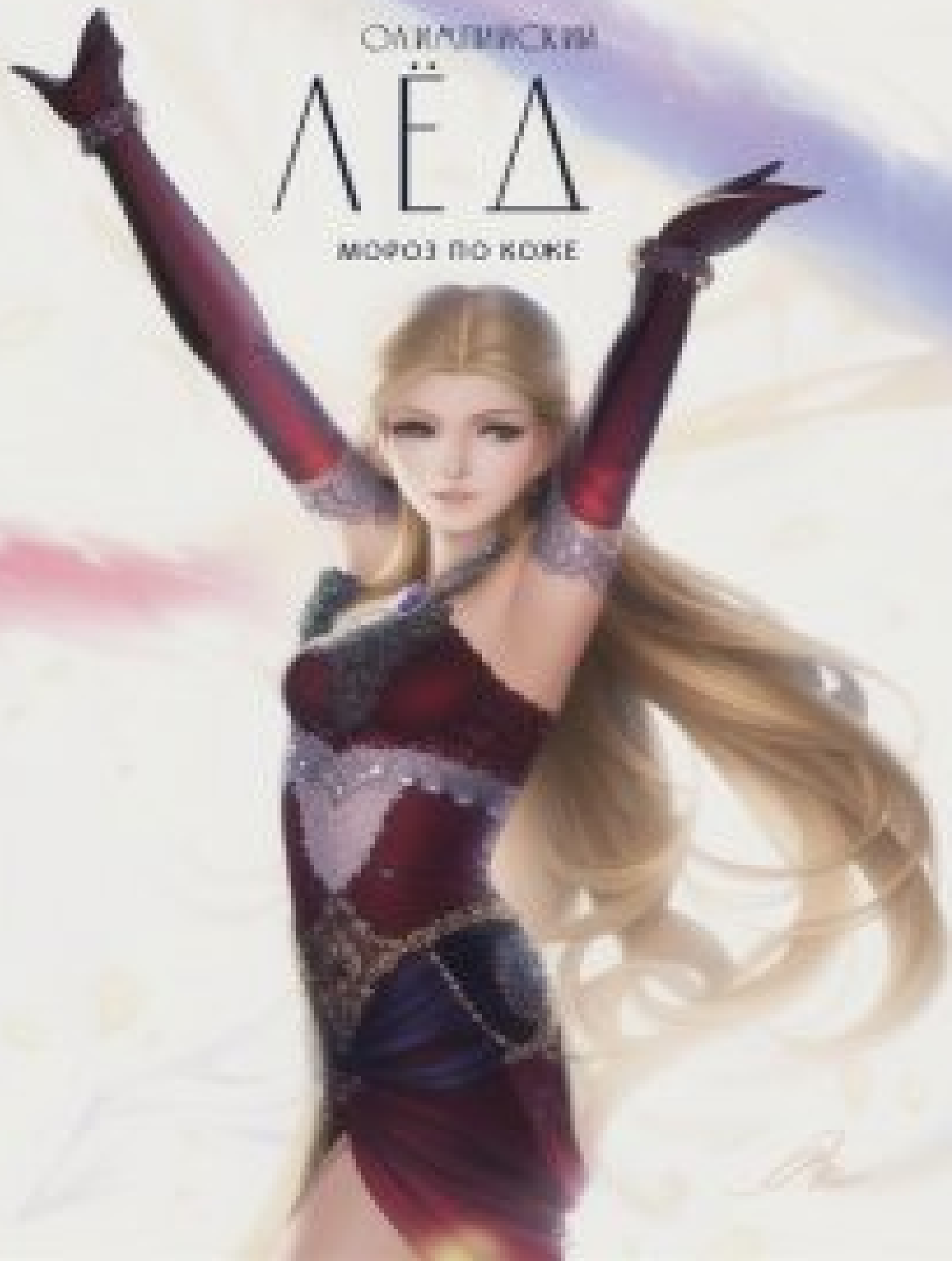

ΟΑΡΧΕΛΜΟΣ ΤΗ

ΛΕΑ

ΜΟΡΟΣ ΠΟ ΚΟΚΕ

Тимур всё так же любит фигурное катание. Но, ему уже не девятнадцать лет. Третья Олимпиада в жизни Тимура Панкратова. Старые травмы не дают тренироваться в полную силу, всемирное превосходство сменяется борьбой с собой и своим организмом. Таких же как он множество. Но он смог отобраться на Олимпиаду, став Чемпионом России и заняв второе место на Чемпионате Европы.

— Я вас к чертям тут поубиваю всех! Вы что, ошалели?! Детский сад, какая, нахрен, Олимпиада?!

Мимо тренера пронесся спортсмен, катающийся просто по кругу. И это было отправной точкой невозвратного конца. Теперь главный тренер штаба был не просто зол, он был в ярости. Квоты на Олимпиаду заполучены формально, но окончательный вердикт будет выносить Федерация на просмотре. Как и всегда. А тут был огромный шанс ударить в грязь лицом.

— Ты думаешь, что можешь просто кататься, пока остальные работают?! Твои титулы за красивые глаза не продублируются на Олимпиаде, тут нужно работать!

— Пиздец, а я что делаю? — вопрос был задан риторически и очень мрачно, шепотом.

— Тоже задаюсь таким вопросом, — второй парень прокатился рядом, нервно поправляя кофту. Поговорить долго не удалось, потому что он, от греха подальше, вошел во вращение.

От криков Дениса Руслановича не менялось примерно ничего. Ребята как работали, так и продолжали работать. Не напрягаясь, но в то же время не бездельничая. Жаль, что сегодня его это не устраивало. Роман Константинович стоял рядом, молча смотря за бедными детьми, на которых кричали без продыху. Нервы, это да, но зачем же так?

— Тимур, я непонятно сказал?! Ты будешь хоть что-то делать?!

— У меня вообще-то травма!

— Ага, у меня тоже скоро будет. От тебя. Психологическая.

Слов у Панкратова не нашлось. Он развел руками и максимально недовольно поехал быстрее. Эта Олимпиада совсем снесла голову у Дениса Руслановича. Просмотр на следующей неделе, а он их гоняет так, как будто сегодня вечером. Вон, бедный Лебедев на ногах уже не стоит, настолько замучали.

В подтверждение слов Лебедев сел на лёд, тяжело дыша.

Сегодня был второй день, когда предположительная Олимпийская сборная из команды Ушакова тренировалась отдельно от остальных ребят. С утра до вечера, забывая как ходили до этого.

До просмотра они не считались утвержденной сборной, но пока состав был таким: Тимур Панкратов, Александр Сурков, Даниил Лебедев. Дмитрий Панкратов был первым номером в запасе, проиграв все старты сезона. Он стал пятым на Чемпионате Мира прошлого года, четвертым на Финале Гран-При, вновь пятым на Чемпионате России. Не задался у него Олимпийский сезон.

Зато для Тимура это был девятый взрослый сезон, и его путевка на Олимпиаду практически не подвергалась сомнениям. Разве что в речи Дениса Руслановича.

Тройной лутц.

Тимур слетел в сторону, допуская степ-аут и хватаясь за ногу. Светло. Черт, ну он же знал, что так будет. Каждый раз знал.

И снова к Олимпиаде он подбирается с травмой. Организм был на износе, столько лет быть на высоте топа просто невозможно. И если на прошлой Олимпиаде он говорил, что это его последний сезон, и не сдержал своих слов, то тут не было абсолютно никаких вариантов. Это его последний сезон. А потом лечение, шоу, семья... И все остальные прелести жизни

после окончания карьеры.

Зато Саша Сурков станет топ-1 в мире.

— Тима, какого хрена ты прыгаешь?!

Поня-я-ятно... Панкратов поджал губы, но промолчал. К подобным перепадам настроения они, в принципе, привыкли. Такое случалось не часто, но очень метко. Особенно тренер любил покричать на Тимура и Сашу, как на самых устойчивых к повышенным тонам.

— Да е-мае, — совсем рядом с Тимуром приземлилось что-то рыжее, недовольное, и прямо в лужу. Панкратов хохотнул, протягивая девушке руку.

Яся недовольно нахмурилась, принимая помощь и пытаясь отряхнуть свою пятую точку от воды. Получалось с переменным успехом, поэтому она плюнула на это дело.

Настроение на льду было отпадным. Пять спортсменов, абсолютно все с хмурыми лицами, и отсутствием желания что-то делать. Злющий главный тренер, непонимающий технический тренер, и личные тренеры, игнорирующие факт крика в помещении.

— Готовьтесь к прогонам короткой! Тимур, только тройные!

А ещё несколько минут назад ему вообще нельзя было прыгать. Вон, к концу и четверной можно будет.

Дверь тихо открылась. Без скрипа. Звука шагов тоже не было. Саша первый заметил приближающуюся угрозу, но промолчал, улыбаясь. Только остановил проезжающего рядом Данила, придерживая его за рукав. Чтобы тоже на это посмотрел.

Ладони закрыли глаза Романа Константиновича. Он вообще прикола не понял, поэтому резким, но аккуратным движением, скинул с себя руки... кого-то.

— Какой вы... недружелюбный!

Денис Русланович впервые улыбнулся за весь вечер, а Роман пребывал в шоковом состоянии. Что она тут делает?!

— Ну ты чего застыл, — Денис Русланович слегка толкнул Романа, — Или ты ей не рад?

— Обалдеть!

Роман резким движением обнял Дашу, приподнимая ту над землей. Калинина завизжала, улыбаясь и наслаждаясь полученной реакцией. Именно этого она и хотела, когда ехала с другой части мира сюда.

— Что ты тут делаешь?!

— Вы, конечно, мастер тактичных вопросов... — Даша улыбнулась, всё ещё находясь в объятиях тренера.

На льду уже никто не тренировался, и за это даже не кричали. Все внимание плавно перетекло на Дашу Калинину, Олимпийскую Чемпионку прошлых Игр. Уехавшую из страны выступать год назад. Она объездила весь мир, и вот, теперь пришло время возвращаться.

— Ой. она, кажется, выбрала плохое время, чтобы приехать с сюрпризом, — Саша сказал это тихо и мрачно, так, чтобы слышали только фигуристы на льду.

— А что такое? — Яся нахмурилась, оборачиваясь на Суркова. Он был бледнее белого, и вместо ответа мягко развернул голову Ярославы назад.

— Блять, — Тимур тоже оценил ситуацию. Правда, своеобразно.

У Дани и Кристины слов не нашлось.

— Отличные сборы. Олимпийская сборная и завершившие спортсмены.

Дмитрий Панкратов презрительно фыркнул, покосившись в сторону Даши. Калинина дернулась, отходя подальше от парня. Черт. Почему он тут? Это ведь сборы команды

Ушакова...

Дима вышел на лёд, даже не обернувшись на Калининку. Все. Она перестала для него существовать. И только ребята, к которым подъехал Дима, видели, как тряслись его руки, поправляющие перчатки.

За ним следом шла Тамара Львовна, кивнувшая тренерам и Тимуру. А вот с ней была очень интересная история... Итогом которой было то, что Тимур числился в «Звездах Страны» под покровительством Штаба Ушакова. Но, про это как-нибудь в другой раз.

Денис Русланович тут же перетянул на себя внимание. Несколько хлопков и громкое:

— Работаем! Ждем еще девочек и второго из запаса и будем катать программы!

— Тима, Дима, подъедьте сюда!

Тимур повернул голову на голос, пытаясь разглядеть что-то. Голова кружилась, так как он только что закончил делать вращение. Мозгом он понял, что голос матери, но с какой стороны он идёт?.. В общем, поехал наугад и чисто по памяти очертаний людей, стоящих за бортиком.

Сегодня у него была тренировка на льду «Звезд страны», в группе Панкратовой Тамары Львовны. Обычно он не менял лёд, но сегодня на Ушаковском льду отсутствовал сам главный тренер, и присутствие Тимура там было бессмысленно. Так что сегодня его оппонентом по льду был Дима, который тоже не поехал на Ушаковские сборы.

Со стороны Тимур угадал, потому что его брат ехал туда же. А помимо матери за бортиком прояснялся незнакомый силуэт. Высокий коренастый мужчина с... бумагой в руках? С планшетом. Это Тимур рассмотрел уже когда подъехал и оперся о бортик.

— Андрей Станиславович, регистрирующий заявки на Олимпийскую сборную. Ответьте на вопросы, мне нужно срочно отъехать.

То есть, они ещё и кататься одни будут. Класс, с таким успехом Тимур мог сегодня кататься на родном льду. А мать тем временем упорхнула, явно спеша. Ладно, вопросы так вопросы.

— Итак, здравствуйте. Вопросы исключительно официального характера, — мужчина уткнулся в свой планшет, что-то нажимая стилусом, — Тимур Андреевич, уточните вопрос по поводу вашего тренерского штаба и принадлежности к группе.

О, этот вопрос он встречал на своем пути за последние годы очень много. А все из-за вспыльчивости. Его собственной, причём. На Чемпионате Мира в свой постолимпийский сезон он узнал одну вещь, которая разбила его представление о тренерском штабе Ушакова*. Потом смена тренера в окно, целый сезон без единого контакта с Денисом Руслановичем. Два серебра, куча падений. И вот, принимается решение, которое помогло ему отобраться на Олимпиаду.

— Через запятую: Тренерский штаб Ушакова, подразделение «Звезды Страны». Тренерский состав: Денис Русланович Ушаков, Тамара Львовна Панкратова, Роман Константинович Фролов.

Мудреная схема, которая позволила ему числиться и там, и там.

— Отлично, — мужчина кивнул, — Дмитрий Андреевич, по вашим данным титулов...

<center>***</center>

— Папа!

Под вечер было совсем туго. У Тимура дико болела нога, он практически не мог наступать на неё. Четверные прыжки никак не шли, тройные с огромным трудом. Это было плохим знаком, потому что восстанавливать все надо было в кратчайшие сроки. Дима уже ушел со льда, но у него все отлично получалось. Не удивительно, на эмоциях от встречи с Дашей он мог вытворить даже самые безумные вещи. Например, секвенцию из двух четверных акселей. Чуть не убился, безусловно, но его здорово успокоило. Да, не очень красиво получилось у них... А он все ещё любит. Тимур это видит, но никогда не скажет брату, что это заметно. Несмотря на то, что у них сейчас неплохие отношения.

— Тише, папа занят, — тихий голос шипит на кричащий и звонкий.

— Да не то что бы занят, — Тимур подъезжает к бортику на одной ноге, лишь иногда отталкиваясь ей ото льда. Боль безумная, никому бы не пожелал испытывать подобного.

— Папа! — на него смотрели огромные голубые глаза, расположенные прямо над красными щеками. Конечно, мороз на улице, а они даже не на машине... От катка Ушакова ехать прилично до «Звезд Страны».

Второй дитеньш слов не издавал, просто выпрыгнул вперёд сестры и замахал руками в варежках. Кругляши разодетые, не иначе. Тимур не смог сдержать улыбки, поднимая взгляд на третьего гостя.

Ева.

Она улыбнулась ему в ответ, чуть подбирая к себе девчонку с забавными короткими светлыми косичками.

— Заканчиваю, — принял решение Тимур, понимая, что ждут только его. Но, судьба сегодня не любила легких путей.

— Папа, — девчонка вновь обратилась к нему, — А покажи четверной...

— Сонь, — Ева тут же погладила её по голове, — папе нельзя четверные. Папа восстанавливается, ты же знаешь.

— Пожалуйста, — и огромные голубые глаза. Ну и как тут отказать?!

Тимур улыбнулся, указывая Еве рукой на место у бортика, где бортика как такового-то и не было. Нужно же детям как-то смотреть. Главное не упасть, а то эти маленькие фигуристы подумают ещё, что падать классно.

Девочка активно подпрыгивала на месте, пока Тимур брал разгон и слегка подраминал ноги снова. Мальчик же стоял спокойно, облокачиваясь на ногу матери.

Можно было прыгнуть и тройной. Дети не особо-то умели различать эти прыжки сейчас, они сами прыгали разве что перекидной. С переменным успехом. Но почему-то принципиально было сделать четверной. Такой уж Тимур, ничего не поделаешь.

Ева волновалась, но под руку не лезла. Знает, что будет хуже, если начать наговаривать и что-то ему говорить.

Разгон. Вдох. Выдох.

Четверной тулуп.

Ногу свело на втором повороте. Он силой сжался, не давая раскрыться группировке, и едва не улетел в степ-аут. Но удержался, абсолютно не понимая, как у него это получилось.

— Ва-а-ау! — девчонка с огромными глазами смотрела на улыбающегося отца. Для неё это было что-то невероятное, что-то очень волшебное. Нереальное.

— Хочу быть как папа, — невнятно сказал мальчик, а Ева на это мягко улыбнулась, поглаживая его по голове.

— Обязательно будешь.

Тимур остался доволен произведенным эффектом. И даже болящая нога не омрачила момента, потому что на него смотрели две пары голубых восторженных глаз его детей. Будущих Чемпионов. В семье Панкратовых по-другому и не бывает! * — события предыдущей части цикла

— Что ты тут делаешь?

Одинокий утренний лёд. Сборы от команды Ушакова.

Никого нет. Раннее утро, даже нет семи. Все еще спят, не говоря уже о выходе на лёд. До этого ещё совсем далеко. Дмитрий Панкратов решает выйти на лёд, раскататься и потренироваться в полном одиночестве. Наедине с самим собой, без тренеров и чужих любопытных глаз.

Его мечты были грубо разрушены тем человеком, которого он меньше всего хотел видеть. Не сейчас, а в жизни.

— Катаюсь, — Дарья Калинина была полностью спокойна и никак не отреагировала на появление Димы. Словно не было между ними ничего, и этого ужасного расставания, и двух лет отношений.

Она стояла на другом конце льда от входа, одетая в тёплую большую толстовку темно-серого цвета. В толстовку Димы.

Внутри что-то кольнуло. Дима едва находил силы, чтобы держать лицо и не показать, как тяжело ему находиться сейчас тут. Рядом с Калининой.

— Ты в курсе, что лёд открывается с семи тридцати? — изогнул бровь Дима, недовольно кривя губы. Вместе с этим, он ни на шаг не отступил от задуманного плана. Опирался на бортик, снимая чехлы с коньков.

— А ты? — с издевкой спросила в ответ Даша, отталкиваясь ото льда. Над ней только бегущей строчки не хватало: я не хочу с тобой разговаривать.

Чёртова Калинина!

Дима вышел на лёд, начиная разминку. В голову лезли только самые отвратительные мысли. Воспоминания о том дне, когда он услышал «Я тебя больше не люблю».

Панкратов помотал головой. Ну почему ты сейчас тут, перед Олимпиадой. Он практически забыл эти ужасные моменты, пережил. А теперь снова, на него все хлынуло с новой силой. В моменты, когда нужно полное сосредоточение, все идёт по одному месту из-за этой Калининой, довольно вращающейся в центре льда.

Она решила все в один день. Просто собрала чемоданы, а к приходу Димы сказала, что больше не любит его и ей нужно улететь. День, который начался с завтрака, который приготовила она, закончился ночью в пустой квартире. И только огромные кошачьи глаза смотрят на хозяина, спрашивая, как скоро вернётся хозяйка.

А она не вернётся.

Он ждал, был готов простить, был готов забыть все это. Он просто полюбил. Когда любишь, иногда прощаешь даже самые ужасные вещи.

Даша больше не звонила. А Димы словно не стало на целых полгода. Он пропустил все важные старты того года, не смог собраться. Мир схлопнулся, и причиной этому была она.

Поддержка пришла откуда не ждали. Тимур стал поддержкой и опорой на тот безумный период. Период, когда от запоя останавливали только тренировки. И кошка, которая вечерами сворачивалась комочком и дарила тепло.

Тимур вытаскивал его на прогулки, на тренировки, в музей. Днём Дима отвлекался, а ночью снова был в пустой квартире, наедине со своими мыслями.

Когда-то он ее обнимал. И утренняя тренировка с ней на одном льду была бы подарком.

А сейчас его трясёт, он не находит сил, чтобы поднять глаза. Ездит по кругу, смотря себе под ноги. Он не хочет смотреть на ту, которая разбила ему сердце.

Она не сказала, куда уехала. Ему не сказала. А как выяснится потом: все знали, что она в Америке, а после в Европе. Все всё знали. Только вот ему не говорили. «Берегли».

— Спасибо, блять, — шёпотом выплюнул Дима.

— Да пожалуйста.

Даша оказалась рядом.

Дима закатил глаза и попытался абстрагироваться от девушки, начиная разминать тройные прыжки. Черт с ней, тренировку что ли откладывать? Он отложил полгода жизни. Всё, хватит.

А она словно пример взяла. Тоже начала прыгать тройные, что очень удивило Диму. Он думал, что Даша все растеряла давным давно. Её шоу он не смотрел, но подозревал, что прыжки там играют далеко не самую важную роль.

Тройной лутц.

Упал, и назло зацепил эту мадам. Чуть не повалил её следом, благо она успела сбалансировать и придержаться рукой.

— Осторожнее нельзя?

А это она очень зря. Дима тяжело вздохнул, поднимаясь и слегка кряхтя. Стрельнул на девушку ненавистным взглядом.

— Ты смеешь меня о чем-то просить ещё?

Даша оставалась спокойна. Словно знала, что Дима вспылит и не сможет сдержаться. Она просто застыла на месте, в паре метров от Димы. Такая маленькая, милая девушка, ещё и в большой мужской кофте. Но это выбешивало Панкратова ещё больше. Она смеет носить его одежду.

— Да, я прошу соблюдать мои личные границы. Лёд большой, мы можем не мешать друг другу. Мне неприятно, когда меня сносят, — Калинина была спокойна настолько, насколько это было возможно. Но, честно, не удержалась, чтобы не добавить, — Особенно чужие люди. Не люблю чужие прикосновения.

— Чужие люди? — голос Димы изменился. Стал стальным, — А, ну раз мы чужие люди. Тогда пошла ты нахер к своему тренеру, изменщица.

Спокойствие Даши пропало. Дима тяжело дышал и едва сдерживал ярость, сдерживался, чтобы не сказать что-то ещё, что-то более обидное и неприятное. А так хотелось.

— Что? Какая изменщица, о чем ты? — глаза Калининой были похожи на глаза кота из «Шрека». Жаль, что на Диму это не действовало.

— Хватит притворяться. Или чужим людям не доверяют такого?

Даша сжала губы. Её это очень задело и оскорбило, тем более, она даже близко не делала чего-то, на что намекал Дима. Они с Романом всегда оставались тренером и спортсменкой, никогда не выходя даже в ранг «друзья». А изменять... это что-то за гранью воспитания Даши. Она молча поехала на другой конец льда.

Безумно задело. До слез, которые было невозможно остановить. Она запрокинула голову вверх, но это не помогло. Слезы полились.

Она поступила так, как должна была. И ничего уже не исправить. Дима зол, и она понимает его. Понимает чувства. Но разве она заслужила такие оскорбления, разве она заслужила такого отношения?

Нужно меньше думать о таком. Слёзы начинают идти ещё сильнее, и меньше всего на свете Даша хотела, чтобы Дима их заметил.

На прыжки сил уже не было. Она просто ехала и дергала ногами, не желая терять разогретые мышцы.

Чёртов Панкратов.

— Ты плачешь?

Точно, чёртов Панкратов.

— Уйди от меня, — Даша набрала скорость, уезжая снова. Догонялки получались отличные, потому что скорость Димы была куда больше и ему не доставляло труда догнать девушку.

— Правда глаза режет?

Девичьи кулаки сжались. Он не может отстать? Просто отстать и не трогать её. Пусть думает что хочет, но не лезет со своими тупыми обвинениями.

— Да что же ты одна плачешь, Ромочке позвони, он тебя утешит.

— Отвали от меня! — Даша перешла на крик, да так неожиданно, что сама чуть не испугалась. Просто вырвалось, — Свои домыслы оставь при себе, я знать не хочу тебя, если ты готов такое сказать своей бывшей девушке! Ты негодяй, просто невыносимый! Что ты хочешь получить, мои слезы? Получил, так ты ещё чего-то хочешь! Свою недостаточность на меня проецировать не надо! И...

Поцелуй.

Дима просто поцеловал её. Сам не понял, что хотел сделать этим действием. Кому хотел причинить боль. Наверное, обоим. Себе тем, что снова прикоснулся к Даше, а ей тем, что она целуется с «негодяем».

Она ответила, лёгким движением губ. А затем пощечина, оглушающая. И огромные светлые глаза, наполненные слезами. Даша уезжает к выходу, практически выбегая с арены.

Дима смотрит ей вслед. Тонкой фигуре в его кофте.

Все могло быть иначе. Она сама выбрала такой путь и такую историю. Их история закончена.

— Ну что ты как разваливающийся старик! Быстрее, быстрее!

Потому что он и есть разваливающийся старик. Тимур тяжело вздохнул, насколько это было возможно, и вошел во вращение. Денис Русланович просил от него скорости, а скорость-то тут брать было особо незачем. Музыка быстрая, но не настолько. Ещё и возомнил его тем девятнадцатилетним пареньком, который и кучу четверных налепит, и вращения быстрые сделает, ещё и не запыхается к концу.

Вообще, весь предыдущий сезон тренера все устраивало. А к Олимпиаде оказалось, что нужно двигаться быстрее, прыгать выше, и вообще у Тимура ось неровная.

Гоняли не одного Тимура. Саша ехал по краю катка, тяжело дыша и пытаясь привести себя в норму. Тренировка выжала из него все, ноги дрожали и болели, а конец был очень не близко. И пусть Анна Павловна была более благосклонна к своим спортсменам, чем Ушаков, досталось Суркову не мало.

Сегодняшняя тренировка была условно поделена на две части. Утром тренировались парни, затем шел часовой перерыв, и выходили девушки. По желанию, парни могли остаться на вечернюю тренировку. Условно по желанию, у Тимура, например, выбора особо не было. Саша тоже не собирался отставать от ритма. У него и перерыва не будет, пойдет в зал в это время.

Александр Сурков здорово вырос с прошлой Олимпиады, куда он шагнул вчерашним юниором. Сейчас он был представителем настоящего взрослого мужского катания. И обладателем самого большого числа поклонников-восторженных девочек. Дело в том, что походы в зал не прошли даром, и теперь в «малыше» Саше было больше мышц, чем... чем всего. Он не был качком в общем понятии, но для фигурного катания очень даже.

Нужно было постараться, чтобы умотать такую махину, но Анна Павловна справлялась с этим на «ура» раз за разом.

Даниил Лебедев проехал перед лицом Тимура во время его же проката, заходя на лутц.

Четверной лутц.

И падение.

Могло быть одним из многих, но не стало. Даниил так и остался сидеть на льду в попытках встать.

Тимур остановился, не доделывая прокат. Все внимание привлек Даниил. И он сам от этого не получал абсолютно никакого удовольствия.

— Что случилось? — Анна Павловна напрягла голос, чтобы докричаться до своего воспитанника. Она весьма редко кричала, так что весь лёд чуть ли не впервые услышал её громкий голос.

— Все нормально, — пропыхтел Даня, наконец-то вставая на ноги. И тут же чуть ли не падая. Саша буквально поймал его, придерживая за плечи, — Просто ушиб.

Ушаков сжал губы. Где-то он это уже слышал. Точнее, слышит и по сей день. Он открыл дверь катка и поспешил к Лебедеву. Вокруг него уже собрались люди, Саша придерживал младшего товарища, помогая ему передвигаться. Одна нога даже оттолкнуться ото льда толком не могла, хотя Лебедев честно пытался. И даже не морщился, держал лицо.

— Мальчик мой, как ты? — Анна Павловна тут же подбежала к выходу, встречая Данила. К счастью, девочек не было, и никаких вздохов и охов тоже. Только тренерские и

вполне оправданные.

— Просто подвернул. Я посижу и все нормально будет.

— Ага, конечно, — Денис Русланович был настроен максимально скептически, — Парни. Свободны. Даня, сейчас пойдём к медику.

О, освободили на полтора часа раньше. Ну, как освободили, парни, наверное, отдохнут немного и снова на лёд. Невозможно после таких тренировок с чистой совестью идти отдыхать. Всегда хочется быстрее, выше, сильнее.

И, как оказалось, не им одним. Через полчаса, когда Лебедева уже бесповоротно и окончательно увели в медпункт, а парни намылились на лёд, в коридоре послышался шум шагов и веселый смех.

— Что это? — Саша завязывал коньки.

Тимур пожал плечами, плотнее затягивая бинт на руке. Он вполне себе равнодушно выглянул в коридор, совершенно не ожидая того, кого он там увидел.

Стоит упоминать, что парни были после душа и полураздетые? А что, в раздевалках тепло. Тем более, Тимуру еще заканчивать свои обмотки и обклеивания тейпами. В общем, он был в одних спортивных штанах и кроссовках.

— О. А... — у девушки аж сбился настрой на разговор.

А вот и они, запасные участники Олимпийских Игр. Обе из тренерского штаба Тамары Львовны, обе прекрасно знали Тимура. В лицо. Лично ещё ни одна, и это знакомство как-то не заладилось.

Тася Ромашкова, не использующая свое полное имя нигде, кроме как на официальных соревнованиях, шестнадцатилетняя самобытная фигуристка. Она не любила нежные композиции, больше светилась в образах воинственных дам. И замолчала как раз не она, потому что она точно что-нибудь выпалила. Замолчала Наталия Вакуловская, её младшая подружка по команде. Пятнадцатилетняя, наоборот, нежная и элегантная. Правда, когда не находилась рядом с подружкой.

И Аня Хромова с ними. Но, она точно не удивилась такому виду Тимура. Мало того, что давно уже катались вместе, так ещё и Тимур перешел в штаб матери как раз в год, когда Аня начинала блистать на юниорском уровне. Их совместный лёд был не редкостью.

— Ты бы хоть оделся, — это Аня и сказала. Тимур улыбнулся уголками губ, пожал плечами и зашёл назад. Вот вышел бы Саша туда полуголым — вот это да-а-а. А на Тимура чего смотреть? Чуть подкачанный, но все равно худой до ребер. И бледный. В своих обсуждениях девочки сошлись, что на свой товар свой купец, и этот уже купили.

К моменту, когда Тимур обвязал себя всего, наклеил тейпы на спину, надел поддерживающий пояс, проверил тейпы на коленях, девчонки уже настолько размялись, что прыгали тройные.

— Ты одетый, приятно, — прокомментировала Аня, проезжая рядом.

— При жене моей такого не скажи, — пробубнел Тимур.

Аня, конечно, не скажет. Она улыбнулась и поехала дальше.

Вот такой нонсенс. По времени перерыв, а на льду и парни, и девушки. Не все, правда, Яся пришла только через час после официального начала тренировки. Быстро влетела, пока не видел Роман Константинович. Денис Русланович и Анна Павловна всё ещё отсутствовали что наводило на не очень радужные мысли. Диме Панкратову, первому запасному, пока ничего не говорили. Он пришёл на женское время и сейчас только разминал тройные.

Денис Русланович вошел в помещение с тренировочной ареной как раз в тот момент,

когда у Тимура случилась бабочка на сальхове и он схватился за ногу. Её свело болью, но это было больше чем-то привычным, чем непредвиденной ситуацией.

И, кажется, на другом конце льда Яся не очень хорошо свалилась с флипа. Потому что Денис Русланович начал очень не добро:

— Давайте, все тут поубивайтесь! У нас же не Олимпиада скоро, — пока Ушаков это говорил, Роман с огромным вопросом в глазах смотрел на него. Что, впервые увидел, что спортсмены падают? Они обычно за тренировку успевают весь лёд облазить.

— Все нормально? — Дима проехал рядом с Тимуром, все ещё держащемуся за ногу. Ту самую, которая была сломана два раза.

— Пойдет.

Тем временем Денис Русланович подошел к Тамаре Львовне и что-то начал говорить. Тихо и косясь на лёд. Кажется, будет выход запасного спортсмена.

Что же, это радость для Димы и огромная потеря для Лебедева. Жалко парня, он был действительно достоин попасть на эту Олимпиаду. Что же, карты сложились несколько иначе.

У Тимура эти карты тоже не складывались каждый год, но он раз за разом собирал карточный домик. До третьей Олимпиады дошёл практически развалившийся, в куче тейпов, бинтов и с кучей диагнозов. К счастью, не все спортсмены такие отбитые и многие ставят своё здоровье выше Олимпиады.

Тимуру нельзя было прыгать четверные. Точнее, можно, но чаще всего получались бабочки, как с сальховом. Но, выбора не было, и нужно было их восстанавливать прямо сейчас. Травма с Чемпионата Европы не давала покоя.

— Да черт! — раздалось женским голосом.

И падение.

Девушка снова встаёт и заходит на прыжок.

И так без конца, Тася уже несколько раз побывала на льду. Но никак не сдавалась и до последнего пыталась сделать четверной тулуп. Даже если отобьет себе всё. Любой ценой.

Наташа поглядывала на неё, но таких же порывов убитья не испытывала. Вообще, Наташа сегодня проходила по вращениям. И привлекала внимание тренеров Ушаковского штаба своей утонченностью и женственностью. Последней настолько тоненькой фигуристка была, наверное, Ева. А когда Ева выступала, Наташе было семь и она прыгала двойные. В общем, давно. Жалели, что она не в Ушаковском штабе и завидовали Тамаре Львовне. Повезло с такой спортсменкой, значит будет прыгать много четверных.

Образ был подан хороший и Тимур поехал на четверной тулуп. Он уже делал его несколько дней назад, показывая Никите и Соне, своим детям. Но, после этого ни разу.

Четверной тулуп.

Сделал! Ладно, не всё так уж потеряно, как он думал. Тулуп делает.

А если попробовать 4—4?

Денис Русланович не смотрит. Нога не заболела от тулупа. На Олимпиаде их надо как-то делать! Ну и все, выбор очевиден.

Пусть он и пронесся мимо Дениса Руслановича, но он не обратил никакого внимания. Мало ли, чего он там тренирует. Ярослава и Саша обернулись, видимо, удивившись активно передвигающемуся Тимуру. Он вообще скромно тренировался в последнее время.

Вдох.

Четверной тулуп.

Стоит.

Четверной тулуп.

Есть!

И ничего не заболело. Вывод: нога не болит на тулупе! Тимур довольно улыбнулся, но рядом был более эмоциональный всплеск.

— Да ка-а-а-ак?! — Саша был в полном недоумении. Он взял разгон на флип, его самый любимый прыжок с недавних пор. И, с тех же пор, к нему пытались прицепить второй четверной прыжок. Саша очень хотел сделать это на Олимпиаде, но время поджимало и успехов особых не наблюдалось.

Ну Даша же сделала каскад 4–4, чем Сурков хуже?!

Четверной флип.

Четверной тулуп.

И Саша падает на лёд, недокрутив пол оборота.

— Черт.

И так не очень приятно, а ещё и Анна Хромова прямо перед ним сделала четверной тулуп-четверной тулуп!

— Девушки, — скорчил лицо Саша, смотря на лёд.

А у него когда это получится?

День просмотра программ подобрался незаметно. И заставлял волноваться тех, кто не знал, как это проходит. То есть, девочек, потому что Олимпийская тройка с момента травмы Лебедева осталась неизменной. Тимур Панкратов, победитель прошлой Олимпиады, Дмитрий Панкратов, серебряный призёр, и Александр Сурков, бронзовый призёр.

Сегодня смотрели и короткие, и произвольные программы. Все как обычно, два сложных проката за день. И не очень напряженная атмосфера в тренировочной зоне.

— Але-оп! — Яся прыгнула перекидной с руками наверх.

— Ну ты, конечно, гениальная фигуристка, — Саша сегодня был богом шуток и сарказма. Хотя, тут скорее сраказма. Яся на его высказывание показала язык и пошла тренироваться дальше.

Тренировка перед таким прокатом очень важная составляющая. Перед любым важная, но тут особенно тонкий подход. Нужно было просчитать силы так, чтобы остались силы на прокаты. Поэтому, Тимур практически ничего не делал. В основном просто стоял или разминал руки. Хотя, стоило бы ноги. Ведь сегодня он прыгает все четверные по максимуму, а отрабатывает их всего несколько дней. Три, если быть точным. Хотелось надеяться на то, что парень очень быстро восстанавливается. И игнорирует факт наличия боли и травм, что рано или поздно в могилу его сведет.

— Всем привет!

— Да что ты тут забыла? — прошептал Дима, закатывая глаза. Даша на него абсолютно не отреагировала, улыбалась всем. А Роман, стоящий за её спиной, знатно добавлял уверенности.

— Приве-е-ет, — Яся тут же довольно подскочила, обнимая сестру. Вот кто точно радовался приходам Даши.

Дима просто отвернулся, излишне придирчиво поправляя рукава своей кофты. Свалилась на голову.

С опозданием в зал вошли Аня и Тамара Львовна. Девушка была очень счастливой, улыбалась, и радостно всем помахала. О тренере такого не скажешь, она оставалась предельно серьезной. И даже недовольной.

— Итак, ребята, — Денис Русланович попросил немного внимания громким голосом, — На лёд выходим в следующем порядке: Через полтора часа на лёд выходят парни, катают короткие программы. Первый Дима, потом Саша, заключительный Тимур. Потом двадцать минут перерыва и на лёд выходят девушки. Первая Аня, потом Тася, Наташа, Яся и Крис завершает. У девушек катают и запасные, как вы могли понять. После девушек пары ещё будут катать около пятидесяти минут. А ещё после пятидесяти минут перерыв два часа. Отдохнуть времени должно хватить. Долго не отдыхаем, помним, что вам нужно и разминаться на произвольную. Тренировка на льду будет полчаса перед началом, через час выходим. На этом все, разминайтесь, — и сразу, без остановки, но понизив голос, — О, Даша. Давно ты тут?

Калинина хихикнула, пожимая плечами. Ну, а что тут скажешь?

— Интересно, кто будет из зрителей? — Саша решил поговорить с остальными членами сборной, мешая им разминаться.

— Федерация. Санёк, ты чего? — ухмыльнулся Дима, подпрыгивающий на месте.

Сурков закатил глаза и так посмотрел на Панкратова, что тот поспешил пояснить, — Ну, явно вон та.

«Вон та» это Даша. Тимур хмыкнул, но промолчал. Он вообще предпочитал сейчас хорошо, но очень спокойно, разминаться, а не разговаривать, потому что его травма до конца не прошла. До Олимпиады чуть больше двух недель, шанс на заживление есть. А сейчас придётся прыгать четверные с тейпами. Хотя не на обезболивающих уколах.

— Тима, Ева будет? — Яся тоже решила чесать языком. Ну да, тут один Тимур дед с мышцами, которые не разогреются за двадцать минут.

— Не знаю, может быть. Если и будет, то с малышкой, — да уж, сложно осознавать, что вот этот парень перед ними для кого-то отец. Ребята даже на несколько секунд подвисли, а потом просто продолжили заниматься. Только «Дядя Дима» этой «новости» не удивлялся. Эта малышня у него уже по самое горло, хрен забудет.

Через минут двадцать никто уже не говорил. Только тренеры иногда отпускали комментарии и давали советы своим ученикам. Дима уже сел передохнуть немного, боясь потратить все силы перед выходом на лёд. Даша стояла около окна, рядом с Романом и о чем-то мило беседовала. Дима усиленно не смотрел туда.

Денис Русланович тоже рядом там не был. Он стоял с какими-то бумагами и ручкой, очень напряженный. Делал немислимое количество каких-то пометок и записей. Что это за листочки ребята не знали, даже любознательная Яся, попытавшаяся узнать, получила отворот.

Дверь зала тихонько приоткрылась, чем привлекла внимание только Яси и Кристины. И первая чуть не завизжала от восторга, чудом сдержалась. Там стоял человек, которого она не видела лично с прошлого сезона, последнего для этого человека сезона активной карьеры.

Екатерина Панкратова приложила палец к губам, подсказывая, что нужно молчать. Яся кивнула, но тарашиться не перестала. Ещё и внимание Тимура привлекла. Ну, он сестру видел несколько чаще, чем Яся, поэтому дикого восторга точно не было.

Катя была уже взрослой девушкой. Двадцать два года, огромный опыт на коньках за спиной. И законченная карьера не из-за травмы. Просто по желанию. Но и это не главное в личности Кати, что удивляло всех три года назад. Да и сейчас удивляет, чего уж скрывать.

Катя напоследок поправила высокий светлый хвост на голове и начала свою операцию ниндзя.

Что же, ниндзя спалил светлый хвост и цель подняла голову.

— Привет, — улыбка на лице была легкой и практически незаметной. Зато все морщины разглаживались просто на глазах.

— Привет, — Катя остановилась от Дениса Руслановича в метре, заводя руки за спину. Она была просто не в состоянии сдерживать улыбку, поэтому улыбалась во все тридцать два.

Тимур на заднем плане цокнул и отвернулся. Он всё ещё не мог на подобное спокойно смотреть, пусть и воспринималось это легче, чем три года назад. Он стал единственным, кто не принял это до конца. Дима относился спокойно. Раньше. Но сейчас он неосознанно начал смотреть на Дашу и прогонять в голове все воспоминания как раз с того года. Хороший был год. Лучший.

— Иди сюда, — прошептал Ушаков, понимая, что говорить громко не стоит. Отвлекать спортсменов не хотелось, а получать злого Тимура так тем более. Катя улыбнулась еще больше — хотя, казалось бы, куда больше — и скользнула в объятия.

Ушаков вернулся к своим листочкам, но теперь его рука, держащая их, проходила через

объятия. Так намного приятнее.

— Я тоже так хочу, — мечтательно вздохнула Яся. А Сурков нашелся с ответом.

— Филипп Владиславович недавно развелся. Вперёд.

Калинина закатила глаза, возвращаясь к тренировке. Да, Филипп Владиславович недавно развелся, но ему под шестьдесят!

— Ты смотреть пришла? — Денис Русланович сделал очередную пометку и не удержался, задал вопрос Кате.

— Да, у меня сегодня же свободный день. Только я на трибунах буду, не хочу с мамой рядом стоять, — поежилась девушка, косясь на женщину. Она даже не сделала вид, что что-то произошло, когда дочь вошла. Не удивительно, Катя и не ждала какого-то особого приёма.

— Конечно. Если Ева придёт, садись с ней. А если будет скучно, приходи к нам, будешь со мной стоять. И никакой маме я тебя не выдам.

Катя хихикнула, а в следующую секунду получила чмок в губы. Да, она уже начинает сомневаться, что хочет уйти на трибуны, а не остаться стоять с Денисом. Придётся вспоминать, что во время тренировочного процесса он старый добрый Денис Русланович, а не Денис, и убеждать, саму себя, что ты будешь мешаться под ногами.

Даша отвлеклась от разговора с Романом, ловя взгляд Димы. Что-то случилось? Он раньше избегал взглядов. Хочет себе сделать больнее?

Они смотрели друг на друга еще около минуты. А потом Даша позволила себе поднять уголки губ в подобии улыбки. Панкратов тут же отвернулся и встал с пола. Ушел тренироваться. Калинина вздохнула, опуская взгляд в пол.

— Даш, это не мое дело, но ты можешь ему все рассказать, — Роман предпринял попытки к помощи, но такие осторожные и тихие.

— Не могу.

Она не может ему все рассказать. Не поймет, не примет, на смех поднимет. И зачем она каждый раз приходит туда, где есть он?

— Привет, я еле вырвалась.

— Я очень рада тебя видеть, — Катя крепко обняла Еву, улыбаясь во весь рот. В последнее время они действительно виделись очень редко, и эта встреча была некоторым глотком свежего воздуха. Для Евы так точно. Быть матерью двух детей оказалось неожиданно сложно.

— С кем ты оставила Никиту и Софу? — Катя задала этот вопрос когда они уже опустились на свои трибуны, где-то посередине средней арены. Отсюда хорошо видно и фигуристов, и девушек фигуристам. А ещё спины тренеров. И не только спины.

Денис Русланович обернулся назад, тепло улыбаясь обеим девушкам. И Катя не удержалась, улыбнулась в ответ. Ева тоже улыбнулась, но больше не в ответ, а на действия этих двоих. Какие же они... даже слов нет, какие.

— Никита на тренировке, Софа тут где-то бегают. Наверное, уже нашла Тимура и висит у него на ноге, — Ева откинулась на спинку сиденья, прикрывая глаза, — Честно, все равно. Тут не потеряется, её все в лицо знают.

Катя даже не нашла слов. Ева выглядела замечательно, но как только она расслабилась сразу стало заметно, что девушка очень устала. Надо забрать у них детей хотя бы на один день, дать отдохнуть, выспаться... хоть что-то. Ева почувствовала взгляд и приоткрыла один глаз. И улыбнулась. Мол, все в порядке.

Постепенно собирались и представители Федерации. Прокаты перед Олимпиадой традиционно проходили в тренировочном центре Ушакова, поэтому для спортсменов его штаба эти прокаты были стрессом несколько меньше, чем для приезжих. Например, Анна Хромова очень волновалась и ходила по коридору с заткнутыми ушами. Не хотела сбиться и ошибиться, а уж тем более потерять свою путёвку на Олимпиаду.

— Когда планируешь детей к Денису переводить?

Молчать было не очень. Говорить о программах спортсменов тоже, сразу же понятно, за чей чистый прокат болеет Ева.

— Какое переводить, они кататься-то не умеют нормально. Никита перекидной прыгает и крутиться может. Рано ещё. Как будут все двойные и частично тройные, тогда и пора. А пока что Панкратовых в спорте хватает.

— Да-а... — философски протянула Катя. С этого года-то Панкратовых стало в спорте на одного меньше.

— Нет, я не это имела в виду, — тут же спохватилась Ева, — Я не имела в виду, что ты была лишняя... нет, не так сказала. Я вообще не думала никогда об этом. Ты отлично катаешься, да, правда, и я восхищаюсь тобой...

— Спокойно, — Катя рассмеялась, — все в порядке. Я ничего и не думала.

Тем временем в тренировочной зоне происходил какой-то ужас. Аня, как уже говорилось, просто ходила в коридоре с закрытыми ушами. Дима напрыгивал прыжки на месте, большее коньки не позволяли. Тимур просто стоял с дочерью на руках, она и правда его нашла. Саша все ещё шутил анекдоты, и тупые, и смешные, и вообще любые. А девочки не упускали возможности с них смеяться. Все, кроме Яси. И Ани в коридоре.

— Дима, пойдем, — Тамара Львовна поманила его к себе, — тебе уже выходить сейчас.

Уже начало. Они начинают, сейчас даже глазом моргнуть не успеют, как все пройдут.

Девочки волновались больше всех. Для них подобный показ был впервые, они слишком серьезно его воспринимали. Аня так точно. Самая младшая из Олимпийской сборной, не считая девочек-запасных. У неё меньше опыта, она вообще вся дрожит как осиновый лист при упоминании Федерации.

Дима ушел из тренировочной зоны, Тамара Львовна вслед за ним. Правда, вернулась через несколько секунд и подошла к Тимуру. Что, будут наставляющие слова? Она обычно этого не делала.

— Дай внучку сюда, — Тимур улыбнулся и передал девочку Тамаре Львовне. Пусть стоит с ней, если так нравится. И у Евы на виду будет, и никому мешаться не будет. Соня отнеслась к перемещениям с интересом, начав трогать кудряшки бабушки. Теперь Тамара Львовна удалилась окончательно.

— Тимур, — Денис Русланович привлек к себе внимание, — перевяжись, пока есть время. Особенно колено и руку.

Тимур кивнул. Да уж, вот он точно сборный человек. Бинты на руке, на колене и на лодыжке. Тейпы на спине, на его проблемной ноге и на шее. Всё нормально, просто кому-то двадцать семь.

— Да хватит переживать, — Саша поймал Ясю за запястье, — Вы себя накручиваете. Там ничего страшного, вот серьезно.

— А ты самый умный, я смотрю. Руки! — Ярослава выдернула свою руку из хватки Суркова, хмурясь. Саша пожал плечами, закатил глаза и отвернулся. Пусть волнуется, если ей так хочется.

Дима осмотрел арену. Привычно. Средняя арена Ушаковского штаба. На трибунах Катя и Ева. Федерация... да поименно он их перечислять не будет. Вроде все хорошо.

— Блять, — а это мысли в следующую секунду. На трибуны рядом с Евой и Катей опустилась Даша. Ещё и чертовски красивая сегодня. Честно, Панкратов залип. Распушенные прямые волосы, классический костюм... Ей очень шло.

— Слова выбирай.

Дима тут же отвел взгляд. Мама права. Нужно не только выбирать слова, а ещё и не пялиться на всяких предательниц.

Танцевальные пары катали в другом месте, поэтому сегодня парни открывали просмотр. Лёд залили свежий, все уже собрались. Ну всё, пипец.

— Иди.

Его подтолкнули в спину. Значит, перед прокатом у каждого индивидуальное время разминки. Это неплохо, лучше, чем шестиминутка.

Тимур тем временем действительно перевязал себе руку. Колено решил не трогать, потому что до него тяжело было добраться. Пусть он сегодня и катался без костюма, но для этого нужно было снять несколько слоёв одежды.

— Диму выпустили на лёд, — оповестил его Саша. Он катал следующим. Тимур кивнул и потянулся за тёплой кофтой сборной, — Ты замерз?

— Нет, — молния застегнулась, а Тимур подхватил что-то из своей сумки.

— А куда?

— Саш, ну что ты как маленький? — на лице Тимура возникло искреннее непонимание, — Курить!

— А... Курить.

Ну да, перед двумя четверными нужно только покурить. Тимур ухмыльнулся

сокоманднику, подкинул невысоко пачку с тонкими вишневыми сигаретами и направился к выходу. А что, ему терпеть что ли до конца прокатов?

— Куда он? — Денис Русланович тут как тут. Тимура не останавливал, просто смотрел в спину, на которой было очень красиво написано «сборная России».

— Курить.

Ушаков тяжело вздохнул. Вот сколько тренирует этого молодого человека каждый раз поражается в плохом смысле. Какое курить, когда ему сейчас дышать на грани своих возможностей. Исправить эту привычку не вышло, заменить тоже. К двадцати семи годам пришлось просто смириться. Денис Русланович покачал головой, сжав губы, и направился на арену. Им предстоит тяжелая работа. Как минимум, по выбору участников командного турнира.

— Дмитрий Панкратов.

Объявили. Значит, сейчас будут и прокаты. Главное, чтобы Тимур успел.

Прокаты коротких программ мужчин, в ходе которых определится, кто из них будет представлять страну в командных соревнованиях. А после в произвольных они узнают полный состав на командный турнир. И окончательно утвердятся как олимпийцы. В общем, денёк ответственный.

Короткая программа Димы Панкратова уже начиналась, Саша Сурков разминался для представления следующей короткой программы, насколько это возможно было сделать уже стоя на коньках. Тимур курил. Всё стандартно и прямо показывает уровень опыта и волнения.

За трибуной Федерации также присутствовали и знакомые лица. Например, Альбина Валерьевна, теперь уже заместитель генерального директора федерации фигурного катания на коньках. А ещё та, от которой у Тимура просто глаза закатывались и не хотели назад выкатываться. Та, которая обожала Диму и иногда Катю. В общем, бабушка этого семейства. К трибуне Федерации также имели право подойти тренеры, Денис Русланович в прошлом олимпийском сезоне там вообще каждого отстаивал из своих. Мнение Тамары Львовны и так излагала Альбина Валерьевна.

Даша смотрела на Диму так же пристально, как и всегда. А Дима старался не чувствовать этот взгляд и осознавать, что это просто бывшая. Ничего не будет как раньше. И ему пора успокоиться, не шестнадцать же лет. Давно уже. Но почему тогда его брат и сестра нашли счастье, а он нет? Недостоин?

Тяжелый вздох для успокоения и Дима приветствуется перед Федерацией. Нужно быть вежливым и учтивым, не показывать, что ты чем-то озадачен. Или кем-то, сидящим не так далеко.

В короткой программе Дима катал под произведение, происхождение которого предпочитал не вспоминать. И так все уже успели посмеяться над его программой под саундтрек из саги «Сумерки». Ещё и под тему Беллы. Вот уж Белла так Белла. Под два метра ростом, с очень суровым взглядом. А Белла-то уже не та, как-то не так на неё яд вампиров действует.

Дима сам улыбнулся от своей шутки, после наконец-то останавливаясь на начальной точке. Белла Свон выходит на новый уровень. Пытается пробиться на Олимпиаду.

— Даш, а тебе нормально... ну... смотреть на его прокат? — Катя постаралась как можно более осторожно задать вопрос подруге. Знакомой. Непонятно, в какой ранг её нужно все-таки поместить.

— А почему нет? Я люблю смотреть прокаты.

Ева с Катей переглянулись. Такой ответ, словно Даша и не поняла, зачем её спрашивали-то. Спрашивать дальше не стали.

За весь сезон Дмитрий Панкратов откатал свою программу чисто всего один раз. И это короткую! На Финале Гран-При он показал свой наивысший результат, но все равно в короткой программе был третьим, после Саши и Тимура. А в произвольной стал восьмым. Этот сезон был безумно тяжелым.

На арену зашёл Сурков, потряхивая руками и разминая шею. Опять не смог удержаться и пришёл смотреть на прокат соперника. Или сокомандника. Как его ещё можно назвать? В сборной-то они вместе.

— О, Саша! — его появление сразу же заметили и девушки. А его статус, которым они его иногда подкалывали, был более чем достойным. Саша единственный из парней сборной ни разу не участвовал в «мутках» с фигурнокатательными личностями. У него вообще с момента первой Олимпиады девушки не было. Весь в фигурном катании.

Громкая музыка отвлекла девушек от мыслей про холостяцкий статус Саши.

Дима начал катать короткую программу. Он сегодня, как и все, кроме Тимура, был в костюме. И у него он был черно-фиолетовым с кучей переливов.

По сложности программа оставалась практически неизменной долгие годы. Ни разу Дима не отступил от задуманного плана, несмотря на то, что он не выходил. И сегодняшней день не был исключением.

Четверной лутц.

Тройной риттбергер.

Сделано.

Тамара Львовна подняла руку вверх в знак победы над каскадом, чему очень удивилась светленькая девочка на её руках. Соня попыталась свалиться, но хватка бабушки не позволила её этого сделать. Ева это заметила и незаметно для самой себя улыбнулась. Соня такая симулянтка, конечно.

Четверной флип.

Упал, но тут же поднялся. Не сильно приложился, что было, несомненно, хорошо. С чего он решил падать с четверных флипов, он не знал. Просто какое-то волнение накатывало.

Саша поморщился. Неприятно, когда падают люди.

Тем временем, Тимур закончил свой быстрый перекур и шагнул назад. В конёчках, а как же. Удобно на улице в лютый минус, наверное, стоять.

Денис Русланович встретил его молчанием и смирением, просто развел руками, мол, нашёл время. Но он же успел, так что проблемы Тимур вообще не видел. Просто пошёл прыгать, чтобы мышцы вновь согрелись.

Тройной аксель.

Улетел в степ-аут.

Стандартный прокат короткой программы для Димы, без каких-либо прикрас. Поэтому он и не был в основной сборной на Олимпийские игры до травмы Лебедева. Даня, кстати, отнесся к этому философски. Сказал, что его шанс будет через четыре года, и сейчас он просто не готов. Такое бывает, и он не расстроен. По крайней мере, это он так говорил, лёжа с гипсом.

— Почему Дима так разваливается на последних стартах?

— Потому что психологически никак собраться не может и делает из себя размазню, — вот такого ответа от Даши никто не ожидал. Лица Евы и Кати синхронно вытянулись, а Калинина вновь будто бы не заметила.

— Даш, а ты... Почему так о нём отзываешься? Он ведь ничего тебе не сделал...

— Так, похоже, нужно прояснить пару моментов, — Даша тяжело вздохнула, поворачиваясь на них, — Я не в депрессии после расставания. Я не ассоциирую себя с ним. Это было давно, и уже не важно, просто страница в жизни. Я не буду от него бегать или не обсуждать его. Он для меня абсолютно такой же фигурист, как и все, кто будут кататься сегодня. Не нужно этих многозначительных вопросов. Хорошо?

Хорошо-то хорошо. Хорошо, что этого не слышал докатывающий Дима.

Федерация скромно похлопала, и Дима сам понимал, что даже если бы они хотели хлопать, он был не достоин большего. Напортачил здорово, а степ-аут с тройного акселя, когда в арсенале всё ещё четверной — это, конечно, просто сказка, иначе и не скажешь.

— Соберись, тебе нужно собраться до произвольной, — Тамара Львовна похлопала его по спине. Дима кивнул, сам прекрасно это понимал.

А снизу его «поддержал» малышачий крик.

— Дядя Дима!

Он улыбнулся, потрепал Соню по голове и направился в раздевалку. Ему предстояло настроить себя на произвольную, иначе место в Олимпийской сборной будет явно не его.

Саша выехал на лёд, начиная свою импровизированную разминку. Анна Павловна оперлась о бортик, готовая подсказать что-то своему спортсмену. В целом, форма Саши была замечательной, поэтому волнений не было. Да и совсем недавно он выиграл Чемпионат Европы.

— А вот и наш холостяк.

На выступление холостяка вышли посмотреть и девочки, которым ещё предстоит кататься сегодня. Яся и Аня. Первая просто потому что посмотреть хотелось, а вторая пришла к своему тренеру. Тамара Львовна что-то говорила ей и показывала руками, совершенно не обращая внимания на лёд. Аня взволнованно кивала, понимая, что ей выходить после Тимура. Первой. Невероятно страшно, а она ещё и самая младшая тут. Всего шестнадцать.

Столько же было и Еве. Поэтому, она смотрела на Аню с каким-то пониманием и желанием успокоить. Что всё будет хорошо, что это совершенно не страшно. Но, ничего ей сказать она не могла.

Саша сделал четверной лутц вне проката. На разминке. И так легко, что девочки даже засомневались, что не три оборота. Даша настаивала, что четыре.

Тимур стоял в тренировочной зоне. И будет стоять до последнего, потому что смотреть на прокаты ему нельзя. Это было понятно уже с его ранних лет. Денис Русланович был с ним, а Роман пошёл на арену, к Саше.

— Может, без квадфлипа? — Денис Русланович смотрел за мелкими прыжками Тимура и иногда за тем, как парень морщится от неприятных ощущений.

— Со всеми четверными. Что, на Олимпиаде тоже без четверных будем? — больно и больно. Терпел, и сейчас перетерпит. Боль не невыносимая, у него нет перелома. Был разрыв связок, но сейчас всё уже хорошо, — Если волнуетесь, можем заморозку уколоть.

Ушаков помотал головой. Никакой заморозки не будет. Пусть чувствует, что происходит, и контролирует ситуацию.

Тимур убивал всех своей упертостью. Он возвращался раз за разом, не обращая внимания на травмы. Редко допускал пропуск стартов, тренировки не пропускал вообще. Только опаздывал, но на это уже все закрывали глаза. Денис Русланович из приличия иногда бубнел, но дальше это не заходило.

— Александр Сурков.

Саша даже перепугался. Кто его зовет, куда, зачем. Через несколько секунд сообразил, что это его объявили и нужно вставать на прокат. Анна Павловна посмеялась со своего воспитанника. Взрослый парень, а такой забавный малыш, на самом деле.

— Дмитрий в командном турнире в короткой программе стоять не будет, — когда музыка Саши уже играла, Федерация продолжала обсуждение предыдущего проката. Возник

спор: Альбина Валерьевна настаивала на том, что Дима должен участвовать в короткой программе и он сможет набрать форму, а все остальные говорили о том, что им не нужно рисковать.

— Давайте посмотрим на прокат, дамы и господа.

Посмотреть было на что. Потому что Саша уже прыгал свой первый прыжок. Пока что самый сложный в этом сезоне, стабилизировать который стоило больших усилий.

Четверной риттбергер.

Четко ощутил недокрут, но выехал. Тут уже было дело принципа вставить его в олимпийскую программу, если что, всегда есть шанс набрать баллы в произвольной.

Александр Сурков был вторым номером сборной страны и вторым номером в мире. Он не был настолько принципиален в местах, как первый в сборной и мире, но его физические данные и упорство давали свои плоды. Иногда амбиции превышали физические данные и он выпадал из битвы за медали посередине сезона. Например, в прошлом сезоне Саша так и не попал на Чемпионат Мира. От страны поехали Тимур, Даня и Дима. Но, к этому сезону он уже был готов к новым свершениям.

Единственный спортсмен, кроме Димы, приземливший на тренировке четверной аксель. Единожды, и после этого таких успешных попыток больше не было. А затем травма... Но после Олимпиады Саша настроен на его изучение. Заканчивать карьеру абсолютно точно рано, он ещё планирует заявиться на заслуженный Чемпионат Мира.

Тройной аксель.

И, судя по высоте прыжка, у него всё может получиться. И каскады четыре-четыре, несчастные, которые получались даже у Ани и Яси, а у него нет, и четверной аксель.

— Пойдём, — Тимура подтолкнули в спину, по направлению к выходу в коридор. Будут стоять перед дверью. Панкратов послушно пошёл, разминая плечи. Больше всего застаивалась спина.

Четверной лутц.

Тройной тулуп.

И Александр Сурков, видимо, абсолютно чисто откатывает свою короткую программу. Сосредоточенный и серьезный, не позволяющий себе лишнего движения. Зато Анна Павловна сияет как натертый самовар.

— Он точно становится претендентом на короткую программу, — доносится со стола Федерации после длительного молчания. Альбина Валерьевна чуть ли не сгорает, но молчит. Сложно доказывать, что программа с двумя помарками лучше чисто исполненной.

Тимур толкнул дверь, заходя внутрь. Окинул всех таким взглядом, от которого можно было похолодеть. И как он это делает? За пределами льда обычный парень, но как только он оказывается на арене, он становится тем самым девятнадцатилетним Тимуром.

— Папа!

И опять переход от одного образа ко второму. На лице появляется улыбка и он присаживается к Соне, обнимая девочку.

— Папа сейчас покатается и вернется к тебе. Хорошо? — и лёгкий поцелуй в макушку.

Ева на трибунах просто расплылась в улыбке. Обожала все эти взаимодействия, и даже теперь не переживала за прокат Тимура. Почти. Если не думала обо всех этих травмах и забывала, что он еле встаёт по утрам. Ну вот, теперь думала.

Александр Сурков закончил прокат. Не улыбался во весь рот, но самодовольная ухмылка говорила всё за себя. Справился с контентом и показал Федерации, кто тут крутой.

А следующим на лёд выйдет Тимур, который тоже постарается показать, кто тут крутой. Если соберет четверные.

— Девочки... я сейчас, — Даша неожиданно для всех встала и пошла вниз с трибун. К выходу. Это на прокате Тимура-то она так пошла?!

— Опа... А она куда? — на риторический вопрос Кати никто не ответил.

Тимур ехал по кругу, разминая ноги. И просто дыша. Больно, не больно, нужно будет сейчас просто собраться с силами и собрать эти несчастные лутц и флип.

Всё время смотрел на лёд и свою несчастную больную ногу. А первый раз поднял взгляд, посмотрев на трибуны. Сфокусировался на Еве. Слегка улыбнулся. Просто чтобы её не волновать, мол, все хорошо.

— Осторожнее, — прошептала Ева. Тимур кивнул, словно услышал. Хотя, скорее, просто прочитал по губам.

Значит, быть осторожнее.

— Тимур Панкратов.

Этот самый Тимур поднял голову на трибуны вновь, лишний раз смотря на Еву. Прокаты, когда она рядом, даются в несколько раз проще. А сегодняшний прокат, без прикрас, будет довольно тяжелым.

— Папа!

Соня всё ещё кричала, когда видела Тимура, чем очень его умиляла. И Еву. Они вообще умилялись с любых действий детей, ещё бы.

Музыка началась. Тимур даже как-то не успел мысленно настроиться на этот прокат, как пришлось буквально «запрыгивать» в уходящий вагон и начинать кататься. Кататься с осознанием, что за столом Федерации точно сидит один человек, который тебя на дух не переносит. Альбина Валерьевна, чтоб ей жилось замечательно.

— А почему он катается в тренировочном? — Катя смотрела на прокат Тимура расслаблено и даже могла генерировать вопросы. Ева настолько следила за четкостью движений, что ответила ей далеко не сразу.

— Потому что когда он получил предыдущую травму, пришлось разрезать штанину.

Брови Кати взлетели вверх. Как-то ей не рассказывали об этом, упустили из виду. Последняя травма Тимура была всего месяц назад, и он успел после такой восстановиться? Почему Катя вообще ничего не знает, хотя это её брат, а тренирует его её молодой человек?

Приближался первый четверной прыжок. Каскад, если точнее. Его передвинули на первое место для того, чтобы был хоть какой-то шанс выехать.

Тем временем Даша Калинина проводила время очень даже продуктивно. Пыталась успокоить без конца бьющееся сердце и найти Диму. Она так до конца и не поняла, зачем ей этот разговор и почему она пошла поддерживать своего бывшего парня. Понимала, что она ему как мозоль на глазу, постоянно причиняет боль. И как бы он не кривил лицо при её виде, всё ещё любит. Или всё ещё обижается на тот её некрасивый поступок. Вынужденный, но он-то об этом не знает.

Четверной лутц.

Тройной тулуп.

Сделал!

Коленка выдала противный скрежет, кости терлись друг о друга. Тимур поморщился, но на качестве программы это не сказалось никоим образом. Оставалось потерпеть с травмами совсем немного, тем более, беспокоило в основном колено. Или рука. Ну, а рука вообще не очень-то и нужна при прокате.

Ева похлопала, тихо и сдержанно. Но внутренне уже сделала ему аплодисменты как от полной арены. Раз за разом поражалась силе воли этого человека, и каждый раз влюблялась вновь.

Соня подпрыгивала на месте, недовольная тем, что видит папу только когда он проезжает мимо бортика. Тамара Львовна не реагировала, слишком увлеченно следила за прокатом. Все-таки никто не забывал, что Тимур теперь на два тренерских штаба, условно. И Тамара Львовна тоже является его тренером.

Аня тоже смотрела за прокатом Тимура, пусть и каталась следующая. От волнения она не могла собраться и начать что-то делать, просто ходила туда-сюда и едва заметно

тряслась. Понимала, что нужно собраться, но ничего поделать с собой не могла.

Тройной аксель.

Тоже есть.

Дмитрий Панкратов нашелся в одном из холлов. Найти его было не так уж и сложно, Даша знала это здание вдоль и поперек, со всеми выходами, входами, и местами, где можно посидеть. Единственное, что она не знала сейчас, это то, куда испарилась вся решительность. Она стояла за углом и смотрела на расслабленное мужское тело.

Он полусидел, полулежал на диване, закинув ногу на ногу. Глаза прикрыты, голова запрокинута, как бы уложена на спинку дивана. Даже не хочется его беспокоить... Даша вздохнула и сделала шаг вперед.

— Кхм. кхм.

Голубой глаз открылся, первые несколько секунд расслабленно смотря на Дашу. А затем взгляд вновь сменился на привычный надменный.

— Что ты хочешь?

Таким голосом он разговаривал с Дашей теперь всегда. Даже тогда, на утреннем льду, когда они были только вдвоем. Не для кого выпендриваться. Он действительно хочет так разговаривать.

— Сказать, что тебе нужно собраться. Я понимаю, что я смущаю тебя, но нужно взять себя в руки, — она прикрыла глаза на несколько секунд, а потом выпалила, — и прекратить позорить свою фамилию. Ты падаешь и падаешь, а всё равно едешь на Олимпиаду. Должен понимать, что там только лучшие.

— Тебя спросить забыл, — его глаза закатились, он вновь вернулся в свою прежнюю позу, — Иди отсюда. Мне неинтересно с тобой разговаривать.

Было неприятно и даже больно. И пришлось проглотить всю эту боль. Ему нечего предъявить. Он имеет право так разговаривать и относиться к Даше. Ведь она первая сделала непростительный поступок, бросила как котенка.

Четверной флип.

Этот выезд был на грани, но он его сделал. Денис Русланович поднял руки вверх, делая несколько хлопков сверху. И Тимур это заметил, проносясь в непосредственной близости. Ева тоже осталась довольна и расслабленно улыбалась. Даже несколько ностальгировала по временам, когда на льду была она. Это было так давно, и вряд ли уже когда-то случится.

— Итак. По короткой программе, — за столом Федерации уже не смотрели, они подводили итоги и выдвигали представителя страны на командные соревнования, — в ней предлагаю поставить Александра Суркова. Программа хороша, мальчик откатывает её на все сто. По сложности она не уступает всем остальным.

Таким образом, Александр Сурков становился первым отобранным на командные соревнования. Он будет катать короткую программу. И даже попытается сделать вид, что не рад до безумия, когда ему это сообщает.

<center>***</center>

Анна Хромова выезжала на лёд будучи полностью не уверенной ни в себе, ни в своих возможностях. Она постоянно думала, что самая младшая из основных претендентов и не должна быть тут, обесценивая свои достижения. А достижений было достаточно — Аня действующая чемпионка России и серебряный призёр Чемпионата Европы. Для шестнадцати лет вполне себе впечатляюще.

Альбина Валерьевна также была её тренером, поэтому Аню она не оценивала и ничего

по ней не говорила. Остальные представители Федерации были готовы к её короткой программе и ожидалась только готовность Ани.

Даша вернулась на трибуны совсем угрюмая. Этот разговор с Димой её расстроил. Она говорила грубо, но хотела лишь подбодрить парня, а не получать грубость в ответ. Попытка была жалкой, да и не стоила она того, в общем-то. Девочки не спрашивали у неё где она была, просто смотрели на прокаты. Все-таки, женское одиночное для них было ближе, хотя бы по фактору того, что они все представительницы женского одиночного катания.

Аня нравилась Кате хотя бы потому, что была достаточно смелой, чтобы катать короткую программу максимальной сложности по нынешним правилам. Ей позволяла комплекция, она была лёгкой и сильной. Все вращения выполнялись на невероятные плюсы, а компоненты дополняли хорошую технику. Идеальный претендент на победу, только лишь неопытность может сбить её.

Взгляд Кати непроизвольно скользнул за бортик. Денис Русланович был относительно свободен и, что удивительно, не пошёл за Тимуром, а остался смотреть. Как всегда сосредоточенный и собранный, вот так даже и не скажешь, что он умеет улыбаться.

Её подсматривания заметили. Денис поднял голову и слегка улыбнулся уголками губ, потом возвращаясь ко льду. Катя привыкла, с рабочим Денисом Руслановичем она была знакома не по наслышке. Тренироваться-то закончила только в предыдущем сезоне.

— Анна Хромова.

Она моментально вскочила в позу, ни сантиметра лишнего не проехала.

Каталась девушка под Joke's On You, Charlotte Lawrence. Интересная композиция, которая влюбляла в себя слушателей по всему миру. Программа тоже влюбляла в себя зрителей. Ну, и прекрасная Анна тоже.

Розовое платье, даже больше цвета фуксия, спускалось вниз неровной юбкой. Одно плечо тоже было оголено, даже перчаток не было. Редкость, ведь многие боятся порезаться. Аня не боялась, и кататься без перчаток ей было намного удобнее. Светлые волосы, но не такие светлые, как, например, у Тимура или Кати, собраны в низкий хвост. Под образ подходило идеально, она была некой джазовой дивой.

Каталась всегда плавно и четко, по методике Тамары Львовны. Она и была тренером Ани с малых лет. Девочка даже как-то катала на контрольных прокатах со взрослыми, когда ей было всего тринадцать лет. Она тогда владела одним четверным прыжком, сальховом, и тот с трудом приземлила в тот день. Было забавно, но в то же время неловко и страшно.

— Какой ужас, ей уже шестнадцать. Я такая старая, — Ева приложила руку к голове. Страшно было даже думать, сколько лет стукнуло ей. Двадцать четыре! А ведь совсем недавно было как раз шестнадцать, и она каталась на Олимпиаде.

— Ты не старая, хватит уже себя так называть, — улыбнулась Катя, отдирая руку Евы от её же лица, — Развейся. Ты себя старой ощущаешь потому что круглые сутки с детьми сидишь. Мы заберем их с Денисом на выходные?

— На год забирайте!

Не-е-ет, так они не согласны. Катя посмеялась. Что же, теперь осталось только Денису сообщить о том, что на выходных у них в квартире будет на два товарища больше. Положить спать есть где, две комнаты ещё свободные. Что-то Катя уже далеко убежала, меню сидит продумывает.

Тройной аксель.

И первый прыжок Анны Хромовой выходит просто отлично. Тамара Львовна недолго

аплодирует, но и этим удивляет девочек с трибун. Она относится с уважением к спортсменам. Это просто нечто.

На прокаты девушек выходит посмотреть переодевшийся Саша Сурков. Уже не такой красный и уставший, а интерес в его глазах просто неопиcуемый. Очень уж он любит смотреть за прокатами девушек, они легкие и воздушные, а прыжки прыгают даже сложнее, чем мужчины.

Тройной лутц.

Тройной риттбергер.

А вроде уже и не так страшно кататься. Вроде даже неплохо, на Чемпионате Европы пострашнее было. На лице Анны постепенно расплывается улыбка, и во вращении она уже безумно уверенная.

К Саше подходит следующая девушка, которая окажется на льду. Тася была запасной и едва доставала до возраста, разрешенного на Олимпиаде. Запрыгнула в последний вагон, так сказать, потому что ещё в прошлом сезоне она не попадала ни на один международный старт. Зато была очень упертой и любила бить лёд. Не сходила с него же, пока не выполнит программу чисто. И занималась у Тамары Львовны.

У Евы зазвонил телефон. Тимур?

— Алло, да, — Ева явно ничего хорошего ждала.

— Слушай, Ева. Принеси, пожалуйста, заморозку. У Дениса Руслановича попроси. Пока Аня катает.

Тройной флип.

Н-да. Полный тройной флип.

— Сейчас.

Она ничего ему не скажет. Никогда не говорит, ведь без фигурного катания Тимур не будет самим собой. Но внутри каждый раз что-то сжималось. Сжалось и сейчас, потому что он не отступит и будет катать произвольную на обезболивающих. Сколько бы их не понадобилось.

Пока катались запасные девочки, Ева выполняла важную миссию. Доставала заморозку и спасала конечности своего ненаглядного, если быть точным. Что именно он будет морозить Ева наверняка не знала, но предполагала, что опять его проблемная нога, переломанная дважды.

Денис Русланович отреагировал на просьбу спокойно. Как будто каждый день у него просят подобное. И, самое интересное, ампулы были у него в кармане. Запасливый. Или предполагал, что Тимур развалится рано или поздно и подобные вещи должны быть всегда под рукой. В общем, мотивы нахождения заморозки в его карманах Ева не выясняла.

Тимур нашелся в раздевалке, с закатанной штаниной спортивного костюма. Та самая нога, чтоб ей жилось хорошо. Левая, полностью перешитая и переделанная. Её собирали по кусочкам в первый раз, буквально как пазл. А Панкратов всё равно вернулся. Сломал её на попытке пятерного прыжка, не послушался врачей и вышел на лёд прямо со сломанной. Сделал себе открытый перелом, его снова собрали по частям. Ну и что, он ушёл на покой? Дал ноге полностью восстановиться?

Потрясающе безответственный тип.

— Держи, — Ева подала Тимурю ампулу и присела рядом, — Тебе помочь поставить укол?

— Спасибо, давай.

Ставить уколы Еве не впервой. Если на тренировках Тимур редко этим пользовался и Денис Русланович мог месяцами не видеть в руках воспитанника шприц, то Ева видела его и дома. И нередко приходилось ставить ей, потому что этот «спортсмен» не мог двинуться с места.

К счастью, под бинтами не оказалось ничего страшного. Нога была вполне обычной, ничего не опухло. Хочется надеяться, что это просто спазм.

— Сейчас будет немного неприятно, — предупредила девушка перед тем, как ввести иглу. Каждый раз предупреждала, несмотря на то, что Тимур давным давно привык к подобным процедурам, — Вот и все, быстренько. Умница.

Тимур улыбнулся, забирая из рук девушки шприц и заворачивая его в какую-то бумажку. Сейчас нога вернется в строй и пойдёт выкидывать, чтобы никто не укололся.

— Все? Колено не болит? Как рука? А спина? Может в произвольной только с правой ноги четверные будешь делать? — на Тимура полилась просто куча вопросов. После проката, да еще и на фоне боли в ноге, он даже если бы хотел, не смог придумать адекватные ответы на всё вот это. Да ещё чтобы они не волновали Еву. Поэтому, просто подождал, пока она поднимется в полный рост и притянул к себе, утыкаясь макушкой куда-то в солнечное сплетение.

Да уж, Ева поняла, что он просто не хочет отвечать на вопросы. Но, это было слабым поводом для обиды, поэтому женские руки привычно обняли Тимура, поглаживая светлые волосы. Уже не длинные, как были раньше, а вполне себе коротенькие. Повзрослел мальчик, хвостики на выступлениях уже не смотрелись мило и эстетично.

Слова были не нужны. Тимур прикрыл глаза и просто дышал, обнимая Еву. А она продолжала гладить светлые мягкие волосы. Волнуется и не хочет, чтобы он нагружал свою ногу. Но не будет стоять на пути Тимура к его цели.

— Будь осторожнее со своими травмами, хорошо?

— Смотри на меня и у меня всё получится.

Не пообещал быть осторожнее. Ева вздохнула, но смиренно промолчала. Пусть будет так, как он сам хочет.

Наташа заканчивала прокат короткой программы. Вполне удачный прокат, в отличие от Таси, она приземлила все прыжки. У Таси не задался тройной аксель, но и Наташа не делала элементов ультра-си. В общем, откатали девочки неплохо. И следующей уже стояла Яся, согреваясь перед прокатом.

Волнение было небольшое, но она старалась держать себя в руках. Её волнение ничего хорошего не принесет, а плохого и так хватает.

Девушка была единственной из всех сегодня не в кофте сборной, а в своей белой и пушистой. Отличалась. А ещё не разговаривала с тренерами последние двадцать минут. Ни с Варварой Михайловной, ни с Денисом Руслановичем, ни с Романом.

— Удачи тебе.

— Что? — Яся дернулась от неожиданности, поднимая глаза на Суркова, стоящего рядом.

— Удачи тебе, говорю, — улыбнулся Саша, после переключаясь на аплодисменты для закончившей Наташи. А Яся направилась к выходу на лёд.

Главное держать себя в руках и всё получится. Это обычный прокат перед Федерацией, ничего страшного. Страшно будет на Олимпиаде, а сейчас так, ерунда.

Варвара Михайловна сохраняла молчание, поймав настрой Яси. Просто придержала за руку и слегка похлопала по плечу, когда выпускала девушку на лёд. Несколько разминочных минут.

— Давай, малявка.

А это желала Даша с трибун. На самом деле, Яся не была уже малявкой, и эта Олимпиада была единственным её шансом. Двадцать лет — возраст, в котором заканчивают. А она всё ещё держала оборону со своими тремя квадами и трикселем.

Каталась в короткой программе Ярослава Калинина под Requiem For A Tower, Escala, в обалденном синем платье с длинной юбкой и полуголым боком. Отличное сочетание с рыжими волосами.

Пока Яся раскатывалась, к прокату уже готовилась Кристина. Она переживала меньше всех, просто потому что очень хотела домой и спать. Вот такой вот способ не волноваться выработала девушка. Зато стояла спокойно.

— Ярослава Калинина.

Ещё несколько маленьких кружков и она встаёт в позу. Музыка начинается моментально. Варвара Михайловна уверена в воспитаннице на все двести процентов, а вот Денис Русланович несколько переживает. Яся стабильная, но может разволноваться перед неизведанным просмотром.

За годы работы с Ясей Денис Русланович ещё больше понимал, насколько они не похожи с Дашей. Внешне ладно, непохожих братьев и сестер он уже видел. По характеру.

Обе спортсменки, обе смогли добиться высот. Но, такие разные. Одна боец, другая утонченная леди. И Яся именно вторая.

Саша смотрел за её движениями не отрывая взгляда. С последних двух сезонов Калинина завораживала своими движениями и лёгкими прыжками, словно парила надо

льдом. На такое невозможно было не засматриваться, и Сурков откровенно не врал себе. Признавал, что это великолепное катание.

Тройной аксель.

Сделан.

Пролетный, красивый и изящный. Это был самый нелюбимый прыжок Яси, но если он удавался, это было очень красиво.

— Она так... выросла, — Катя смотрела на Ясю с умилением. Они были практически ровесницами, но их карьера невероятно отличалась. Катя уже провела свою Олимпиаду в восемнадцать, и до сих пор не могла смотреть на записи с короткой программы. А у Ярославы всё ещё впереди. И все шансы ещё раз отгреметь фамилией на весь мир.

Тройной флип.

И тоже сделано.

— А ты прям сильно старше, — съязвила Даша, оценивая изящное движение сестры.

А дальше дорожка шагов. В которой Яся мечется по льду тонкой фигурой, показывая всё настроение музыки. И, конечно, там есть её коронный элемент. Поворот вниз к ноге спиной. Теперь уже без «вываливаний». Отточенный, сложный, четкий.

Тройной лутц.

Тройной риттбергер.

Немного повело на выезде, но выехала.

В заявке всегда стоял тулуп, но Яся иногда делала лутц-ритт. Когда чувствовала, что могла, и нет рисков. Или когда хотела экстрима, ну, это например, сейчас.

Прыжки закончились, но волнение полностью не отпускало. Или Яся не отпускала его. Это она ещё не до конца как-то поняла. Видимо, до решения Федерации она так и будет трястись и волноваться. Главное, что это волнение не сделало её программу хуже.

До произвольной программы одиночников оставалось двадцать минут. Все разминались как могли, кто не мог, курил на крыльце. Как можно понять, курил один Тимур. И Саша и Дима нашли время для разминки.

Девушки откатали все хорошо. Кристина сделала двойной аксель вместо задуманного тройного, зато приземлила вообще всё. По решению Федерации, катать короткую программу в командном турнире будет Ярослава. Не сказать, что Яся сильно хотела, но тут выбора не было. Кивнула, и пошла готовиться к произвольной с надеждой, что в ней её не выберут.

В тренировочной зоне было достаточно тихо. Саша больше не шутил свои глупые анекдоты, а других таких шутников не наблюдалось. Правда, Дима иногда переговаривался с девушкой из парного катания. Её партнер, какой-то слишком суровый товарищ, неодобрительно смотрел на них, но молчал.

Это были Чемпионы России, молодые и перспективные, Адам Королевский и Алёна Дмитриева. Они уже отобрались в командные соревнования по короткой программе и теперь собирались побороться за место и в произвольной. В общем, ребята веселые, а девушка так вообще Диме понравилась. Темноволосая, с голубо-серыми глазами и очень доброй улыбкой. Кажется, он начинал догадываться, кого она напоминает...
<footnote>Анонс ещё одной части Олимпийского льда, которая выйдет в 2023 году.</footnote>

— Ты долго прохлаждаться будешь? — Тимура словили прямо на входе в зал, — Дуй ноги разминать! Вторым катаешься!

Панкратов шуганулся тренера и с огромными глазами кивнул. Ну кто же так пугает? Он вообще расслабленный, идёт себе, никого не трогает. И тут кричат прямо в лицо.

— Ты его напугал, — тихо сказала Катя, когда Тимур ушёл разминаться.

— Это он меня пугает тем, что не разминается. Значит, ему больно, — Денис тоже говорил тихо, чтобы не беспокоить спортсменов.

— Он просто ленится, тебе не нужно так переживать, — Катя коснулась его руки, улыбаясь уголками губ, — Это же Тимур. Откатается, и все будет хорошо.

Ушаков покачал головой, но промолчал. Как он может не волноваться за спортсмена, с которым прошёл буквально всё на свете? От падений до невероятных взлетов. И эта Олимпиада не менее важна, чем предыдущие.

Катя заметила задумчивость Дениса и уже хотела сказать что-то ещё, но её отвлекли.

— Екатерина! Ты можешь подойти?

Она тяжело вздохнула. Мама. Что ей могло понадобиться?

Ушаков отодвинулся от Кати, освобождая ей проход. Не идти к Тамаре Львовне при всех было никак нельзя, это было бы верхом неуважения. Поэтому, собрав все свои силы в кулак, Катя направилась к матери. Как жаль, что она уже не была доброй бабушкой с внучкой, и девочка сейчас была у Евы. Никакого позитива.

Тамара Львовна сделала несколько шагов от Ани, с которой разговаривала до этого. И ещё раз обратилась к Кате, но тихим голосом.

— Катюш, держите с Денисом себя в руках. Вы на людях, тут много спортсменов. А вы показываете плохой пример, — Тамара Львовна говорила это с таким лицом, что Катя даже на секунду поверила в логичность всех этих слов.

А затем опомнилась.

— Мам, спасибо за беспокойство, но оно ни к чему. Мы вместе, и это знают вообще все, кто связан с этим спортом. И, к тому же, мы просто стояли рядом сейчас и разговаривали. Это всё? — потом она будет трястись и переживать из-за резкого ответа, но сейчас взяла себя в руки.

— Будьте сдержаннее. Ты приличная девочка.

Сдержаннее, приличная девочка. А ещё сейчас выйдет из себя.

— Тамара Львовна, что-то не так?

Её опора всегда была рядом. Последние три года так точно. Он не вмешивался сначала, но как только понял, что Катю выводят из себя, сразу же подошёл. Спокойно вклинился в разговор.

— Я всё сказала Кате. Будьте благоразумны.

Она вернулась к Ане. А Катя тяжело дышала, смотря ей в спину.

— Спокойно. Пойдём, — шепнул Денис на ухо, плавно уводя Катю в тот самый угол, где они стояли больше всего, — Не обращай внимания. Скоро пойдешь на трибуны.

Катя молча кивнула. Но, с такими претензиями ей предстояло встречаться ещё очень долго. Мать смирилась с их отношениями, но никогда не смирится с тем, что они не ведут себя на людях как бездушные или незнакомые.

— Заяц, расслабься уже, — и всё исключительно хриплым шепотом на ухо. Лёгкий поцелуй в ушко растопил сердце Кати, и она наконец-то улыбнулась нормально, обнимая Дениса одной рукой. На какое-то время всё снова стало хорошо. Но, произвольные всё ещё впереди.

Как и Олимпиада.

— Александр Сурков.

Прокаты произвольных программ начались. Саша катался первым, и уже был на льду. За перерыв что-то неуловимо изменилось и теперь он был несколько растерян. Скользил взглядом по трибунам и слегка подрагивал плечами. Делал это специально, как бы сбрасывая напряжение. Тренеры знали в чём дело, а вот сокомандники, точнее, сокомандницы, вышедшие посмотреть, были несколько озадачены. Куда же делся боевой настрой?

В конце концов он наконец-то приготовился к началу своей произвольной программы. Вздохнул и ещё раз опасливо взглянул на Федерацию, поправил кулон и отвернул голову.

Произвольная программа Саши была поставлена под песню *Gloria Regali* в исполнении Томмее Профитт. Сложность была колоссальная, по базовой стоимости в сборной его обходил только Дима. И тот никогда за сезон не исполнял произвольную по заявке, всегда упрощал контент.

Тройной флип.

Вместо четверного, прямо сходу. Катя прищурилась, прокручивая в голове то, что она только что увидела. Точно тройной. И Анна Павловна очень спокойно относится к такой смене контента, значит, она в курсе. И что успело произойти за три часа?

Тройной лутц.

Тройной тулуп.

Снова тройные прыжки. А ведь до этого Саша делал заявления о том, что готовит на Олимпиаду каскады четыре-четыре.

— Ну не-е-ет, бред какой-то, — не сдержалась Даша, — Чего это он? Травму получил или в командник очень сильно не хочет?

— Он уже в команднике, — на все остальные моменты комментариев у Евы не было. Это могло быть всё что угодно, мотивы бывают абсолютно разные. Главное сейчас то, что он не прыгает четверные и не рискует, если такой риск есть. А то после Саши такой рискованный на льду будет, что Ева переживала заранее.

Четверной сальхов.

И словно никаких проблем нет вообще. Чистый выезд, полный докрут, хорошая скорость.

— Чего-то я вообще ничего не поняла, — это Даша призналась в своих способностях Шерлока. Точнее, в их отсутствии.

— Я поняла! Сейчас, проверим мою догадку... — Катя встрепенулась, закусывая губу. Если она поняла, то просто требует премию. Потому что вспомнить такие мелочи в её-то возрасте... ладно, о её старости попозже.

Четверной тулуп.

— Да! — Катя то ли порадовалась прыжку, то ли её догадка подтвердилась, — В общем. Мы же с Сашей на одном льду тренировались ну очень долго. У него иногда щемит спину, и он не может прыгать четверные с правой ноги. Просто не поворачивается спина на них, на тройные ещё хватает, а на них нет. Видимо, они не стали переставлять прыжки, просто прыгают как есть. Незачем гнаться.

— Травма спины?.. Это очень опасно, особенно её обострение перед Олимпиадой, — по

их компании сразу понятно, кто из них мать. Сразу же заперезживала.

К слову, дети этой матери были на прежнем месте. Уже оба, поэтому им, в целом, было весело. Тамара Львовна была свободна, малышня веселилась сама с собой. Некоторые таскали с собой собак, а тут вот, два... щенка. Никита, которого в перерыв забрали с тренировки, спокойно стоял на скамейке и держался за бортик. Смотрел за прокатом, и не издавал ни единого звука. Софа прыгала снизу и иногда кувыркалась. Не всегда удачно, пару раз свалилась в сторону. И один раз чуть не сбила ногой скамейку, на которой стоял брат.

Тройной аксель.

Ойлер.

Тройной сальхов.

Саша вошел во вращение, оценивая состояние спины. Догадки Кати были совершенно верными, но спину защемило не сильно. На самом деле, очень незаметно, даже боли не было. Дискомфорт, который решили не доводить.

Боль тут у кое-кого другого, кто не следит за своими конечностями.

— Облегченная или полная программа? Только нормально, давай без экспериментов. Ты восстанавливаешься по плану, к Олимпиаде. Оценивай себя здраво, — как с маленьким. Но, Денис Русланович предельно серьезен и смотрит на Тимура ничуть не мягче, чем смотрел на него в четырнадцать лет.

— Полная. Я в порядке, ничего не болит, — Тимур подпрыгивал на месте, не давая мышцам застыть. Он и не особо тренировался, если честно. Экономил силы на прокат, но в командник не хотел. Был шанс растратить силы во время него, а медаль личного турнира ценнее.

— Я тебе поверю в последний раз. Если что-то случится, ты на Олимпиаду с двойными выйдешь позориться.

— Конеч-е-ечно, — прыснул Тимур. Сколько таких угроз он уже слышал, не пересчитать.

Тройной лутц.

И снова замененный четверной. Зато, никаких рисков. Жаль, только шансы попасть в произвольную программу таят на глазах.

Тройной флип.

Тройной риттбергер.

Ну, что тут можно сказать... зато не сдыхает. Вполне себе дышит, хотя нужно смотреть после дорожки шагов. А она тут быстрая и активная.

— Наверное, что-то случилось, — единственная невозможно волнующаяся на арене нашлась. И тут же получила многозначительный взгляд Кристины. Мол, серьезно? Он же «не нравятся мне эти шутники», — Крис, отстань, ну это серьезно ведь.

— Да-а-а, Ясь, как у вас все серьезно я уже знаю.

— Отстань, — повторила Ярослава, успокаиваясь немного тем, что если бы у Саши сильно что-то болело, дорожка бы не была такой живой.

Кристина промолчала, но улыбнулась так широко и самодовольно, что любой мог позавидовать. Она уже давно смотрела на их взаимные подколы и видела, что летают искры. Яся это отрицала, с Сашей Крис не говорила, естественно.

Саша поклонился Федерации, в сторону трибун, и Анне Павловне. И уже со спокойной совестью поехал на выход. Ну, не упал, и это хорошо. Травму не усугубил.

Тимур выехал на лёд. Ева тяжело вздохнула и из головы вылетели вообще все мысли про прокат Саши. Сейчас у неё будут только волнения за Панкратова. Парень поднял голову на

трибуны как по команде, снова встречаясь глазами с Евой. Оба волнуются.

— Нормально всё? — первым делом поинтересовалась Анна Павловна, обнимая Сашу. Парень молча кивнул и разлохматил себе волосы. Все равно устал, но не до состояния «сейчас сдохну», — Ну хорошо, все. Беги, отдыхай.

Громко сказано. У него сегодня ещё и качалка была, только вот, видимо, придётся отменять. Не очень хотелось бы надорвать спину.

— Что было? — уйти ему не дали. Ярослава всё же жаждала услышать подробности и причины такого выступления. Вполне успешного, но упрощенного.

— Ясь, я устал. Все нормально, поводов переживать нет.

А тут она уже жалеет, что вообще что-то ему сказала. Такого холодного ответа она не ожидала от слова «совсем». Конечно, расстраиваться никто не спешил и Ярослава вернулась на свою позицию. К просмотру прокатов, сейчас ещё и к просмотру проката Тимура.

Никита тыкнул пальцем в Тимура, но молчание сохранил. Кричать любила только Софа, а она засечь отца не успела. Тем было лучше для концентрирующегося парня. Денис Русланович застыл у бортика, напряженно сжимая чехлы от коньков воспитанника. Сейчас абсолютно всё зависит от настроения Панкратова.

Если сейчас уже так волнительно, как будет на Олимпиаде?..

С каждым годом на этого товарища все волнительнее и волнительнее смотреть, так и доведет однажды.

— Тимур Панкратов.

К моменту, когда его объявили, Тимур скрутил несколько тройных и четверной лутц. Всё шло обычно, и Ева даже несколько расслабилась. Заморозка работает, ему главное просто не падать.

— Денис, ты за него так переживаешь, как будто уже Олимпиада, — Роман был более веселым, улыбался и даже не особо смотрел в сторону раскатывающегося спортсмена. Почему-то был полностью уверен, что все пройдет хорошо.

Тимур долго не вставал на начало программы, без конца вытирая руки о штаны. Руки в перчатках, на секундочку.

Федерация терпеливо ждала, и он наконец-то остановился.

Произвольная программа была поставлена под The Jungle Book / Sarabande от The Pianc Guys. И в этот раз костюм у Тимура был. Чёрный, но с красно-желтыми искрами сверху и на кончиках пальцев. Он был похож на огонёк, особенно когда быстро двигался.

Тимур опускает голову и выдыхает. Собраться с силами и забыть, что тебе почти тридцать.

Начало бодрое, движения не скованные и такие же быстрые, как в лучшем виде программы. Ну, это перед миллионом четверных, после них точно как-то ну... похуже будет.

— Ев, ты только дыши, — Катя слегка похлопала её по плечу, — Всё нормально с ним будет.

На самом деле, Кате было интересно, каково это — переживать за парня, который сейчас будет выполнять такие финты, что может закончиться больницей. По понятным причинам, такого риска у Дениса не было. А вот у парня... бывшего Даши и мужа Евы вполне. Жаль, но Катя уже не узнает, каково это — настолько переживать.

Тимур заезжает на первый прыжок. Дыхание в норме, заход тоже. Значит поехали. Толчок и вверх.

Четверной лутц.

Есть!

Денис Русланович выходнул больше, чем сам спортсмен. Поехали, четверные пошли. Но, это с правой ноги. Четверные с левой давались намного сложнее, но и исполнение следующего четверного не заставило себя долго ждать.

— Аккуратнее, пожалуйста, — прошептала Ева, сжимая руки в кулаки.

Четверной тулуп.

И снова сделано.

«ЕБ ТВОЮ МА-А-А-АТЬ» проорал мысленно Тимур, выпячивая глаза. Он думал, что заморозка действует идеально и никаких болевых ощущений нет. Так, маленькие неприятности. Четверной тулуп разубедил его в этой версии. Да чтобы он ещё хоть раз в жизни прыгал четверные тулупы? Да пошли они нафиг, эти четверные тулупы!

— Молодец, — в глазах Евы сияли звездочки, когда она смотрела на прокаты Тимура. Как и раньше, на отточенные, но менее академические. А совсем скоро она уже будет смотреть на прокаты малышей. Так быстро время летит.

«Собратся и сделать» девиз Тимура на следующий каскад. Когда-то он стоял в бонусной части, но это прекрасное время давно прошло. Пока он не первый, и на том спасибо.

Четверной лутц.

Четверной флип.

Никогда бы не подумал, что назовет этот каскад менее сложным, чем четверной тулуп. Нога вообще не подала признаков дискомфорта. Правильность ребра Тимуру было оценить сложновато, как раз таки из-за отсутствия чувствительности.

Впереди было ещё два прыжка с нагрузкой на левую ногу. Тройной аксель бог с ним, сделает. Но четверной сальхов надо быстро менять. Он уже прыгал два лутца, четверной флип повторить не может. Остаётся два варианта. Вставить туда тройной, причем единственным вариантом будет тулуп, или прыгать четверной риттбергер.

Прыгать тулуп заново как-то очень не хотелось, поэтому решение было принято.

Тройной аксель.

Слегка улетел и схватился рукой за лёд, придерживая себя.

— Ну куда ты! — раздраженно всплеснул руками Денис Русланович.

— Денис, ты серьезно? Он тебе это со сломанной ногой делает, — попытался вернуть его назад Роман, ухмыляясь. Требовательности Ушакову не занимать.

— Я знаю, — отмахнулся он, хмурясь и скреживая руки на груди.

Ну всё. Четверной риттбергер, который Тимур не прыгал на стартах ну очень давно. Главное вспомнить и верить, что ты это умеешь делать. А дальше... само как-нибудь.

Четверной риттбергер.

Ойлер, который получился сам собой из-за степ-аута.

Тройной сальхов.

Не, ну там и по задумке был ойлер с сальховом. Тройной сальхов, кстати, тоже оказался болезненным, но не таким, как тулуп.

— Дима следующий, да? — Даша спрашивала это у Кати, потому что Ева была потеряна для мира ровно до конца произвольной Тимура. Ответ она знала и так, Дима ходил вдоль бортика и смотрел себе под ноги, периодически растирая руки. Если вышел, значит точно не смотреть на прокат Тимура. Хотя, кажется, у них что-то стало налаживаться?..

Тройной лутц.

Тройной риттбергер.

— Да, и потом девушки, — девушек Катя очень ждала. На Ясю и Кристину было интересно смотреть потому что они совсем недавно катались в одном штабе и соревновались, а Аня была настоящим открытием. Она соревновалась и в прошлом году по Мастерам Спорта, но по-настоящему выстрелила в этом сезоне.

Тройной лутц.

Тимур откатал со сломанной ногой без единого падения. Сам не поверил, но сделал это и даже доделывал вращения со спокойной совестью. Вот такой же финт нужно повторить на Олимпиаде.

— Хорош, очень хорош, — представитель Федерации явно был против Альбины Валерьевны, поэтому оценил выступление Тимура, — впрочем, как и всегда. Его программа сложнее, чем программа Саши. Думаю, или он, или Дима.

— Точно Дима, — недовольно произнесла Альбина Валерьевна, — У Тимура травмы. Он может нас подвести и в командном зачете, и в личном. А нам разве это нужно?

Годы идут, ничего вообще не меняется. А Тимур все так же улыбается после удачного проката и кланяется во все стороны. Собрался и сделал. Вот он собой гордился, конечно. И не забыл на Еву посмотреть. А она не сдержала улыбки, встречаясь взглядом с любимым.

— Вы милые, — а это Даша смутила Еву и заставила покраснеть, отводя взгляд от Тимура. Милые... Возможно. Но это смущающе.

— Богатырь. Отчеканил так отчеканил, — Тимуру пожали руки, а он самодовольно кивнул головой, играя бровями. Как же он был, черт возьми, доволен! Только говорить не мог, едва дышал, был весь красным и мокрым. Но, это так, мелочи, которые не имеют значения, не так ли?

Дмитрий Панкратов на трибуны не смотрел. Он смотрел только под свои ноги, сжимая губы и скользя из стороны в сторону. Его выпустили на разминку, и её бы стоило проводить несколько продуктивнее. Наверное. Потому что он просто раскатывался, но никак не прыгал. Тамара Львовна сохраняла молчание, разговаривали только Яся и Аня. Ну, и маленькая Сонечка. С ними и разговаривала. На этом все, и от этого Дима в состоянии отключиться.

Его произвольная программа была сильнее всех базово. Никогда у него ещё не было настолько мощной программы. В ней всё ещё не было каскадов четыре-четыре, да и никогда не появятся они. Слишком поздно такое учить, нужно было раньше думать.

Проблемы возникали тогда, когда нужно было ещё и выкатать всю программу. И вот с этим были какие-то огромные проблемы. Чаще всего были падения с лутцов, как с тройного, так и с четверного. А тройной лутц был началом каскада из трёх прыжков. В общем, отсюда и шли все проблемы. А почему он падал, до сих пор не понимал. Но, версия Даши ему не подходила от слова «совсем». Наговорила какой-то ерунды и думает, что самая умная. Вот, как девушку можно было описать.

Внутри вспыхнула злость на девушку. И на этой злости Дима планировал отпрыгать вообще всю программу. Она смотрит, так пусть смотрит и восхищается, как это было раньше. Пусть понимает, кого она потеряла. Будущего Олимпийского Чемпиона.

Через четыре с небольшим минуты Дима выезжал со льда всё ещё смотря в пол и закусывая губу. М-да. Тамара Львовна ничего не сказала, но такой взгляд сложно было забыть. Она не просто осуждала, она прожигала его взглядом. Как и ожидалось, было падение на четверном лутце. А помимо него ещё непонятно что на четверном акселе,

попытки его спасти и не оказаться на льду. Круче всего было даже не это! Он свалился на дорожке шагов. Ну, просто споткнулся и свалился вниз. Отличный прокат перед Олимпиадой, просто волшебный!

— Альбина Валерьевна, так что? Тимур?

Она его съест сейчас, серьезно съест. И даже не посмотрит, что им ещё девушек смотреть.

— Извините, — Денис Русланович поспешил спасти мужчину, — Не ставьте, пожалуйста, Тимура в командные соревнования, если думали об этом. У него травмы, и мы на износ работаем. Будет перебором.

— Хм. Тогда, снова Александр.

На том и решили. А впереди были прокаты прекрасных девушек с не менее сложными программами. Даже не верится, что это всё так быстро пройдёт.

— Я... сейчас, — Даша практически вскочила с места через несколько минут после окончания проката Димы.

— Она к нему.

Катя не спрашивала. Утверждала. И Ева согласно кивнула. Черт разберет, что между ними происходит.

Дима не пошёл в раздевалку. Ходил по служебным коридорам, смотря всё ещё в пол. Даша не ожидала так быстро найти Панкратова, поэтому неосознанно отскочила. Парень стрельнул взглядом в Калинину и вновь опустил назад. Сердце сделало кульбит. Его. Даша была спокойна и холодна.

— Подними глаза. Почему ты постоянно смотришь в пол, в лёд?

Голова Димы медленно поднялась, его глаза блеснули недобрым огнем.

— Почему ты постоянно меня достаёшь? Я тебе непонятно что-то в прошлый раз сказал?

— Я... — а теперь Даша не была холодна и спокойна. Что-то защемило и в её глазах начало отражаться всё то, что Дима когда-то в ней любил. Он даже не смог съязвить на это незаконченное предложение. Так и смотрел на неё.

Не верится, что это всё та же девушка. Она другая. И только сейчас, когда её глаза смягчились, всё внутри затрепетало.

— Что ты хотела мне сказать?

Она шла сказать другое. Но, это был случай, когда они поняли друг друга без слов.

— Извини... извини меня, пожалуйста.

Даша никогда не плакала. Она всегда держала эмоции в себе, не позволяла им выйти наружу. Даже в самые тяжелые моменты, даже на тяжелых тренировках. Очень редко она позволяла себе подобное. А сейчас глаза наполнились слезами.

Даша резко прислонила руку к глазу. Проверила, не кажется ли ей. Не кажется...

— Что? — парень нахмурился, — Ты просишь прощения?

Хотелось съязвить. Закричать о том, как она смеет такое говорить. Да что угодно хотелось сделать, чтобы выместить бурю внутри! Он неудачно откатал, а его бывшая сейчас извиняется за то, что бросила! Отличный вечер, чтоб его.

— Да, я... я хотела сказать давно, но... но я боюсь, и не могу одновременно держать всё в себе. Это твоя мама, она сказала мне уехать, иначе она перестанет тебя тренировать. А ты гордый, ты не пойдешь ни к кому другому, и без штаба ты выступать не можешь. Я... я не могла поступить иначе, и я сейчас при... признаю, что должна была сделать ина... иначе, но

я протупила! Я была младше, я была сильно младше!

На последних предложениях Даша практически захлебывалась слезами. С непривычки, с того, что она наконец-то это рассказала, все нахлынуло ещё больше. Сдерживать эмоции уже было просто физически больно. Невозможно, если говорить честно. Душа рвалась на части, а руки мелко подрагивали. А девушка не прекращала смотреть в лицо Димы. И его самодовольная мина постепенно сползала.

— Ты не врешь?

Он стоял и хлопал глазами. Просто не мог поверить. Или, точнее, мог. Мать не любила Дашу, считала, что она только всё портит. И могла ли она таким пригрозить?.. Да конечно. А могла ли Даша соврать?

Внутри всё запуталось. Это было похоже на правду, но он же любил маму. И мама знала, как он любит Дашу.

— Нет, я бы не уехала так. Мне сказали просто уйти, и я не смогла. Я бы не смогла так близко. Поэтому улетела чтобы быть далеко. Прости, я знаю, тебе всё равно и это никак меня не оправдывает, я столько наговорила, я...

Столько «я». И столько меняется от одного рассказа. Он занял буквально три минуты. Три минуты, которые изменили в жизни Димы всё.

— Мне нужно... время, чтобы всё осознать.

Она сказала, чтобы отгородить себя? Или всё ещё любит? Что Диме делать? Верить?

А кому верить? Разуму, который говорит всё обдумать, или сердцу, которое кричит о том, чтобы поскорее прикоснуться к ней?

— Понимаю. Хорошо, извини за такой всплеск эмоций, — слёзы всё ещё лились, но Даша активно пыталась их вытереть.

— Тебе не стоит извиняться.

Он решил, кого он будет слушать и верить. Разум и сердце бились в битве, но победа была безоговорочной.

— Я люблю тебя.

Это сказал не Дима. Его глаза расширились ещё сильнее, а сердце уже вопило. Он не знал, что и сказать. Любит, поэтому молчала два года? Но это же Даша, она впечатлительная. А если он вообще другой человек, как она может его любить, если не знает? Он другой, вообще другой! Или нет? А какая она?..

Разум ушёл на второй план. Он слушал сердце, и всегда будет его слушать, пока смотрит в эти раскаивающиеся глаза.

Даша сделала ему больно. Очень больно. Преподала урок, что доверять нельзя вообще никому. Он потерял часть карьеры из-за этого предательства. Но готов ли он терять шанс и сейчас, чтобы жалеть потом?

Её губы такие же, как и раньше. Но, не такие, как утром, на катке. Слегка солёные, податливые и мягкие. Сердца бились не в унисон, но старались достучаться друг до друга. Спустя два года Даша вновь встаёт на носочки и зарывается в тёмные мягкие волосы. Её последний поцелуй был два года назад. А слёзы так и не перестают течь, что не остаётся незамеченным.

— Почему ты плачешь? — Дима говорит шёпотом, вытирая согнутым пальцем слёзы с лица девушки.

— Не знаю... — она тоже говорит шепотом, качая головой, — Просто плачу.

Дима всегда был молчаливым в плане своих чувств. Конечно, говорил, что любит, но не

более. Сегодня всё изменилось. Он крепко обнял Дашу за талию и прошептал прямо в ухо:
— Не оставляй меня больше.
— Не оставлю, — Даша всё ещё плачет, но уже может смеяться.
Она смогла.

Время от прокатов перед Федерацией до прилёта на Олимпиаду пролетело незаметно. Вот совсем недавно девушки откатали свои программы, и уже завтра начинаются командные соревнования. На прокатах произвольных девушки показали высший класс, ни одного падения! Только Яся улетела в степ-аут на четверном лутце во второй половине программы. Для участия в произвольной программе командных соревнований выбрали Аню. На Чемпионате России она набрала баллы, превысившие Мировой рекорд, и именно это стало решающим.

Помимо спортсменов на Олимпиаду поехали и те, кто уже откатался на своих Олимпиадах. А именно Даша и Катя.

Завтра утром начинались командные соревнования. Короткая программа у девушек. Послезавтра на лёд выходили уже мужчины, тоже с короткой программой. И после этого, на следующий день, с произвольной катали и девушки, и мужчины.

Если девушки в видах были разными, то Сурков вообще был в глубочайшем шоке. После окончания командных соревнований у него будет всего четыре дня, чтобы подготовиться к личному турниру. Умереть и... да нет, просто умереть. Это он и делал на тренировках, которых было никчемно мало. А ещё очень рано. Правда, проблемой это было не для Саши.

— Алло, народ! — Денис Русланович кричал двум несчастным, катающимся на огромной арене. Всего тридцать минут тренировки, а они не в полном составе, — Вы где третьего потеряли?

Опаздывать на тренировки, где было кучу журналистов, вообще такое дельце... опасное. Потому что через несколько минут в сети уже начинали появляться статьи о твоём опоздании. Да не сами по себе, а ещё и с догадками причин. Травмы, снятие, забастовка и многое другое, на что хватало фантазии.

— А он спит!

Отвечал Саша, потому что Дима сам спал на ходу. Его поднимали с кровати рывком, да ещё каким богатырским. Мать его больше не жалела ни капли. Конечно, она узнала про Дашу. В общих чертах, но про то, что она рассказала, ни слова. Дима не выяснял, кто прав. Влюбленный.

— А вы его не подняли потому что думали, хай с ним, пушай проигрывает? — ухмыльнулся Денис Русланович, но лицо осталось недовольным.

Тимур и его перестройки под новый режим были извечной проблемой, но чтобы прямо проспять уже седьмую минуту от тренировки!

Сурков проезжал мимо и пожал плечами. Ему сейчас вот было чем заняться, кроме того, что выяснять, как там Тимур и что он делает. Анна Павловна напомнила об этом хлопками. Нужно тренироваться.

Спина после прокатов перед Федерацией не болела. Иногда тянуло, но на время всех Игр на спине красовались тейпы, а на тренировке ещё и пояс. Оберегали со всех сторон, и не удивительно, Саша для Федерации на этих Играх на вес золота и ехал туда в качестве фаворита.

— Очень извиняюсь, — раскаяние было максимальным. И Ушаков бы поверил, если бы у накосячившего не закрывались глаза прямо на ходу, — Я так больше не... ой... не буду.

Перед «ой» был зевок. Вот прибить бы его и больше не мучаться. Ни тренеру, ни

спортсмену. Жаль, что это были лишь мечты и пришлось выпускать Тимура на лёд. К уже давно прокатавшим Диме и Саше. И оба сделали это чисто. Дима вообще преобразился, словно вернул себе прежнюю уверенность. Четверной аксель практически без разминки мог скрутить. Вот тебе и «запасной».

Тренировка проходила без особых примет. Обычная, но очень сжатая. Разминка, программы, прыжки, и на выход. Тренеры даже успели заскучать, да и журналисты особо не стремились фотографировать спортсменов. Даже уже начали собираться, чтобы попытаться свою удачу и взять интервью у парней.

А Сурков неожиданно словил очень сосредоточенный настрой и начал разгон через весь каток. Дима даже сам ушёл с дороги, видя серьёзность Саши.

Четверной лутц.

Четверной тулуп.

Обалдеть можно, но сделано! Саша довольно просиял, делая победный жест рукой. Скромный, особо не выставляя руку вверх. Всё идёт очень хорошо. Форма такая, что позволяет прыгать долгожданные каскады. Ещё и с четверным лутцем!

— Хорош! — похвалил Ушаков. Саша улыбнулся главному тренеру и поехал к личному советовать насчёт вставления этого каскада в произвольную программу. Ну, конечно, если получаться будет. Сейчас он на восторге может ещё штук пять таких же прыгнуть.

Быстро менялось настроение Дениса Руслановича. Вот он был горд Сашей, а теперь озадаченно смотрит на Тимура, прилетевшего прямо в его бортик.

— Лёд скользкий.

— Допустим, — Ушаков подпер голову кулаком, — Ледяночку подать?

Тимур пожал плечами. А тренер добавил, широко-о-о улыбаясь.

— Завтра буду орать.

Понял. Принял. С тренировки выходил настроенный на завтрашнее издевательство над ним. Или это Тимур над Денисом Руслановичем издевается... Непонятно как-то было.

Ожидаемо, фигуристов ждали журналисты. С позволения тренеров, они могли дать интервью, если, конечно, хотят.

— Извините, Тимур, можно вас? — без особой надежды подошёл к Панкратову молодой парень, держа в руках диктофон. Тимур стрельнул в него таким взглядом, что парень пожалел очень много раз о том, что вообще подумал о таком. Знал же, что парень не даёт интервью.

— У вас пять минут, — Тимур повернулся на журналиста. Тот опешил. Пять минут? То есть, он согласен дать интервью? — М?

Он напомнил о себе. Как же... как же волнительно. Третье интервью в жизни, и уже Тимур Панкратов! Последнее его интервью датировалось числом четырнадцатилетней давности.

— Расскажите, пожалуйста, почему вы не даёте интервью, — первый вопрос созрел ментально, на основе мыслей, так сказать.

— Вам же даю, — Тимур не очень охотно отвечал на вопросы, но этот парень не вызывал отторжения, как другие журналисты.

— Благодарю, но ведь раньше не давали. Была какая-то причина?

Панкратов посмотрел в потолок, оформляя свои мысли в осознанную фразу.

— Считаю, что интервью не должен давать человек, который ничего не добился, — сказал красиво, а главное чистую правду. Рассказываешь свои планы, а сверху смеются и

знают, что ничего не выйдет.

— Вы ведь обладаете множеством титулов и раньше обладали. Что значит «ничего не добился»?

— Все титулы, о которых вы говорите, не имеют никакого значения в моем отношении к интервью. Единственная медаль, которая говорит о достижениях, это золотая Олимпийская. Я говорю о другом: чтобы давать интервью, нужно чего-то стоить как человек. Я решил, что пришло это время.

Парень-журналист понимал, что они заходят куда-то далеко и это не будет легким интервью-сенсацией. Нужно было как-то выкручивать ситуацию.

— Хорошо. Нам также известно, что ваши дети тоже занимаются спортом. Фигурным катанием, как и вы с вашей женой. Как думаете, они будут такими же великими, как вы? — Тимуру точно стоило выбрать другого журналиста. Потому что этот ему не очень нравился. Особенно на фоне того, что он слышал сбоку разговор пары журналистов с Сашей и там были вопросы «Как настрой?», «Как дела?».

— Они будут счастливыми. Всё остальное зависит только от них и от их желания, не более того, — легкая улыбка и Тимур припечатывает, — время.

— Стойте, ещё один вопрос! Последний, — журналист останавливает уже развернувшегося парня, — Что нам ждать в программах? Это ваша первая Олимпиада, в которой вы выйдете на лёд всего два раза.

— Кто-то и раза на лёд не выходит. Всё в программах. До свидания, — Тимур был непреклонен. Кажется, он вспомнил, почему не даёт интервью и почему бегал от журналистов четырнадцать лет. А когда приходили снимать сюжет про тренерский штаб, катался с закрытым лицом и увиливал от любых предложений сняться на камеру.

К слову, о неудачных интервью. Не повезло не только Тимуру.

Катя вышла в микст-зону чтобы проверить, скоро ли освободится Денис. И понесла-а-ась...

— Екатерина, подскажите, не сложно ли быть в отношениях с бывшим тренером? Не командует ли он?

Лицо девушки вытянулось синхронно с лицом того самого бывшего тренера, который стоял не так далеко и услышал этот вопрос. Да, командует нереально. «Вот тряпка, мой пол!», ну просто каждый день. Катя хихикнула, но проигнорировала этот вопрос. Пошла дальше.

— Денис Русланович, не думаете над свадьбой?

А тут уже лицо Ушакова вытягивалось больше. Вот спасибо за советы, журналисты, а то он даже и подумать не мог.

— Пошли отсюда, — Катя подошла к нему, но даже рукой не прикоснулась. Ну этих журналистов вообще, мало ли чего сфотографируют.

— Пойдем, — вообще, Денис Русланович ждал, пока парни закончат. Но как-то на фоне последних вопросов решил, что подождет за дверью.

— Ходят слухи о беременности, это правда?

— Даже лучше побежали, — Катя посмотрела в сторону журналиста очень неодобряющим и шокированным взглядом. Во-первых, что за слухи, она не поправлялась! Во-вторых, даже если бы это было так, ну какое им всем дело?

Кажется, скоро они все будут «не давать интервью» как Тимур.

Часть 12. Командные соревнования. Женщины.

Короткая программа

Тройной лутц.

Тройной риттбергер.

И длинный выезд.

Яся слегка заторможенно поправила волосы, приглаживая выбившиеся пряди. Тренировка шла всего час, но она успела устать и начать молиться, чтобы это скорее закончилось. Сегодня вечером короткая программа. Уже выступление на Олимпиаде, которое подобралось абсолютно незаметно. Вот только они тренировались, и уже нужно выходить на лёд.

Варвара Михайловна удовлетворенно кивнула на перфоменс воспитанницы и тут же отвлеклась на разговор с Денисом Руслановичем. С Ясей всё было хорошо, но вот с другим было не очень. И даже несмотря на то, что к Варваре Михайловне спортсмен не имел абсолютно никакого отношения, весь тренерский штаб знал об этой ситуации и думал, что можно сделать.

Следующая тренировка была у парней. Всего сорок минут, потом выходили другие страны. Тренировались по трое на льду, иногда по шесть. Например, Яся сейчас тренировалась с представительницами других стран, которые будут выступать в командных соревнованиях. А парни будут втроём.

Яся заканчивала прокат программы когда эти трое зашли на арену. Калининой было на них уже все равно, она отработала эту тренировку настолько, что едва ли могла стоять без дрожи в ногах. Зато в любой момент могла скрутить заклон, чем и занималась конкретно сейчас. Дорожку шагов уже не делала, сил на неё не оставалось.

Тимур стоял ближе всех к Денису Руслановичу и что-то тихо обсуждал. Как всегда в чёрной однотонной форме, но с черным компрессом на колене. Травма несколько беспокоила, но это было не настолько, чтобы был какой-то риск для программы. Дима был чуть поодаль. Тренер сегодня не пришла, зато была Даша, которая постоит за бортиком с тренерами и посмотрит за ходом тренировки.

А дальше была проблема. Саша стоял дальше всех, с Анной Павловной. В маске, с закрывающимися глазами и бледной кожей. Он единственный был помимо тренировочной одежды ещё и в олимпийке.

— Давай сюда воду, — Анна Павловна максимально обхаживала Сашу. Вода выскользнула из руки так, словно её и не держали до этого, — разомнись немного, нужно будет прокатать короткую и пойдешь отдыхать.

Он не спорил. Слушал и смотрел в одну точку. Он в принципе не особо вслушивался, судя по всему. Взгляд пустой, а попытки прийти в себя не приносят должного успеха.

Девушки заканчивали тренировку, заливали лёд и парни тут же выходили. Яся поприветствовала парней, поудобнее ухватила салфетницу и направилась на выход. Саша проводил её глазами, но к друг другу они не подходили. Им бы и не позволили, потому что по такому случаю Сашу даже переселили в отдельную комнату. Он больше не контактировал с парнями напрямую, и видел их только на тренировках. Одного заболевшего спортсмена вытянуть возможно, троих — нет.

Ярослава отправилась настраиваться морально на сегодняшний вечер, а Саше

оставалось только понять, будет ли он завтра катать. Замену поставить всё ещё можно было, но это старались исключить. Ему было не так плохо, как Тимуру на прошлых Играх, и это давало надежду.

Пока заливали лёд, парни успели попрыгать на месте, потренировать крутку и размять шею. В общем, к моменту, когда лезвия коснулись льда, все были готовы хоть сейчас начать прокат программы.

Саша задержался у тренеров дольше всего. Снимал маску, поправлял кулон и одежду. Затем ещё раз перешнуровался, пытаясь настроиться на работу. Отлынивать нельзя, подвести тоже нельзя. Это ужасно.

Предстояла сложная тренировка.

К концу Саша утвердился в завтрашнем дне, но едва дышал. Он через силу чисто откатал короткую и сделал несколько прыжков вне программы. У остальных парней программа тоже пошла отлично, ими остались довольны. Денис Русланович не орал, как обещал, да и не за что было. Даже несмотря на травму, Тимур вышел к пику своей формы в нужный момент. Конечно, не форма первой Олимпиады, но тоже неплохо.

— Через два часа короткая, — напомнил Дима на выходе с арены, — Саш, ты посмотришь?

— Нет, наверное. Я пойду спать, пожалуй, — да, и, кажется, это было очень разумное решение. Выглядел Саша паршивенько.

— Рыжая, ну расслабься, че ты как на самоваре сидишь, — Роман похлопал Ясю по спине, стараясь привести в чувство и рассмешить. Девушка вздрогнула, но ничего не ответила.

Они уже стояли у выхода на лёд, готовые к разминке. Яся выступала в первой разминке и каталась второй, так решила жеребьёвка. Волнение было безумным, но девушка всеми силами старалась сосредоточиться на своём будущем прокате. Роман немного мешал, но, в целом, все спортсмены Ушаковского штаба были к такому привыкшие. Приученные настраиваться в любых ситуациях и с любым перманентным шумом.

На трибунах за командными соревнованиями следили и остальные члены сборной. Кроме Саши, и одной танцевальной пары. Их короткая программа была завтра, и ребята предпочли тренироваться даже во время других прокатов.

Яся ещё несколько раз подпрыгнула на месте перед тем, как объявили начало первой разминки. Волнение настолько, что тяжело даже осознать, где находишься. Руки в перчатках потели, а тот самый полуголый бок касался меховой части олимпийки и слегка раздражался.

— Всё будет нормально, — непонятно, кого Даша успокаивала: Катю или себя. Катя наоборот была спокойной и наслаждалась атмосферой праздника спорта, ни капельки не волнуясь за Ясю. Она опытная спортсменка, и очень редко что-то срывала.

— На лёд приглашается первая группа участниц, — естественно, на английском. И на родном языке принимающей страны. Яся в последний раз одернула юбку и быстрым движением сняла чехлы от лезвий. Они отправились в руки к Варваре Михайловне, а Яся отправилась на лёд.

Хороший лёд, какому и полагается быть на Олимпийских Играх. Самочувствие хорошее, скорость сразу набирается неплохая. Сейчас главное с головой справиться, и всё пойдет хорошо. По крайней мере, Яся на это надеялась.

У бортика стояли все тренеры, все трое. И Варвара Михайловна, и Роман

Константинович, и Денис Русланович. Все трое стояли вокруг её салфетницы как вокруг алтаря. Хотя, сейчас не помешал бы какой-нибудь ритуал на удачу.

Первым прыжком на разминке стал тройной флип.

И он пошёл удачно.

— Тройной флип есть, — Аня комментировала прокат, явно переживая за Ясю. Таким образом она успокаивалась. От Ярославы зависело, выйдет Аня в произвольной программе командного турнира или нет.

Тройной лутц.

В степ-аут.

Варвара Михайловна показала Ясе кулак, а девушка его отчетливо разглядела. Поняла. Угроза засчитана, так делать точно не стоит.

Снова тройной лутц.

Тройной тулуп.

Теперь всё хорошо. Ну что, осталось проверить тройной аксель и всё хорошо. Легко сказать, конечно, проверить тройной аксель.

— Судя по контенту соперниц, у нас больше шансов занять первое место, чем у всех, — Денис Русланович изучал заявки на короткую программу, задумчиво наклонив голову, — ни одного трикселя.

— Не каркай! — Варвара Михайловна была непреклонна к подобным выводам. Однажды уже заочно повесили золото на шею Прохоровой. И получили то, что получили. Серебро, и то чудом.

Тройной... одинарный аксель.

Ясю разгруппировало, что случилось безумно редко. Она поехала на второй аксель.

— До конца разминки осталась одна минута.

Тройной аксель.

Сделано.

Яся ещё немного подумалась после выезда, ну, или сделала его красивым. Кому как нравится.

Оставалась минута, и Яся решила за это время сделать бауэр. Ну, просто по приколу. Он был в программе, но не был тем элементом, который стоило бы проверять.

— Хорошо разминка идёт, — Аня приседала на уши вообще всем.

— Угу, — Тимур даже на лёд не смотрел, залип в телефоне.

— У тебя там что, вопросы мирового масштаба? — Дима нырнул в телефон брата, а Тимур его тут же отодвинул, — Да что?

— С Евой разговариваю. На прокат посмотрю нормально.

Злюка.

— На лёд приглашается Ярослав Калинина, Российская Федерация!

— Вот и наша звёздочка на льду, под вторым стартовым номером. В командных соревнованиях нас представляет Ярослав. В короткой программе. Кстати, не так давно она выиграла Чемпионат Европы! Второй раз в карьере, и теперь будет показывать свои способности на этом льду. Смотрим

Комментаторы на Федеральном канале любили Ясю чисто за фамилию. Олимпийская Чемпионка же носит такую же, тут грех не уважать.

— С богом, — Варвара Михайловна крепче сжала чехлы от коньков. Яся вздохнула,

принимая позу. Просто откатать и всё, потом в личном турнире должно быть проще.

С первым звуком музыки улетучивается вся тяжесть элементов, катание летящее, парящее. И шикарное скольжение, наработанное упорными тренировками. Рыжие волосы отлично сочетаются с платьем, и она очень гармонично смотрится на льду.

— Давай, — Варвара Михайловна очень трогательно переживает за ученицу, и практически не отрывает от неё взгляда.

Заход спиной, длинный, по дуге. Замах ногой...

Тройной аксель.

Упала.

Черт-черт-черт. Конечно, тут же вскочила. В голове пронеслись тысячи неоформленных мыслей, но Яся их откинула. Потом. Сейчас программа. Можно сказать, она даже не осознала своё падение.

Денис Русланович недовольно сжал губы, но особых эмоций не проявил. Шансы оставались всегда, и в командных соревнованиях важно итоговое место, а не чистый прокат. Варвара Михайловна расстроилась, и по ней это было отчетливо видно.

— Бля-я, — а Дима был более красочен. Откинулся на спинку сиденья и не стеснялся в выражениях. В таких ситуациях и не стесняются. Пусть он и не катался в командном турнире, хотя сомнительное утверждение с самочувствием Саши, но за команду болел.

Тройной флип.

Этот сделан уже на хороший плюс. Спасет ли это разницу с акселем? Ответ наверняка дать сложно. Через несколько минут узнают.

Яся проносила с огромной скоростью мимо бортов, видела лица тренеров. Спокойные, как ей показалось. И это тоже несколько... успокаивало. Наверное. Хотя, её голова уже давно была пустой, она отгоняла вообще все мысли.

Тройной лутц.

Тройной тулуп.

Без риттбергера. Риск после падения с тройного акселя был неоправдан, Яся не чувствовала уверенности в своих движениях. Сделан тулуп, надежный и не такой уж и дешевый.

Денис Русланович поднял голову на экран над ареной, пытаясь рассмотреть баллы за технику. На первой Олимпиаде Тимура он тоже так делал, только там экран был получше. Сейчас рассмотреть не удалось. Что же, посмотрят все плюсы и минусы по протоколам. Главное, чтобы аксель был докручен и минусовали не с недокрученного. Это будет ещё хуже.

Дорожка шагов пошла хорошо, но очень медленно. Для того, чтобы это было под музыку, стоило разогнаться раза в два быстрее, а то и в три. Но, такой возможности уже не было, и пришлось докатывать так, как есть.

Тренеры направлялись к выходу со льда, у спортсменки оставался только заклон.

— Думаю, около восьмидесяти-то будет, — Аня тоже не могла рассмотреть технику и делала предположения только по своим ощущениям.

— У неё дорожка второго уровня, — Тимур слегка прищурился, но рассмотрел, — И техника до сорока даже не достанет. Не очень много будет, конечно...

— Дорожка второго?! Да ладно! Не может такого быть! — Кристина впервые присоединилась к обсуждению, вливаясь в экран. Но там уже появились оценки за заклон, так что уровень дорожки сейчас было увидеть не суждено.

Яся была собой недовольна. С окончанием программы в голову заползли все мысли,

которые она отталкивала во время проката. Тройной аксель все испортил. И она могла подвести команду. Никакого желания стать той самой, которая забрала золото у своей же страны.

— Ярослава Калинина.

— Вот досадно, досадно. Ошиблась наша Ярослава, и это принесло свои плоды. Баллы за технику не оставляют надежд на наивысший результат в её карьере, да и к баллам в сезоне не особо приблизится. Тем не менее, у неё такой набор техники, что даже падение не позволит вылететь из тройки.

Девушка поклонилась во все стороны, отряхнула платье от... непонятно чего, и направилась к тренерам.

— Слабовато для тебя, слабовато, — Денис Русланович был суров. Варвара Михайловна же жалела и обнимала, понимая, что Яся не глупая и уже себя винит.

Аплодисменты не утихали и в КиК, пока Яся сидела, склонив голову. Оценки видеть не хотелось. А это она ещё не знает, что у неё дорожка на второй уровень, вместо четвертого, посчитана.

— За короткую программу Российская Федерация в лице Ярославы Калининой набирает 75.94 балла! На данный момент Ярослава занимает первое место.

Даже до 76 не дотянула... Яся ещё раз взглянула на экран, надеясь, что ей послышалось и знаний английского не хватило.

YAROSLAVA KALININA [RUS] [1] 75.94.

Черт. Такие баллы можно набрать и без тройного акселя.

— Спокойно. В личном сделаешь лучше, — Денис Русланович положил свою руку ей на предплечье.

— Рыжая, не раскисать.

— Давай, осторожно, через порожек.

Ребенок перешагивает и в следующую секунду валится вниз, потому что под ноги бросилась собака. Сзади идущий ребенок тоже валится, запинаясь о ноги своего брата, но мужские руки успевают подхватить хотя бы одного.

— Малыш, ну что ты делаешь, — Катя берет одной рукой собаку, зажимая подмышкой, а потом наклоняется поднять неваляшку Никиту, но мальчик уже стоит на ногах и отряхивается. Было бы от чего, но такой важный стоит. Да, фигурное катание воспитало в них способность вставать на ноги.

— Кать, отпусти собаку. Ричард, фу. На место, — Денис и тут остаётся тренером — собака отлично надрессирована и не оставляет никаких вопросов в своём воспитании, — Так.

Снимать куртку с Софы выпало ему. И не позавидуешь. Девочка поднимала руки, пыталась крутиться и осмотреться, а в один момент чуть не запуталась в своих же ногах. Кате повезло больше, потому что Никита буквально стоял столбом и ему было параллельно, что с ним делают.

— Давай сюда пока что, — Катя протянула руку к Денису, пытаясь подхватить тяжеленный рюкзак всевозможных штук, которые могли понадобиться детям. Ева собирала со всей серьезностью, вплоть до аптечки. Ушаков отшатнулся от женской руки, не давая ей снять рюкзак с его плечей, — Денис, я не умру от рюкзака в руках.

— Не сомневаюсь, — он наконец-то повесил куртку Софы на вешалку, придерживая девочку рукой. Она пыталась упасть уже несколько раз с пуфика, на котором стояла, пока её раздевали.

— ПЁСИК! — наорали в лицо Дениса, но девочка тыкала за его спину. Да, сзади явно был Риччи, — Отпусти!

Она забрыкалась, пытаясь свалиться с пуфика снова. Безопаснее было спустить её, но не безопаснее для несчастного пса. К сожалению, приоритеты были расставлены так, что девочка уже через несколько секунд побежала в сторону собаки. Никита всё так же стоял и просто смотрел.

— А ты чего стоишь? Пойдём в гостиную, — Катя потрепала племянника по голове, слегка подталкивая в нужном направлении.

Квартира у Дениса и Кати была достаточно большой и уютной. Точнее, она и до Кати такой была, а она привнесла какие-то маленькие дополнения вроде пушистых белых пледов, подушечек, цветов... И другой шелухи. Трешка, не считая большой гостиной с диваном и креслами. В этой же гостиной и располагался шкаф с медальницей. По сути, он и был целой медальницей. На верхних полках стояли медали Дениса, от середины начинались медали Кати. И в самом «сердце» шкафа медаль Чемпионата Мира в постолимпийский сезон Кати.

Две комнаты же пока были свободны. В них регулярно убирались, но селить туда, по понятным причинам, было некого. В них сегодня и будут ночевать дети.

Риччи, бедный померанский шпиц, убежал от Софы куда глаза глядят. А маленькая милая девочка в красном сарафане и беленьком свитере, с забавными белыми косичками, бежит за ним и пытается... да кто знает, что она пытается. Никита с улыбкой же стоял около «медальницы», рассматривая каждую медальку. Да, Ева говорила о том, что Никита

несколько странный для обычного ребенка и уже практически полностью живёт спортом. Вот и приглянулись ему медальки.

— Я пойду пока рюкзак их разберу, хорошо? — Катя ещё раз попыталась взять тяжелую сумку, и за это получила раздраженный взгляд Дениса. Он прошёл в сторону дивана, сгружая туда рюкзак, — Какие мы принципиальные, блин.

Ушаков не прокомментировал, оставил Катю разбирать вещи, а сам направился к Никите. Соне и так очень весело, а вот с мальчиком можно и поговорить.

— Привет, — Денис сел на корточки рядом с Никитой, — медали рассматриваешь?

— Хочу! — он не очень способно говорил, но намерения показал чётко. Ткнул пальцем в медали.

— О-о, это хорошо. Вот ты ходишь на тренировки, да? — Никита кивнул, — Будешь ещё ходить и обязательно зарабатываешь. Будешь как папа, мама, тетя, дядя... У тебя вообще очень талантливая семья. И ты не исключение.

Мальчик не отвечал, но взгляд светлых глаз был настолько осознанным, что Ушаков ни на секунду не сомневался в том, что его понимают. Умный малый, если не бросит спорт, имеет все шансы стать великим. Таким же, как родители. Денис уже захаживал на тренировки к обоим детям, но пока не видел ничего необычного. Дети в четыре года не очень-то много умеют на льду, нужно было смотреть позже, когда уже двойные будут идти на «ура». И, кажется, он снова слишком глубоко нырнул в размышления со стороны тренера. Пора вспоминать, что он дома и сидит не с детьми своих воспитанников, а с племянниками любимой девушки.

К тому же, она уже быстро разобрала детские вещи и пристраивала их на свободной полке в комод.

— Денис, подойди сюда, — Катя застыла на несколько секунд, сверля взглядом полку и держа в руках... что-то. Если честно, Денис даже примерно представить не мог, для чего эта штука. Предпочел и не спрашивать, выполнил просьбу своей дамы и присел рядом. Прямо как с Никитой. Его окружают дети? — Она сюда не влазит. Поставь, пожалуйста, на кухню.

Ему это нечто ещё и в руках таскать. Ладно, без претензий и лишних вопросов он направился с этим... неизвестно чем на кухню. Пластиковое, с крышкой, но в форме луны. Странное изобретение. Главное, что Катя понимает, что к чему.

В момент, когда Денис ставил это на полку, из гостиной раздался дикий грохот, затем лай и писк Кати. Идти туда не хотелось совсем, но ноги среагировали быстрее мозга. К сожалению. Потому что там он увидел то, что вообще не ожидал увидеть.

Катя всё ещё была около комода. Риччи в другом конце комнаты. А Соня и Никита перекладывали друг другу в руки вазу с водой... Цветов, слава богу, в ней не было, но водой Кате досталось неплохо. Светлая рубашка полностью промокла и прилипла к телу так, что Ушакову захотелось отвернуться. Волосы же сделали эту картину менее... сексуальной.

— Пиявка, — беззлобно пошутил Денис, — Иди переоденься, я пока уберу тут всё.

— Ты сам... пиявка, — Катя поднялась, стряхивая воду с рук. Денис не ответил, только немножко похихикал и похлопал Катю по мокрой спине.

Ну что, если такое случилось в первые минуты в их доме... Придётся действовать несколько иначе.

— Так, малышня. Дома будете вести себя как хотите, как отец с матерью воспитали. Тут вы в гостях. Будьте добры не трогать что не разрешено, и не пакостить. Стоять! — он слегка повысил голос, хватая Софу, пытающуюся убежать, — Меня слушаться. Тетю Катю тоже.

Дисциплина — самое важное, что может быть. Слушаемся, и будем с вами жить мирно. Если нет... что же, угол и двадцать перекидных подряд.

Честно, дети и до перекидных не очень-то расслабленно стояли. Денис был не то что бы маленьким товарищем, а для них то тем более. Угрожающе выглядели и закатанные рукава, открывающие мышцы. В общем, после фразы про перекидные дети все поняли. Никита. Соня не очень...

К вечеру дети всё же устали. Никита практически спал, а Соня смотрела мультики, болтая ногами. Перекидные никто не прыгал, но Соня постояла в углу четыре минуты за то, что снова пыталась мучать Ричарда. Четыре минуты слёз, небольшая истерика, и все снова хорошо.

Денис сидел недалеко от детей, в белом кресле, обмотанный пледом. Такой домашний и расслабленный, но всегда начеку. Он уже понял, что за ними глаз да глаз.

— Так, Сонечка, давай бери осторожно, — Катя прибежала с кухни, держа в руках небольшую кружку с теплым какао. Ближе к горячему, но она побоялась давать горячее, — Никита, сейчас тебе принесу.

И тут же убежала. Девочка взяла кружку, и тут же чуть не выронила. Телефон Кати начал вибрировать на диване.

— Кать, я отвечу? — Денис нехотя поднялся с кресла.

— А кто там? — судя по звуку, Катя ещё что-то уронила.

— Любовник!

Белая голова недовольно высунулась из-за угла.

— При детях такое не говори. Кто там? — с её лица можно было писать картину «недовольная дама».

— Ева, — хохотнул Ушаков, беря телефон в руку и подавая Кате.

— Разговаривай. Я занята.

Белая голова исчезла. Могла бы и взять!

— Алло, Ева, Катя занята. Ты что-то хотела? — подобное случалось нечасто, пугать звонящих голосом Ушакова не совсем хотелось. Даже Ева, кажется, растерялась на несколько секунд.

— Здравствуйте, Денис Русланович. Я хотела спросить как там дети. У вас всё хорошо? Как они себя вели?

Весь день отдыхала, хотя бы. Ну или держалась от того, чтобы позвонить.

— Все в порядке. Вели себя... на троечку пойдёт. Все живы, — врать не стал, сказал как есть. Соня съежилась, с этой же кружкой в руках, и чудом не пролила содержимое, — Осторожно!

Он придержал кружечку, тем самым спас и ребенка, и диван. Спасатель, не иначе.

— Давай мы тебе лично потом все расскажем? — перебил начавшую говорить Еву Ушаков, — Просто я тут даже на минуту не могу отвлечься. Все в порядке, никто не плачет, накормленные.

Двое сразу, ну это просто нервный срыв. И постоянно быть в таком напряжении, не имея возможности отвлечься. А Ева ещё и весь день одна, у Тимура же тренировки. Жесть...

Уснули оба быстро. Наверное, просто переутомились, и не удивительно. Столько приключений за день. И наконец-то тишина, наконец-то спокойное состояние. Да уж, теперь Ушаков понимал, почему не работает с совсем маленькими детьми.

Полностью измученный он лежал на кровати и смотрел в потолок, будучи не в состоянии двинуться. Да-а, этот день явно должен попасть в список самых сумасшедших на свете.

Катя ещё ненадолго задерживалась у окна, смотря куда-то во двор жилого комплекса.

— Ложись спать, — от души посоветовал Ушаков, закидывая руки за голову, — Завтра ещё непонятно во сколько встанем...

Катя повернулась на него. И тут же это не понравилось Денису. Нет, она была красивая, как и всегда. В милейшей пижаме в клеточку, со светлой косой. Но в её глазах блеснуло что-то... непонятное.

— Екатерина, что такое?

Она промолчала и развела руками. Все же подошла к кровати, присаживаясь на своей половине.

— Говори уже, — их пальцы переплелись, и Денис слегка потянул девушку на себя, тем самым укладывая.

— Ничего, всё в порядке, — Катя несколько секунд поерзала, устраиваясь поудобнее, — просто устала.

— Не нужно мне врать, я твою ложь за километр чувствую, — голос был суровым, а рука, приобнимающая за талию, не очень-то и суровой.

— Я тебе не вру. Просто пока думаю. Подумаю, скажу, — пробубнели ему в шею, — Спокойной ночи.

На окне едва заметно мигает гирлянда. В двух комнатах спят племянники, и по совместительству, дети двух воспитанников Дениса Руслановича. А другая воспитанница дышит ему в шею, но точно не спит. Думает. Утопает в своих мыслях...

Часть 14. Командные соревнования. Мужчины.

Короткая программа

— Или соберешься и это станет твоим величайшим достижением, или суждено подвести команду, — Саша слушал это с опущенной головой и закрытыми глазами, находясь в прострации. Других вариантов не было. Только собраться и выступить.

Он несет ответственность не только за себя, но и за всю команду. Всю команду ребят, которые мечтают об Олимпийском золоте. Яся, которая оторвалась на десятые балла от второго места и взяла десять баллов. Танцоры, поставившие мировой рекорд. Спортивная пара, которая сделала всё, чтобы оказаться на верхней строчке в короткой программе. И вот, остался только он. Один на один со своей болезнью, волнением и ответственностью.

А отступать уже некуда. Он стоит на льду, облокотившись на бортик и слушая последние наставления Анны Павловны. Она делала всё, что могла. Не боялась заболеть, всегда была с ним. И это было очень важно в этот момент. Наверное, поэтому он и не думал отступать. Знал, что выйдет на лёд в любом случае и в любом состоянии. Потому что не может подвести Анну Павловну.

На трибунах волнующиеся сокомандники. Сегодня они не постоят с ним в КиК, просто нельзя. Впереди личный турнир, и заболеть было бы просто убийственно.

Сегодня он ни с кем не разговаривал. Так пожелал сам, парни пытались его приободрить. И бабушка звонила. Но все они только сбивали с настроения.

— Все. Давай, держись до конца. Всё вылечим, всё пройдет, а Олимпийская медаль навсегда, — его похлопали по плечу, отправляя на лёд.

Последний. Сегодня он катал последним, и это было неплохо. Многие не любят кататься далеко от разминки, но для Саши это было не важно. Сейчас так точно, потому что на разминке он ничего и не прыгал толком. Так, тройных пару шгук и всё. Силы береглись для этого момента, именно для этой секунды. Когда нужно собраться и сделать всё. Ради команды.

— Александр Сурков, Российская Федерация!

Он через силу улыбнулся, приветствуя зрителей и судей. Нужно делать вид, что все хорошо. Даже если весь мир знает, что ещё недавно тебе было очень плохо.

— Наконец-то, звезда нашего вечера на льду! Саша Сурков, Чемпион Европы. Еще накануне были новости о том, что Саша заболел и может сняться не то что с командных соревнований — с Олимпиады в принципе! Но, я в это не верил. И правильно делал. На льду Александр Сурков и его короткая программа под песню Torn.

Комментатор сегодняшних соревнований был очень живым и весёлым. Ему могли позавидовать практически все члены сборной, потому что на них лица не было в момент, когда Саша принимал позу.

— Выкатает? Как он решился на такое... — впечатлительная Яся шептала себе под нос всякое. Раньше она не была замечена со своей «впечатлительностью» и Кристина бы непременно пошутила про их связь с Сашей. Только в таких ситуациях уже не шутят. В таких ситуациях молятся.

Аня сидела дальше ото всех. Смотрела на лёд и переживала, и за Сашу, и за себя. Завтра произвольная программа, и если Саша попадёт в топ-5 по итогам короткой, ему придётся катать сложнейшие программы два дня подряд. И если он совершит такой подвиг, Ане

непростительна будет любая помарка. Сам того не подозревая, Саша взвалил на девушку груз. Точнее, пока не взвалил. Собирался.

— Дышит нормально, — Даша присмотрелась даже до таких мелочей. Они сидели выше сборной, на комментаторской позиции, но сегодня ничего не комментировали. Только брали интервью после прокатов.

— У него обычная простуда, ничего серьёзного. Просто он чувствительный к такому, сразу температура. Ты же помнишь, как его свалило буквально за день до финала Кубка России?

Кубок России это вам не Олимпийские Игры. Поэтому тогда он снялся, а сейчас уже начал прокат. Пути назад нет и не будет.

Четверной риттбергер.

Аплодисменты. А те, кто знал, через что проходит Саша, чтобы выйти на лёд, аплодировали ещё громче. Он его сделал, пусть и не на огромные плюсы, но он был сделан.

Практически сразу идёт тройной аксель, времени подышать даже нет, а холодный воздух болезненно бьет в ноздри. Приходится дышать ртом во время раскатки, претерпевая боль в горле.

Тройной аксель.

И тоже есть. В голове Саши пустота, действие исключительно на волевых и старых наработках. Если бы в какой-то момент ему пришлось перестраивать программу, он бы не смог это сделать. Просто не осознавал что происходит в принципе. То ли он уже катает, то ли это так, снится.

Анна Павловна практически рыдала, не в состоянии безэмоционально переносить борьбу Саши со своим организмом. Денис Русланович и Роман смотрели спокойно, сосредотачиваясь на вращениях парня. Пока ни разу не сбил центровку, отработывал на все двести процентов.

Молчание. Тихая часть программы, и на арене ни звука. Никто не решается заговорить.

Четверной лутц.

Звук приземляющихся коньков.

Тройной тулуп.

А тут звук уже не слышно, потому что зрительские аплодисменты и крики заглушают. Он приземлил каскад. Последний прыжковый элемент. Воздуха катастрофически не хватало, как пройдет дорожка шагов неизвестно. Да и вообще, как он будет катать произвольную с таким дыхательным «могуществом»?

— Есть! — довольные Денис и Роман жмут друг другу руки.

На трибуне, где сидит команда, тоже уже не тихо. Все радуются за Сашу и отбивают друг другу «пять».

Напротив команды, совсем сверху, сидит ещё человек, который очень переживает за Сашу. Его бабушка. Она приехала сюда сюрпризом, и не хотела показываться внуку. Только в конце. Очень переживала за его болезнь и едва сдержалась, чтобы не показаться.

На дорожке шагов он практически выдохся, лицо покрылось красными пятнами. В последнем вращении он вообще не дышал, только пытался сконцентрироваться на том, что делает.

Последняя нота.

И он не сдерживается, присаживается вниз и пытается отдышаться. Вокруг кричат «Молодец», аплодисменты, плакаты... на лёд летят игрушки. А он ничего этого не слышит,

словно сидит в вакууме. Едва дышит, невозможно даже наладить этот процесс. Отрывисто.

<i> — Наш сегодняшний герой! Александр Сурков показывает нам блестящий прокат, даже сквозь болезнь. Саша — машина!</i>

Команда аплодирует стоя, даже не сговариваясь. Так должно быть, он заслужил это своим блестящим прокатом.

— Александр Сурков!

Он кланяется через силу, едва наклоняя корпус. Кашель рвется из груди. И его невозможно сдержать. Поэтому, возвращается Саша заливаясь диким кашлем.

— Ничего, ничего, ты молодец, — Анна Павловна не боится никакой заразы, обнимает воспитанника и поглаживает по спине, — Отличный прокат, я тобой горжусь.

Денис Русланович и Роман просто пожали руки, не нагружая голову Саши ненужной информацией.

Он был благодарен и просто кивнул, поправляя кулон и застегивая олимпийку. Было тяжело. Хотелось лечь и заснуть, или чтобы этот кашель, раздирающий горло, прекратился.

— МОЛОДЕЦ! — а это кричала сборная, громко аплодируя. Саша повернулся на них и нашёл силы улыбнуться. Поддержка ощущалась на протяжении всего проката, эта семейная атмосфера помогала не ощущать себя идиотом, даже если ты косячишь.

— Улыбнись, помахай зрителям, — его слегка стукнули по руке, — Давай, умирать без камер.

«Как же я хочу сдохнуть» — думал Саша, улыбаясь и показывая сердечки в камеру.

— Будет первым? — с замиранием сердца спросила Аня.

— Не знаю. Или первым, или вторым. Там пока 106 лидирует, — Тимур считал в голове баллы. Пока получалось равное количество, с разницей в сотых, — Будет небольшой отрыв.

— Черт.

Оценки считали очень долго. Саша успел развалиться на диване, отстукивая пальцами ритм от коленки. Получалось не очень, да и к этой травмированной коленке было лучше не приставать. Хотелось чего-то горячего, горло драло несчадно.

— Внимание!..

1. ALEXANDER SURKOV [RUS]. [1]. 107.03

— ЕСТЬ!

Анна Павловна моментально обняла Сашу под крики трибун, а парень пустым взглядом смотрел на баллы. Он не подвел команду? Все хорошо? Он первый?

— Молодчина, — его ещё раз похлопали по плечу, а Саша на автомате закивал. Откатал... Невероятно.

Часть 15. Командные соревнования. Женщины.

Произвольная программа

— Анна, немного внимательнее! — сурово одернула её Тамара Львовна грозным тоном, не требующим отлагательств.

Аня грустно улыбнулась Кате, которая пришла её поддержать, и удалилась. Командные соревнования. Пришло и её время выходить, стоять за свою страну.

До выхода оставалось всего ничего. Аня была ещё без коньков, но уже практически шла их надевать.

Волнение невозможное. Она уже волновалась так, перед прокатами на смотре Федерации. Но сегодня уже накрутила себя так, что представляла всевозможные падения. Надумала себе, что самая младшая и самая недостойная. Совсем ведь неопытная по сравнению с остальными. В командных ещё и кататься страшнее. Не хочется подвести свою команду от слова совсем.

Тренер сурова. Она заставляет тренироваться с самого утра, едва солнце встало. И Аня её понимает, действительно, нужно быть готовой. Но, её тело уже настолько устало, что прокат будет практически на грани возможностей.

Сегодня была и произвольная программа у мужчин. Сложно представить каково Саше будет выступать второй день подряд с болезнью. Сегодня он не вышел на завтрак и вообще Аня его нигде не видела. Слышала только то, как Яся с Кристиной обсуждают его температуру. Вроде как Яся сегодня с ним разговаривала через дверь и Саша сообщил, что температура упала до тридцати восьми.

Страшно представить, сколько она у него была до этого, если тридцать восемь это «упала».

Сегодня решится судьба всей команды. Пары откатали, танцы тоже. И пока что команда шла на первом месте. Даже если кто-то из ребят возьмет второе, всё равно останется на первом. Так что нужно было тащить хотя бы одному из них.

И это накладывало ответственность на Аню. Саша болеет, может сорвать что угодно. Будет бороться до последнего, но болезнь такая штука, что ты не всегда-то на ногах плотно стоишь. А тут такая температура. Поэтому, Ане нужно только первое место. И никаких других.

<center>***</center>

— Аня, давай!

— Аня!

— Мы тебя любим!

Фанатской базы было не занимать. Со всех сторон ей кричали и это было безумно приятно. Всего шестнадцать, а уже смогла собрать аплодисменты со всех сторон. Аня ехала и улыбалась, теряя весь серьезный настрой. Становилось более спокойно, она смотрела на все эти плакаты и осознавала — люди будут поддерживать её в любом случае. Сделает она хорошо или плохо. Она ответственна сейчас за команду, и делает всё для этого. В неё верят.

— А малая-то популярная, — Тимур улыбнулся, тоже осматривая плакаты и даже светящиеся надписи, — Я никогда не видел у неё такой поддержки.

— Ещё бы, она набрала на Чемпионате России баллы выше мирового рекорда, — приснул Дима со стороны, — Ещё бы она не была популярной. Шестнадцать лет девчонке.

Это действительно было так. Она набрала за произвольную программу 187.10, обогнав мировой рекорд. Но, так как это был Чемпионат России, мирового рекорда не последовало. У неё есть шанс всё изменить сейчас.

— Анна Хромова, Российская Федерация!

Оценки предыдущей спортсменки объявили. У Ани были все шансы обойти её, если сделает все чисто. Но и у неё баллы были немаленькими. Три четверных, девушка Чемпионка своей страны. 155 баллов с мелочью за произвольную.

Саша смотрел за ней с экрана своего телефона. Выйти не мог. Он даже на своей тренировке не был, остался в комнате. Пить таблетки и отлеживаться. Хотя, до его выхода без малого час.

Уверенная поза и не менее уверенный взгляд. Аня прятала всё волнение внутри. И не нужно было выставлять его напоказ. Пусть будет так, как будет. А она сделает всё, чтобы спасти свои прыжки.

Тамара Львовна сосредоточенно смотрит за спортсменкой. Всегда так смотрит. А за своей новой звездой, шестнадцатилетней Анной Хромовой так тем более. Она начала сиять очень рано, и не удивительно, что попала на Олимпиаду в шестнадцать лет. Увы, свою популярность и уникальность она не осознавала, а принимала за плохой знак свою молодость и разницу в возрасте с другими олимпийцами.

Тамара Львовна тренировала её не одна, а вместе с Альбиной Валерьевной, своей матерью. Но, её не было на Олимпийских Играх.

Аплодисменты еле утихли, когда началась музыка. Хлопали и поддерживали изо всех сил. Непонятно, сговорились или это шло от самого сердца, но этот момент придал девушке сил.

Дима видел, как Аня тренируется. У них лёд был в одно время. Они не были особь близки хотя бы потому, что разница в возрасте была слишком велика, но её усердию он мог бы позавидовать. Там, где он бы уже двадцать раз сматерился и пошёл на перерыв, она доделывала всё до конца. Может поэтому она сейчас была в команде, а Диме оставалось только готовиться к своим личным прокатам.

Четверной сальхов.

Приземлен.

Первый прыжок — залог успеха. Как программу начнешь, так она дальше и пойдет. По крайней мере, Аня в это верила. Во время проката она вообще во всё подряд верила.

Аплодисменты снова придали сил, пусть и слегка сбили.

Четверной тулуп.

Первый пошёл. Сделан, причём очень уверенно и хорошо.

— Да ей там на еще оборот хватит высоты, — одобрительно закачала головой Даша, — моя несбывшаяся мечта!

— Прыгать высоко? — ухмыльнулась Катя.

— Пятерной сделать!

Тройной флип.

«Есть хочу» — подумала Аня, заходя во вращение, следующее после прыжка. «Нужно было побольше набрать себе еды... А то позавтракать даже не дали. Что, каша нормальный завтрак что ли?»

Красивое движение и хореографическая дорожка.

«Закончу кататься и пойду заточу бутерброд. А ещё лучше пиццу. Интересно, тут есть

пицца?»

Тройной лутц.

Тройной ритт...

Двойной риттбергер.

«А, нет, не надо мне пиццы. Поняла» — расстроено пронеслось у неё в голове. Сдвоила прыжок, чем вызвала кучу вздохов у зрителей и сокомандников. Наверное, ещё и перекрутила. В минус заработает, ну просто супер.

«Тогда салата поем. Там был вкусный, с помидорками».

Четверной тулуп.

Тройной тулуп.

«Да. Салат будет кстати».

— Такая сосредоточенная, — заметила Яся, когда Аня проносилась мимо их трибуны, — Вся в прокате.

«Так. Эть. Эть... Ну, поехали. С богом».

Четверной флип.

Ойлер, который получился сам собой.

Тройной сальхов.

Приземлено. Остался только триксель, простой прыжок для Ани. И она поест свой долгожданный салат!

Усталости не чувствовалось совершенно. Она была готова откатать программу ещё десять раз. Как новенькая!

И...

Тройной аксель.

Аплодисменты. Куча аплодисментов. Очень громких, перебивающих музыку. Аплодировали и с трибуны команды, и со всех остальных. Аплодировала и Тамара Львовна, что можно было увидеть очень редко.

А Аня довольно катала дорожку шагов с улыбкой, не сходящей с лица. Ну что за красота. И прокат, и салат!

«Помидорки, ждите меня!»

Радостно и слегка сумасшедше подумала Аня, входя во вращение. В последнее вращение, которым заканчивался её дебют на Олимпийских Играх.

И...

ВСЁ!

Аня довольно подняла руки вверх, улыбаясь во весь рот. Она не слышала свои мысли, настолько было громко вокруг неё. Аня вдруг поняла, что очень устала. Тяжело дышать, тяжело... да всё тяжело. Она рвано дышала, но находила силы улыбаться и махать руками.

Люди аплодировали стоя. На лёд летели игрушки, а Аня была самым довольным центром посередине всего этого «Хаоса». Если хаос выглядит так, то, пожалуй, она его обожает.

— Анна Хромова!

Диктора было практически неслышно. Аня поклонилась и отправила множество поцелуев во все стороны.

— Актриса, — беззлобно пошутил Тимур, тоже стоя.

— Умеет работать с людьми. Её за это и любят, — восхищенно сказала Кристина. Сегодня можно и повосхищаться своей сокомандницей. Сегодня они не соперницы.

Тамара Львовна встретила горячими объятиями, совсем ей несвойственными.

— Риттбергер срывать было необязательно, — единственное строгое, что она сказала.

На это Аня улыбнулась и закивала как болванчик, чуть ли не подпрыгивая на месте. Дышала через раз, устала жутко, но энергия от аплодисментов просто переполняла её изнутри.

Пока они шли в КиК девушка ещё несколько раз оборачивалась и махала людям. А глаза так сияют от всего происходящего...

— Учись, — Яся пихнула Тимура бедром, — человек радуется аплодисментам. Не то что ты.

— А я что? — возмущенно спросил Панкратов.

Яся отвечать не стала, решила показать. Улыбка сошла с её лица и оно стало практически каменным.

Дима заржал.

— Да ну вас всех, — Тимур отвернулся от этих предателей, хлопая Ане.

— Да правда похож!

Аня сидела в КиК слишком нервно. Дергалась туда-сюда, но это больше от переизбытка эмоций. Не могла с собой совладеть. А Тамара Львовна её и не останавливала.

Стоит ли говорить о том, как было громко, когда высветились оценки?

ANNA KHROMOVA [RUS] FS [1]: 182.49.

Аня довольно подняла руки вверх, обнимая Тамару Львовну. А на лице такая широкая улыбка, что само счастье льется из неё.

Смогла!

— Всё-ё, я хочу помидорку! — весело сообщила она улыбающейся тренеру.

А та просто рассмеялась. Помидорку она хочет.

Часть 16. Командные соревнования. Мужчины.

Произвольная программа

— Собрался. Сделал. Отдохнул. Такой план на сегодня, выполняй, — Анна Павловна никогда не была особо строгим тренером. Но, сегодняшний день был огромным исключением и она ясно дала понять, что сегодня не приемлет никаких несообразностей.

Это было необходимо. Иначе спортсмена было не собрать.

Александр Сурков выходил на лёд с температурой тридцать семь и шесть. Ему удалось её немного сбить, но кости всё ещё ломило. Он выходил сегодня чисто на силе воли и принципах. И советах Тимура. На прошлой Олимпиаде с температурой выступал он, и дал несколько ценных советов, которые позволят Саше не свалиться прямо на льду из-за слабости.

Он видел фурор Анны Хромовой. Девушка выдала хороший прокат, практически достав до мирового рекорда в произвольной программе.

Саша на подобные успехи не надеялся. Он просто хотел сделать так, чтобы не подвести команду. Меняться было поздно, да и как сказали в Федерации, особо не на кого. Разве они бы пошли страдать и в произвольной программе, если бы им разрешили сменить спортсмена?

Дима Панкратов был нестабильным. Он мог сорвать всё или сделать всё на мировой рекорд. Это неплохо, но в командных соревнованиях важна стабильность. Тимур... Тимура Саша сам даже не предлагал. Он видел как друг перевязывается каждое утро. Тейпы, бинты, иногда обезболивающие уколы. Его организм работал на износ и все силыгодились бы ему в личном турнире. Кончились те прекрасные девятнадцать лет, когда он катал вообще везде. И даже двадцать три уже кончились.

— Давай, — Анна Павловна похлопала Сашу по плечам. Всё ещё единственная без маски. Денис Русланович стоял рядом в маске, ровно как и Роман. Анна Павловна же считала, что это только ломает связь спортсмена и тренера, поэтому отказалась от всех формальностей и сейчас.

Сурков кивнул, прикрывая глаза. Честное слово, он чуть не уснул. Усталость сковывала и руки и ноги. Он не тренировался два дня, только на полу, в номере. Скажется ли это сейчас? Не очень-то хотелось бы.

— Ему плохо, — очень грустно констатировала факт Яся, смотря на слабые движения на льду. Пока ставили оценки предыдущему парню, Саша пытался раскатать хоть что-то.

— Сколько температура? — Тимур был собраннее всех остальных. Понимал, что значит катать с температурой. Ты должен быть на максимуме возможностей, весь внутри себя. Контролировать тело, которое не хочет тебе подчиняться. Может сбить вообще всё что угодно.

— Когда я туда ходила, была тридцать восемь.

— М-да, — всё, что сказал Тимур.

Мимо него, на ряд спереди, проскочила тонкая фигура в олимпийских вещах. Аня пришла смотреть на произвольные программы парней.

— Привет, героиня, — Дима подставил руку, чтобы Аня отбила «пять». И она с радостью это сделала, улыбаясь. Всё ещё была в эйфории, это и понятно. Тебе шестнадцать, а тебе уже аплодирует весь мир на Олимпийских Играх.

Аню начали все поздравлять. Она кивала, улыбалась. Но, их разговоры и улыбки прервал голос диктора. Как гром среди ясного неба.

— Александр Сурков, Российская Федерация!

У лидера 201 балл. Сашин идеальный прокат на Чемпионате Европы оценили в 210.30 баллов. Но, сможет ли он повторить всё то же самое сейчас, с температурой? Гадать было бесполезно. Тимур стал Олимпийским Чемпионом с температурой. А Саша ни на грамм не уступал ему в упорстве. И, уж тем более, в форме.

Как только Саша отъехал, все заметили смену в лице Анны Павловны. Она побледнела, руки сцепились в замок. Она дико волновалась за спортсмена.

А Саша за себя не волновался. Не находил сил думать о плохом. Нужно начать делать, а там и посмотрят, что выйдет.

Кости ломило, всё размывалось перед глазами. А он всё равно вставал на позицию, смело смотря вперёд.

Вздых.

Саша услышал его словно в тишине. А затем свою музыку. И тело начало двигаться.

С трудом, с желанием всё бросить. Которое Сурков засунул куда подальше. Да пофиг, нужно сделать здесь и сейчас. Аня старалась, Яся старалась. Парники, танцоры. А он возьмет и всё похоронит тут?

Четверной флип.

В голову сильно отдало от приземления, но он это сделал. Выехал прыжок, и словил аплодисменты. Тимур неодобрительно посмотрел на трибуны. Ну видят же, что он слабый, куда аплодируют. Собьют!

Саша не думал ни о чём. Пустота. Только информация о том, что нужно сделать впереди. И она не пугала, не отталкивала. Просто была. Существовала. Как и Сурков сейчас.

Четверной лутц.

Тройной тулуп.

На приземлении с тулука он понял, что всё. Дальше не будет ничего хорошего. Силы покидали тело, он отдал всё на эти два четверных. Нужно было забивать на следующие четверные и делать тройные. Так бы сделал любой, но не Саша. Ещё и с температурой. Он просто не мог думать и знал один способ работать не думая — напролом. Головой в стену.

— Боец, — похвалил его Денис Русланович. Эх, знал бы он, что Саша сейчас чувствует.

Четверной сальхов.

Падать было плохо. Голова кружилась, в какой-то момент его даже замутило. Черт возьми, да за что такая напасть? Саша едва встал, промедлив на несколько секунд. Анна Павловна уже успела подумать, что он и не встанет. А сам Сурков знал, что встанет. Не сомневался.

Он пытался собраться. Собрать мысли в кучу, добить программу хотя бы тем, что осталось. Ведь чтобы обойти первое место нужно не так уж и много?

Четверной тулуп.

Ему не хватило сил, чтобы сгруппироваться. «Разорвало» на двух поворотах. Бабочка. Двойной тулуп получился.

А дальше хореографическая дорожка, в которую Саша попытался вложить всё. Пытался, и жадно хватал губами воздух. Во всех моментах, когда это только было возможно.

Слов не было ни у кого. Непонятно, что в такие моменты-то можно говорить друг другу. Все ощущали примерно одинаковое чувство.

Тройной аксель.

Еле выехал, но стоял на ногах.

Ойлер.

Двойной сальхов.

Сдвоил тройной. Нужно было докатать хоть как-то, потому что сознание начинало уходить. Он натурально терял сознание, но не сбавил скорость ни на секунду. Продолжал кататься. Осталось-то... всего-ничего. Две минуты и всё.

— Ребят, мне кажется? — обеспокоенно спросила Яся, разрушая тишину.

— Смотря про что ты говоришь, — сегодня Тимур был куда разговорчивее.

— Он прямо там сейчас и упадет.

Четверной лутц.

Как он его выехал — вообще черт знает. Это были последние волевые силы, потому что дальше он даже ехал едва ли. А впереди ещё дорожка шагов.

Плясали черные пятна. Ломота в мышцах и костях не давала делать всё в полную силу. Тошнота поднималась с каждым движением. А голова гудела так, словно он находился на очень шумном вокзале.

Во вращениях всё становилось хуже. Они были медленнее, чем обычно, но всё же достаточно скоростными.

Тройной флип.

Одинарный тулуп.

На большее сил не хватило. Как хорошо, что всё заканчивается. Дорожка шагов и он сможет сойти со льда.

Люди на трибунах уже плакали. Всё было плохо, не так критично, как могло быть, но то, что Саша держался из последних сил, было видно вообще всем. Страшно было о таком даже предположить, но сейчас надежды были не на высокие баллы, а на то, что Саша прямо сейчас не упадет в обморок.

Музыка закончилась. Саша замер на месте, пытаясь надышаться. Ему хлопали. И он даже это слышал. Но так же слышал как бьется его сердце и чувствовал дрожащие руки и ноги.

— Александр Сурков!

Поклон был совсем неглубоким, иначе он бы не смог удержаться на ногах. Впервые он проигнорировал игрушки и просто проехал к тренерам. Если это можно назвать выпал, то да. Он выпал в руки Анне Павловне, придерживаясь за бортики, чтобы не раздавить тренера.

— Тише, тише... В медпункт? Саша, пошли.

Он помотал головой. Сил говорить не было. От чехлов отмахнулся, просто не мог наклониться, чтобы их надеть. Ушаков придержал его сбоку, не обременяя лишними комментариями. Саша обычно в любых ситуациях не любил, когда его держат, но сейчас свалился в сторону Ушакова ещё больше.

— Молодец! — с трибуны команды кричали особенно громко. Сговорились и поддерживали Сашу как можно громче. И причём все прекрасно понимали: они не будут золотыми. Саша даже не второй.

В КиК Саша практически растекся. Некоторое время пытался собраться, но потом забил на это. Слишком плохо.

ALEXANDER SURKOV [RUS] FS [5]: 174.39

— Пиздец.

Саша моргал и пытался прогнать идиотские слёзы слабости. Он всё испортил.

Следом вылезла табличка с баллами стран.

Бронза. Они бронзовые.

Саша опустил голову вниз, пытаясь собраться. Он подвел команду. Черт возьми, подвел команду.

— Ну всё, хватит, — Тимур поднялся с места, направляясь к Саше.

— Он болеет, нельзя к нему подходить, — Яся дернула его за рукав, пытаясь остановить. На неё даже не обернулись.

— Брат, — Тимур спустился очень быстро, — Ты молодец.

«Да уж. После такого сегодня завтра уже нет. И не имеет смысла».

Отключился Сурков уже в номере. У него есть едва ли пять дней на то, чтобы восстановиться. Как жаль, что про это он не подумал. Оставалось надеяться на то, что к нему в номер решит кто-то заглянуть.

На награждение он не вышел. А страна впервые за пять Олимпиад стала не первой в командном зачете. Тем не менее, ни один из ребят не показывал того, что мог быть недоволен такой медали. Саша боролся до конца.

Часть 17. Женщины. Короткая программа

Александр Сурков не вышел на тренировку 10 февраля.

Сурков не появился ни на одной из тренировок после командного турнира. Снятие?

Тимур и Дима тренируются на льду вдвоём. Что это значит? У России нет запасных?

Новости проносились с огромной скоростью. Опросили уже вообще всех — и кто знал ситуацию, и кто не знал. Денис Русланович комментариев не давал, парней тоже настоятельно просили молчать. Ничего было непонятно. И выйдет ли Саша на лёд тоже. Стабильно высокая температура, отсутствие на тренировках. И это видели все.

Аня думала, что это раньше она волновалась. Нет, всё, что было раньше, это полная ерунда. Волновалась она сейчас. Когда стояла перед зеркалом и истерично пыталась застегнуть на себе соревновательное платье. Руки дрожали, зацепить маленький замочек никак не удавалось.

Попасть в шестнадцать лет на Олимпиаду не было её мечтой, но другого шанса уже не было бы. Оказывается, мало удачно тренироваться, нужно ещё и родиться в подходящий момент. Следующая Олимпиада была бы в её двадцать и, глупо отрицать, в двадцать лет твоя форма хуже, чем в шестнадцать. Точнее, не так. В двадцать лет её сложнее сохранять. И как Яся все еще прыгала четверные Ане было просто непонятно.

Вдох. Несколько секунд. И замочек наконец-то застегнут.

Даже не верится, что сегодня уже личный турнир. Они так долго его ждали, что день казался уже несуществующим.

Все трое катали в последней разминке, волей судьбы жеребьевка распорядилась так. Вообще, почему-то девушки из одной страны уже много Олимпиад катались в одной разминке. Может быть, жребий судьбы?

— Аня!

Тамара Львовна подозвала к себе, видимо, желая настроить девушку. До выхода не так много времени, но ещё небольшая возможность размяться была. Ярослава этой возможностью пользовалась на максимум, и переделалась практически сразу же, как пришла. Только сверху надела штаны и кофту, чтобы было теплее. Наверное, Ярослава была единственной из всей тройки, кто был на сто процентов сосредоточен перед выходом на разминку. Кристина что-то шутила, редко, не постоянно. Аня волновалась и накручивала круги по тренировочной зоне.

Парни приходили пожелать удачи. Тимур и Дима, естественно, потому что Саша до сих пор болел и не выходил из своего отдельного номера. Врачу Олимпийской деревни не сообщали, но врач сборной был в курсе. Про его здоровье остальной сборной ничего не докладывали, но сам парень иногда выходил на связь и писал, что всё хорошо. Очень вряд ли всё было хорошо, но это же Саша. Никогда не напишет, что что-то плохо.

Наушники в ушах. Полное отключение от всего, что происходит. Нужно собраться и сделать, всего один прокат. И это не что-то невообразимое, это точно под силу каждой из девчонок.

— На льду мы можем видеть одну из самых сильных разминок! Всё это в том числе потому, что в ней мы увидим сразу трёх представительниц нашей с вами страны. Сначала на

лёд выйдет Кристина Виноградова, она станет второй в этой разминке. Затем, сразу за ней, третьей, Ярослава Калинина. И последней выступит Анна Хромова, самая юная звёздочка.

Олимпийский лёд. Вот он какой. Для Кристины это стал первый выход на Олимпийский лёд под глазами зрителей. На тренировках всё ощущалось иначе. И не удивительно, ведь это были просто тренировки. Можно было упасть. А сейчас нельзя.

Девочки баллы остальных девушек не знали, но тренеры знали. И, как бы серьезно ни звучало данное заявление, это было самое строгое судейство, которое Денис Русланович только видел. За программу с тройным акселем девушки не получали выше 72 баллов. Пока что. И это было очень странно. Несомненно, нужно будет посмотреть протоколы, но уже на этом уровне это было ненормально.

Аня пошла на первый тройной аксель за разминку. Громче всех эту идею поддерживали парни с пустой трибуны, на которой расположились только спортсмены сборной. Тимур и Дима сидели в первом ряду, видя девочек идеально. Рядом с ними расположились Даша и Катя, спустившиеся со своего прошлого высокого места. Обе испытывали странные ощущения, ноги гудели, просились на лёд, но обе не могли исполнить своё желание сейчас. Но, как только вернутся, обязательно. Катя даже стала думать о том, что она слишком рано закончила карьеру. Может быть, она отобралась бы и на эту Олимпиаду?..

Тройной аксель.

— Анечка исполняет самый сложный элемент! Вы посмотрите, как она летит, как это всё красиво!

Выехала, конечно. Теперь и все остальные девушки пошли на тройные аксели.

Саша смотрел трансляцию. Не мог такое пропустить. Болел за каждую, но, волновался больше за ту, которую хотелось подколоть перед выступлением. И, самое главное, не пожелать ей удачи. Ведь удачи желают неудачникам.

Невыносимо хотелось спать, но Сурков сдерживался. Даже тяжело было представить, что он сейчас с ними в одном здании. Только они на льду, а он лежит под толстым одеялом.

— Три минуты, а радоваться будешь всю жизнь. Поняла? — Роман стоял рядом с Кристиной, разговаривая. Филипп Владиславович держал её кофту и чехлы. Настраивали все, кто только мог и не мог.

Федерация ставила на то, что весь пьедестал должен был стать их. Давно такого не было, и этот год должен стать роковым. Тем не менее, каждая хотела золото, а не просто «стать частью пьедестала».

Кристина кивнула и отъехала от бортика, понимая, что уже пора выходить. Оценки предыдущей девочки сказали, и Крис они, честно, очень удивили. Как будто она прыгала двойные. Что там было на самом деле, черт его знает, потому что за её выступлением Кристина не следила.

Ноги скользят по льду. И руки уже красиво поднимаются вверх.

— Кристина Виноградова!

Филипп Владиславович внимательно смотрит. Для него этот прокат очень много значит. Он перешёл в тренерский штаб Ушакова не так давно, но практически сразу же к нему в группу попала Кристина Виноградова. И это было первое выступление на Олимпийских Играх. Что у Кристины, что у её тренера.

Как только на лёд, так сразу мандраж. Только сейчас он приятный. Внимание столько людей просто не может быть неприятным.

Резкий поворот головы влево и прокат Кристины Виноградовой начинается. Время замирает, и от каждого движения теперь зависит конечный результат. Правда, о таком во время проката лучше не думать, иначе станет хуже.

Тройной аксель.

Самый сложный прыжок позади. А с приземлением на лёд сразу же послышались бурные аплодисменты. Кристина постаралась не заикливаться на этом, но улыбнулась уголками губ.

— Фух, — Катя с улыбкой смотрела на прокат Кристины. Они дружили, причём и на льду, и вне льда. И приличная разница в возрасте не была помехой ни раньше, ни, тем более, сейчас.

Тройной лутц.

Тройной тулуп.

И снова сделано. Сосредоточенность не покидает её, но на душе становится легче от осознания, что почти всё позади. В голове лишь четкие просчёты и никаких мыслей о наслаждении программой. Это совсем не свойственно Кристине, обычно она вся в ощущениях и компонентах. Сейчас просто не могла себя отпустить.

— И... — Филипп Владиславович приседает, когда Крис заходит на флип.

Тройной флип.

Выехала!

— Есть! — Филипп Владиславович выпрямляется, аплодируя девушке со всеми. Наконец-то, потому что все предыдущие прыжки он просто стоял.

— Отличное начало наших девочек, — Даша даёт «пять» Кате, перевешиваясь через обеих парней. Дима аккуратно придерживает Дашу за талию, чтобы та не навернулась, а Катя держится исключительно на своей способности удерживать равновесие, — Ну что, будет за восемьдесят пять?

— Судят непойми как, — пожала плечами Катя, — за восемьдесят точно будет.

На Финале Гран-При Кристина получила 85 с половиной. А этот прокат был не хуже. Она не считала в голове баллы, не думала, что ей кто-то чем-то обязан. Просто каталась и полностью отдавалась. Теперь уже да. Техническая составляющая сошла на минимум, и в дорожке шагов Крис оторвалась на полную.

— Пойдём, — Денис Русланович сопровождал Ярославу вместе с Варварой Михайловной. Девушка послушно кивнула, делая шаг вперёд, за дверь. Они всё ещё стояли за шпорой, но теперь она слышала всё, что происходило на арене. И аплодисменты, и крики поддержки, а иногда и звук коньков.

Последнее вращение — заклон — происходит практически без скорости. Кристина очень устала, и это заметно.

— Поздравляю, — Роман протянул руку к Филиппу Владиславовичу, — С вашим первым выступлением на Олимпиаде.

— И тебя поздравляю, — мужчина пожал руку.

А тонкая женская фигура поднималась со льда, где замерла в последней позе. Она докатала, она смогла это сделать.

— Кристина Виноградова!

Она очень долго репетировала поклон, и теперь немного переусердствовала. На втором поклоне она немного перетянула корпус и повалилась на лёд. Слава богу, упала не очень больно, но очень смешно. Вот так вышла на лёд, Кристина, блин!

Тренеры засмеялись, даже Денис Русланович и Варвара Михайловна, которые должны были сейчас всё внимание уделять Ясе.

— Так может только Крис, — а это смеялась Катя, подхватывая смех трибуны.

Кристина не расстроилась, что свалилась. Посмеялась, ещё раз переделала поклон. И теперь вообще не думала об оценках. Если честно, ей смех мешал дышать, поэтому она почти задохнулась на пути к тренерам.

— Молодец, упала там, где надо! — Филипп Владиславович похвалил в своём репертуаре, хлопая спортсменку по спине во время объятий. Крис ещё раз захихикала, наклоняя голову в сторону.

На лёд выехала Ярослава Калинина.

— Хоть бы всё было хорошо, — Даша тут же переключилась на сестру. Баллы Кристины были интересны, но она уже ничего сделать не сможет, и с этим ничего не поделаешь.

Саша даже приподнялся с подушек, подпирая свою голову еще одной. Чтобы просто усидеть. Яся на льду. Да уж, он хотел бы посмотреть на это вживую. Но, увы, даже если бы он сейчас постарался встать, не успел бы дойти до арены. Нужно было думать раньше.

— Внимание! За прокат короткой программы Кристина Виноградова получает...

[1] KRISTINA VINOGRADOVA, RUS SP [1]: 78.99

— Это как? — Кристина обернулась на Филиппа Владиславовича, — Что мне сняли?

Денис Русланович смотрел на экран с оценками из другой части катка и понимал, что так и будет. Такие оценки будут у девочек, и едва ли кто-то перешагнет за восемьдесят. Сегодня жесткие судьи, и мировых рекордов можно не ждать.

— Что? — все ребята с трибун дружно переглянулись, — Какие 79 баллов? Она же триксель прыгала!

Вопросов было много. А вот кому их задавать — непонятно. Судьям? Так к ним и не попадёшь. Подавать протесты? Это решение Кристины, а Тимур так же знает, что эти протесты не работает. Их не одобряют, ты практически кидаешь судье в лицо то, что он не прав.

— Мы посмотрим в протоколах, — Роман тоже немного стушевался, — Или можем подать протест.

— Нет, подождите, я хочу узнать, сколько баллов будет у других с таким же набором, — Кристину не затмевали эмоции, она хотела решить всё как можно более рационально и незатратно. Протесты не бесплатные. Федерация потом такой счёт выкатит, закачаешься.

Яся прыгнула двойной аксель на мини-разминке. Стряхнула напряжение с рук и приготовилась выезжать под объявление. С тренерами не разговаривала, предпочла не сбивать настрой. Сейчас всё в её руках и ногах. Она мечтала поехать на прошлую Олимпиаду, но травма снесла все шансы. До этой она мечтала дотянуть.

Дотянула.

Уже катала эту программу, но она не совсем пошла по плану.

Сейчас нужно об этом не думать. Иначе все тоже пойдёт не так.

— Ярослава Калинина!

<i> — На лёд выходит вторая спортсменка, Ярославушка. Кристина получила за свой прокат, как я считаю, чудовищно низкие оценки. Посмотрим, как арбитры оценят выступление более взрослой спортсменки.</i>

Яся выдохнула, смотря на лёд. Какой ужас, уже нужно катать.

— Давай же, ты справишься, — Саша непонятно кому прошептал это. Комната пуста,

Яся не услышит. Просто захотел это сказать.

Песня трагичная, но прокат трагичным не хотелось бы видеть.

Даша старалась совсем не дышать. Пусть Яся чувствует на одно дыхание в зале меньше. Может, так будет ей проще?.. Всё, что угодно. Просто чтобы было проще.

Тройной аксель.

— Черт, — Денис сжал губы, — Недокрут поставят. Хорошо бы, если бы не до двойного снизили.

Тем не менее, Яся его выехала. Пускай не очень успешно, но вполне себе сносно. Правда, недокрут она не чувствовала, подумала, что все хорошо. Этим и лучше, будет катать без всяких тараканов в голове.

Практически сразу.

Тройной флип.

И тоже успешно.

— Рыжая, давай, тащи, — Роман внешне болен за неё. Из-за фамилии, или из-за того, что они хорошо сработались, этого никто не знает. Просто хотелось, чтобы девушка наконец-то получила заслуженные оценки и золотую медаль. У неё их было немало, но Олимпийская золотая — это очень почетно.

Дорожка шагов, во время которой на лице были чувства от всего проката. Она думала, что если постарается на полную, судьи оценят и эту составляющую. Возможно, это так и работает. А возможно нет. Это она узнает только после окончания.

Ярослава всегда была хорошей фигуристкой. Возможно, со своими недостатками, как и любая из девочек. Но, старалась делать на максимум, берегла здоровье, не ставила какие-то указания тренера «на последнее место». Но, четких фаворитов у большей части тренерского состава не было. Денис болел за справедливость. Варвара Михайловна за красоту. Анна Павловна за честность. Федерация хотела видеть всех на пьедестале.

Тройной лутц.

Тройной тулуп.

Всё отпрыгала Ярослава Калинина. Ни с чего не упала, один прыжок недокрутила.

— Молодец! — прокричала ей трибуна друзей, когда она проезжала мимо. Даша искренне гордилась сестрой. В её голове она была всё такой же малышкой, а на деле нет... На деле она очень выросла. Двадцать лет, это ведь уже очень даже взрослая девушка.

— Есть, — Саша ограничился одним словом, откидываясь на подушки вновь. Нужно было только дожждаться оценок.

И они не заставили грустить. Ярослава, практически плачущая из-за переизбытка чувств, улыбалась и махала во все стороны. А перед ней уже вылезла табличка с баллами.

[1] YAROSLAVA KALININA, RUS SP [1]: 79.30

Всё ещё не восемьдесят. Но, Яся стала выше Кристины. И получила преимущество.

— Обожаю тебя, рыжая, — Роман потрепал её по плечу, довольно улыбаясь.

Оставался только выход Ани. Которая невероятно нервничала. И которую снова захлестывала паника.

Тройной аксель.

И болезненный «пинок» от льда. Аня свалилась с него, но быстро вскочила, стараясь не обращать внимания на ноющую боль в ноге. Сейчас было плевать на неё. Было не плевать только на то, что она упала в короткой программе, где каждый балл был на вес золота.

Тамара Львовна сматерилась, и это успели заснять камеры. А у всех остальных пропал дар речи. Настолько настроились, что всё пойдёт как по маслу, что не могли даже подумать о падении.

«Я всех подвела».

«Поставила себе в программу самую высокую сложность и наваляла».

«Олимпиец... Да какой я к черту олимпиец, если устоять на ногах не могу?»

Аня ела себя изнутри всеми самыми неприятными способами. Теперь она окончательно потеряла веру в себя. Так можно и всю остальную программу развалить. Только вот ей уже было всё равно. Она себя убедила, что ужасная фигуристка и недостойна быть в Олимпийской сборной.

— Ты всё сможешь!

Этот крик немного вернул Аню в реальность, но она всё ещё не особо верила в свои силы.

Тройной лутц.

Тройной риттбергер.

Непонятно как, но она всё скрутила и приземлила. Видимо, на этот каскад не распространялось это ужасное чувство слабости и разочарования в самой себе.

Она даже убедила себя, что ей достаточно одной медали. Бронзовой командной. На этом и хватит.

Тройной флип.

Тоже сделан. А на лице уже пишется «я согласна и на пятьдесят баллов».

— Она очень расстроилась, — Даша поворачивается к ребятам после проката Ани. И пока девушка кланяется и уходит со льда, они не перестают обсуждать то, как она расстроилась.

— Ей сейчас достанется, — Катя говорит это за несколько секунд до того, как Аня подъезжает к Тамаре Львовне. Помнится, её в последний раз ударили по лицу. Женщина, которая никогда в жизни её не била.

Тамара Львовна обняла Аню. А у Кати глаза на лоб полезли. Это что за вселенская несправедливость?!

— Ты главное дыши, — Тимур положил руку Кате на коленку, слегка тряся её, — Она только с нами тиранша.

— Я в шоке...

А внизу разговоры немного другие.

— Ничего, завтра контент усложним и догоним. Не расклеивайся, — Тамара Львовна погладила Аню по спине. Хромова только пожала плечами, — Прочь хворь!

[3] ANNA KHROMOVA, RUS SP [3]: 75.37

— Да всё не так плохо, — Тамара Львовна всё ещё поддерживает свою спортсменку.

Денис Русланович вообще ничего теперь не понимает в системе оценивания. То фигуристкам с чистым тройным акселем ставят непонятно низкие оценки, то их стране завышают. Это вообще как, нормально?

Он думал об этом очень долго. Настолько долго, что эти мысли не покидали его до самой ночи.

Ночь. Темнота. Горит только лампа. И Денис Русланович просто сидит и смотрит вперёд. Перед глазами протоколы, которые он успел посмотреть. Калинина получила почти восемьдесят с недокрутом на тройном акселе, его посчитали в галку. А Кристина получила

почти 79 с учетом чистых прыжков, но третьего уровня на вращении и дорожке. В то же время, как Виноградова могла получить дорожку третьего уровня? У неё со спортивного разряда все дорожки на четвертый были. Она ещё прыгала тройные еле как, а дорожка уже четвертый. Аня тоже получила хорошие баллы для той, которая упала с тройного акселя. А почему тогда все остальные не получили?

У всех девушек низкие компоненты. Неоправданно низкие, потому что Денис смотрел на некоторые прокаты. И они были очень достойными со стороны компонентной составляющей. Техника страдала, да и то, не у всех.

Он не собирался добиться справедливости. Ему просто было интересно — почему так? Жаловаться на своих же спортсменов и результаты глупо. С одной стороны. А с другой, он словно соглашается с этой вопиющей несправедливостью.

Раздался стук в дверь, выводящий Дениса из размышлений. Мужчина поднялся с кресла, которое облюбовал до этого момента, и подошёл к двери.

За ней оказался самый очевидный вариант из всех возможных. Катя неловко замерла на пороге, перетаптываясь ногами.

— Можно к тебе? — она сразу же увидела его задумчивое лицо и подумала, что совсем не к месту пришла.

— Конечно можно, — Денис закрыл за ней дверь сразу же, как только Катя перешагнула порог, — Тебе сделать чай?

— Нет, спасибо, — Катя улыбнулась, слегка поежившись и погладив плечи руками. У Дениса в комнате были открыты окна. Проветривал, и даже не заметил, как комната наполнилась не просто свежестью, но ещё и морозом. Денис тут же метнулся к окнам, закрывая их. Заморозит бедную.

— Рассказывай, как у вас там дела? — мужчина подошёл к шкафу, так же суетливо выискивая свою тёплую свежую кофту, чтобы дать её Кате. Только вот они никак не попадались на глаза, всё какие-то футболки. И зачем он их брал, если тут почти везде холодно? Зимние игры же, катки везде, лыжные трассы.

Он начал перерывать вторую полку, когда Катя неслышно подошла к нему сзади и обняла, утыкаясь в спину. Она была прохладной. Но только сейчас Денис в полной мере ощутил, как соскучился по её прикосновениям. Эта Олимпиада совсем забрала у них возможность касаться друг друга. На тренировках это портило рабочую атмосферу, да и журналисты вездесущи. В номерах они падали без сил. Кажется, они не прикасались друг к другу... неделю? Или всё же больше? Только разговаривали.

— Я скучаю, — шепотом сказала Катя, смотря куда-то в сторону и чувствуя под щекой теплую мужскую спину, — Мне всё равно на холод. Побудь со мной.

Эти слова тронули до глубины души. Денис вздохнул, понимая, что Катя будет мерзнуть, но всё же послушно закрыл шкаф. Мягким движением он убрал её руки, поворачиваясь к ней лицом. Она смотрела так нежно-умоляюще, что даже если бы он не хотел обнимать девушку, не сдержался бы.

— Прости, я совсем ударился в работу, — хрипло прошептал Денис, проводя рукой по щеке Кати. Она слегка прикрыла глаза, а ресницы продолжали подрагивать, — Я обещаю исправиться.

— Ничего, — Катя прильнула к мужской руке, поворачиваясь и плавным движением оставляя на его ладони поцелуй, — Это твоя работа, и это важно. Для тебя, и для спортсменов. Ты нужен им.

— Я нужен и тебе, — их взгляды наконец-то встретились. Взгляды, в которых плескалась бесконечная нежность по отношению друг к другу. Денис аккуратным движением взял Катю за руку, утягивая за собой. А она и не думала сопротивляться, согласилась бы пойти на любой край света.

В номере всё ещё темно и горит лампа. Только теперь всё по-другому.

— Иди сюда, — Денис всё ещё говорит шепотом, боясь спугнуть эту атмосферу спокойствия. Катя послушно подаётся вперёд.

Поцелуй получается долгим, мучительным, нежным и осторожным. Они сидят на краю кровати, рука Дениса удобно на коленях Кати, а руки Кати сзади неё, не позволяя им обоим упасть. Дыхание Дениса сбилось первым, что не осталось незамеченным Катей.

Катя отстраняется. Буквально на секунду, чтобы ещё раз взглянуть в глаза Дениса. Поймать в них тот огонёк, который она искала.

А затем женская прохладная рука перестаёт держать хозяйку. Тонкие пальцы скользят под кофту Дениса, находя уже знакомые шрамы и неровности кожи. Он очень тёплый, скорее даже горячий. А взгляд, которым он окинул Катю, отстранившись теперь самостоятельно, просто сжигает.

Легким движением Денис подхватывает Катю рукой, укладывая резким, но аккуратным образом на кровать. Катя слегка отлетает от мягких подушек, но голова тут же возвращается на них. Ей теперь не холодно. Каждое прикосновение мужских рук откликается теплотой внутри. Поцелуи перестают быть нежными и осторожными. Всё такие же тягучие, но теперь более животные и глубокие.

Катя первая освобождает Дениса от толстовки, теперь под рукой перекачиваются мышцы и шрамы, но они не вызывают никакого отвращения. Ведь они — частичка любимого мужчины.

— Люблю тебя, — шепот щекочет Кате ухо, а губы Ушакова спускаются ниже, к её шее.

— И я те... — договорить не удалось. Последний слог потонул в лёгком стоне, сопровождающемся улыбкой Дениса.

Только сейчас страсти Олимпиады оставили его голову. Потому что она забила его личной безудержной страстью к одной прекрасной девушке.

Часть 18. Женщины. Произвольная программа

Момент, который ты долго ждёшь, приходит слишком быстро. И вот, казалось, только тянется мучительное ожидание, но ты уже оказываешься в эпицентре событий. Сегодня станет известно, кто станет Олимпийской Чемпионкой по фигурному катанию в женском одиночном катании.

Девушки катались в одной разминке, согласно стандартному распределению стартовых номеров. Первой на лёд выйдет Анна Хромова, занявшая третье место по итогам короткой программы. Чудом, потому что она упала с тройного акселя. Спасло только то, что она докрутила его, и только потом свалилась. Как говорили протоколы. Денис Русланович считал несколько иначе, но, понятное дело, протестов не было.

Сегодня утром в сборной с самого утра суматоха. Потому что все то и дело бегали здороваться с той самой, приехавшей только сегодня утром. Ева Панкратова всё же не смогла не посмотреть Олимпийские игры вживую. Оставила детей с мамой, прилетела как только смогла. Ну и, конечно, её практически сразу же оформила Федерация. За это ей огромное спасибо.

Конечно, утро не могло начаться никак иначе, кроме как с заспанного просмотра крайне романтической картины. Девочки стояли совсем никакие, зевающие и спящие чуть ли не на стенах. Зато Тимур проснулся моментально. Пролетел мимо них по коридору и на улицу к улыбающейся Еве. Решила прогуляться. А Тимуру ведь только с утра сообщили, что она приехала!

Когда девочки вышли на улицу, Ева уже была над землей. Тимур обнял её и приподнял, закружившись вместе с ней. Таким счастливым они не видели его ни разу за все Игры. Денис Русланович, вышедший сзади, довольно хмыкнул. Тимур даже не застегнулся, вылетел раздетый. По-хорошему, ему нужно бы сделать замечание. А то заболит как Саша. Но, почему-то не хотелось. Его точно грело сейчас что-то другое.

Любовь.

Денис Русланович улыбался, смотря на эту парочку. Они стали парой на его глазах. Превратившись из малявки Евы с нестабильным тройным акселем и высокомерного Тимура в девушку и парня. Они друг друга ненавидели. Да просто терпеть не могли. Тимур не терпел поражений ни своих, ни сборной, а Ева относилась к этому как-то проще. И аксель ещё этот...

Всё изменилось очень стремительно. Честно, Ушаков даже не успел заметить, когда именно. Кажется, это случилось незадолго до Олимпийских Игр. Когда Тимур выгасил Еву от конца карьеры. Серьезная травма, а он натренировал девушку настолько, что та стала Олимпийской Чемпионкой. Ни один врач не мог такого даже предположить.

А они смогли.

— Я очень скучал по тебе, — прошептал Тимур, уже опустив Еву на землю, — Почему ты не сказала мне, что прилетишь?

— Хотела сделать сюрприз, — улыбнулась девушка, а в следующую секунду её губы уже накрыли поцелуем. За эти недолгие дни Тимур действительно до безумия соскучился. Тонкое женское тело в его руках... Её запах. Каждая мелкая деталь, — Получилось?

— Определенно, — Тимур оставил ещё один поцелуй на носу девушки.

Они просто наслаждались друг другом. На них уже никто не смотрел, девочки

отправились на пробежку, Денис Русланович с ними. Тимур и Ева простояли так несколько минут, после чего девушка первой отстранилась.

— Мне... нужно что-то сказать, — голос дрогнул, Ева точно волновалась, когда произносила эти слова. Тимур вопросительно посмотрел на него, успевая накрутить себе уже всевозможные ужасы, связанные и с ней, и с двойняшками, — У н... у нас будет ещё один ребенок.

Тимур застыл. Буквально на секунду. А потом в глазах появились какие-то искорки.

— Ты не шутишь? — как-будто Ева могла шутить над подобным! — Господи...

Ева снова оказалась в тёплых объятиях. Тёплых, крепких, защищающих. Она бы сказала «медвежьих», но её мужчина явно не подходил под этого зверя.

— Вперёд, — Тамара Львовна стукнула Аню по бедру, серьёзно смотря в глаза, — Один раз ты это уже сделала. Сейчас твой шанс.

На Ане было множество страз. Причёска закреплена невероятно красиво. Не девушка, а принцесса. Причём, из самых фантазийных сказок. Но, помимо внешнего вида есть и другое оружие. Более действенное и опасное. Усложненная программа. Прыжковый набор стал серьезно сложнее. На утренней тренировке Аня выкатала его, на разминке был опробован флип и сальхов. Оба четверных получились хорошо, но в произвольной программе Анны их четыре. Девиз этой программы прост «Всё или ничего». И тренер требовала «Всё».

— Меня потряхивает, — Катя впечатлилась видом на Аню с Тамарой Львовной. Её посетили не самые приятные флешбеки, но сама атмосфера Олимпийского льда заставляла кожу идти мурашками. Девочки сейчас вершат свою судьбу, представляют страну. Как же это... великолепно.

И Катя могла дотянуть до этой Олимпиады.

— С такой сложности и меня потряхивает, — если такое говорит Даша, то другие комментарии вообще мимо. Но, спорить было глупо. Аня сейчас может свершить историю своим прокатом. Она и раньше набирала мировой рекорд, но его не регистрировали. А сейчас шансы всё росли и росли.

Аня выехала на лёд, пользуясь импровизированной разминкой, пока другой девочке объявляли её баллы.

Четверной лутц.

Недокрутила, навалилась на зубец и сделала степ-аут. А Даша тут же зашуршала копиями заявок на произвольную.

— У неё нет в заявке четверного лутца, девочки! Но, она его разминает.

Вариантов, почему так — множество. Просто решила попробовать, решила включить вне заявки. Зная свою мать, Катя могла с уверенностью сказать, что Аню могли заставить прыгать хоть четверной аксель. И ей пришлось бы делать попытки.

Оценки предыдущей девушки объявили. Аня закрыла уши на них, а после выехала в центр.

— Анна Хромова!

Шестнадцатилетняя красавица с кучей камней и сложнейшим контентом. Тонкие руки складываются в замысловатую фигуру, а на лице полная сосредоточенность. Мыслями в прокате. Теперь для неё ничего не существует на ближайшие четыре минуты.

Мурашки на коже Кати никак не успокаиваются. Она нервно сцепляет руки между собой. А малютка на льду начинает свою программу.

Тамара Львовна не отрывает взгляда ото льда. Таким взглядом она смотрит редко. Взгляд, от которого можно забыть всё то, что ты учил всю свою жизнь. Взгляд, полный ожиданий.

Следующая на лёд выйдет Кристина. С ней уже стоит Филипп Владиславович и Денис Русланович. В это же время Ярославу контролируют Варвара Михайловна и Роман. Сложно когда воспитанницы катаются подряд. Но, за долгие годы подобных случаев тренерский состав научился распределяться.

Нужно вернуться к Анне.

Для Ани этот старт тоже старт всей жизни. Кто бы что ни говорил, кто бы что ни писал, она тоже к этому шла. Пришла, правда, раньше, чем все остальные участницы, но старалась для этого не меньше. Осознанности в её возрасте многим не хватало для того, чтобы понимать, зачем все эти усиленные тренировки.

Аня поняла это очень рано. И это стало её преимуществом.

Четверной сальхов.

Первый четверной прыжок Анны Хромовой в личном турнире над Олимпийским льдом прошёл успешно. Она не подала виду, но внутри практически завизжала от драйва и эмоций, охвативших её. Сосредоточенность спала, она тут же почувствовала себя той самой шестнадцатилетней девочкой, для которой всё забавно и прикольно. Вот прикольно будет чисто откатать программу на Олимпийских Играх! Если с короткой не вышло, то тут нужно постараться.

Четверной флип следом.

Его предстоит повторить ещё раз, предпоследним прыжковым элементом, в каскаде. Сейчас он дался легко, прыжки на эмоциях даются куда легче, чем прыжки во время упадка. Как эмоционального, так и физического.

Тройной аксель.

И в этот раз он получился! Прыжок во вращение и небольшая передышка от череды сложных прыжков.

На льду рассекала настоящая принцесса, превращающаяся по ходу программы в королеву. Она была лёгкой, как пушинка, но сильной, как вполне себе накачанный мужчина. И улыбка на лице, которая ни как не могла сойти. Ей просто было слишком хорошо и весело. Она не видела лиц судей, не видела лицо тренера. Чувствовала только то, что все смотрят исключительно на неё. И это только добавляло сил.

Тройной лутц.

Тройной риттбергер.

Аня не всегда была самой сильной фигуристкой в своем штабе. В «Звездах страны» она занималась с ранних лет, правда в другой тренерской группе. И обычно была в числе отстающих, потому что высота прыжка была ничтожно мала. Расти в профессионализме она начала только тогда, когда перешла в команду Панкратовой. Тренер оказалась той самой, которую Аня искала всю жизнь. Требовательная, выбивающая результат любой ценой, но со своей стороны делающая всё возможное. Она поддерживала, помогала, давала возможности тренироваться. Ане только предстояло всем этим воспользоваться. Они тренировались в какое-то время вместе с Катей и Димой на одном льду. Именно Катя стала для неё восхищением и примером, за которым Аня следовала на протяжении всей спортивной жизни. Её сердце было разбито, когда Катя объявила об окончании карьеры и не вошла в сборную на этот сезон.

Четверной тулуп.

Тройной тулуп.

Остаётся лишь один четверной прыжок. Аня не грезит о медали, она не думает о баллах. Конечно, будет думать после. Золотую медаль хотят все. Но, не сейчас. Хореографическая дорожка стала местом, где Аня выплеснула все эмоции, которые только могла оставить на этом элементе.

Ребята вообще не разговаривают, смотря на её прокат. Они не хотят нарушать атмосферу и рушить прекрасный прокат. Вдруг, если они заговорят, Аня потеряет эту нить спокойствия и уверенности?

Саше разговаривать особо было не с кем. Он всё ещё лежал в своей комнате, впившись глазами в телефон. Но, на этот раз он собирался выйти на люди. Поэтому, потихоньку начал собираться. Прийти он собирался к началу проката Ярославы. Но, так как идти недалеко, оценки Ани он посмотрит ещё по трансляции. Если выйти сейчас, велик был шанс в итоге оказаться в обмороке. На ногах Саша стоял предательски плохо, не говоря уже о каких-то резких поворотах и передвижении на быстрых скоростях.

Приближался последний четверной. Аня вдохнула воздух, полностью сосредотачиваясь в ногах. И...

Четверной флип.

Ойлер.

Тройной сальхов.

Есть!

Четыре четверных и тройной аксель. Ноги предательски болели, ныли, просились на заслуженный отдых. Но, пока было нельзя. Это ещё они должны сказать спасибо, что не было четверного лутца! Аня думала сделать его первым прыжком, но не смогла подвинуть в голове прыжки так, чтобы все смотрелось гармонично и не сильно сложнее. Ещё подействовал четверной лутц, который совершенно не получился на разминке.

Тройной лутц.

Зал аплодировал и не стеснялся. Прыжков больше не осталось, Аня довольная делала дорожку шагов, сопровождаемая аплодисментами в ритм музыки. Довольная улыбка, красивое исполнение и невероятные надбавки. Все уже расслабились. Аня справилась со своей программой. А какой довольной была Тамара Львовна... это просто не описать. Женщина аплодировала, улыбаясь губами в красной помаде, а Аня делала свои последние вращения.

Зал встал с концом программы. Девушка вернула голову в обычное положение, улыбаясь во весь рот. Чувство удовлетворения после тяжелой подготовки длиной во всю жизнь. Сложный Олимпийский сезон, кучу ограничений — и вот. Она тут. Закончила свою произвольную программу.

— Анна Хромова!

Изящные тонкие руки изгибаются во время поклона, а лицо девушки всё ещё продолжает сиять.

Аня ехала к своему тренеру, а с другой стороны на лёд выпустили Кристину Виноградову.

— Моя ты умничка, — Тамара Львовна обняла девушку, поглаживая по спине, — Как старалась, как дотягивала всё. Молодчина.

— Спасибо, — прошептала Аня, ещё раз поворачиваясь к трибунам и махая руками.

Довольная донельзя, радостная от поддержки зрителей. Она не одна. В неё верят.

Плакаты, игрушки, слоганы поддержки. И Аня, удостоившаяся такого внимания. А ей всего шестнадцать.

Кристина сразу же пошла делать прыжки. Времени было не так много, она хотела взять от него всё, что только могла. Сразу же оставив кофту Денису Руслановичу и Филиппу Владиславовичу, она выехала на лёд уже без обременяющих деталей. Кристина не выглядела как принцесса, но собиралась брать не внешним видом, а компонентами. Как это обычно было в её жизни.

Двойной лутц.

Случилась «бабочка», Кристину «разорвало» в прыжке. Не теряя надежды, она пошла на ещё один лутц.

Аня в КиК только и делала, что показывала сердечки, да махала зрителям. Совершенно никакого волнения на лице. Ну, поставят хорошие баллы, будет приятно. Нет? Зато это был лучший прокат в её жизни. Эмоции захлестнули настолько, что она никак не могла успокоиться. Она была готова ещё раз выйти на лёд и откатать ровно то же самое, что сделала несколько минут назад.

— Внимание!..

Кристина закрыла уши.

[1] ANNA KHROMOVA, RUS SP [3]: 75.37. FS [1]: 188.36. TOTAL[1]: 263.73.

188.36!

Глаза Ани расширились, она прислонила руки к лицу, закрывая рот. А его стоило закрыть, челюсть от удивления упала куда-то на пол. Мировой рекорд её. Она поставила мировой рекорд!

Тамара Львовна обняла её одной рукой, тоже махая зрителям. Её просто переполняла гордость за свою воспитанницу.

— Абалдеть, 188. Это же просто невероятно, — конечно, было удивление. Даже Даша смотрела на эти баллы как на что-то невероятное. Она приближалась к таким, но чтобы почти 190... да никогда!

По арене шли вздохи удивления и шепот радости. А на льду Кристина Виноградова. Которой только предстояло откатать. И это было невообразимо сложно после такого проката. Она его не видела, но не заметить мировой рекорд было практически не возможно.

Похожие мысли посетили и Ясю.

— Я её не обойду, — серьёзно и внешне спокойно сказала Калинина, смотря на Варвару Михайловну. Она услышала оценки.

— Спокойно, ты ещё не откатала, чтобы такие выводы делать. У тебя преимущество по короткой, если ты не забыла, — раскисать было ни в коем случае нельзя и тренер это понимала. Роман молча стоял рядом. Как же он не любил делать предположения даже не посмотрев второго проката. Но, действительно, у Яси могли быть шансы на золото при идеально чистом прокате.

— Я не смогу, — голос дрогнул, а глаза покраснели и наполнились предательскими слезами. Она выйдет на лёд, зная, что не будет первой.

Это точно не с ней. Это невозможно.

— Успокойся, пожалуйста, — Роман прикоснулся к её плечу, слегка сжимая его, — всё будет в порядке. От тебя чистый прокат.

Яся кивнула, размазывая по щекам непрошенные слёзы.

— Кристина Виноградова!

Кристина приветствовала арену, а на трибуну сборной наконец-то подошёл долгожданный гость.

— Ты живой?!

— Вот спасибо, — пробурчал Саша в маску, присаживаясь через два места от Тимура. Социальную дистанцию никто не отменял, заразить команду он не хотел.

— Нет, брат, я в плане... как ты себя чувствуешь? — Тимур наклонился к нему, чувствуя дискомфорт от этого расстояния между ними.

— Сносно. Посмотрю на Ясю и дальше лечиться. К нашим прокатам как огурчик буду! — и, слегка двигаясь, — Социальная дистанция. А то ты будешь как сморщенный огурчик.

— Да ладно, впервой что ли... — прокряхтел Тимур, откидываясь на спинку своего стула.

Кристина начала катать программу. И девочки вновь собирались молчать, но глазастая Ева не смогла не заметить прибавление на трибуне.

— Саша пришёл!

— Да ладно? — Даша присмотрелась и закивала, — Да, это он. В маске. Но, пришёл. Значит, всё будет хорошо?

— Ничего не вижу... — пробубнила Катя, вглядываясь в отдалённые пятна.

Кристина тоже не видела Сашу. Не потому, что была слепой, как Катя, а потому, что все её мысли были в четверном лутце. Он не получился на разминках, ни разу.

Четверной лутц.

Есть.

Вопреки разминке и неудачным попыткам, он тут. Сделанный, докрученный и в целом очень удачный прыжок. Напряжение в каждой клеточке тела. Не было лёгкости, как у Ани. Были только точные расчеты. Когда прыгнуть, куда отвести ногу. Лицо застыло в серьезном выражении, совсем не подходящему для такой программы.

Четверной флип.

Два самых сложных четверных выполнены. Именно их Кристина срывала в этом сезоне с завидной частотой. А раньше они учили их как основные, думая, что их прыгать проще. Оказывается, у Кристины была неправильно поставлена техника тулуца и сальхова.

Красивое равновесие с поднятой ногой, наконец-то проблеск эмоций. Кристина не расслаблялась, но решила дать себе немного «жизни» на льду. Не сковывать себя железными цепями.

Саша честно старался сфокусироваться на девушке. Но, у него это получалось с огромным трудом. Голова трещала, всё болело, кости ломило. Кажется, основную энергию он как раз тратил на то, чтобы просто сидеть.

Четверной сальхов.

Падение.

Кристина шлепнулась не больно физически, но морально это очень подкосило. Встала моментально, понимая, что медаль она, скорее всего, упустила. У неё никогда не было таких высоких баллов, как у Ани. Всегда ставили какие-то недокруты, небольшие надбавки за прыжки. А теперь ещё и упала.

Медаль. Кристина просто очень хотела медаль.

Ушаков и Филипп Владиславович переглянулись беглым взглядом. В их взглядах было

все: страх, осознание, неприятие.

Четверной тулуп.

Двойной аксель.

Если бы не сальхов, можно было бы сказать, что все прыжки сделаны хорошо. Увы...

Сальхов.

Тройной аксель.

Кристина слишком расстроилась из-за сальхова и потеряла контроль. Она чуть не раскрылась во время акселя, на первом же обороте, но усилием воли скрутилась дальше. Правда, высота была утеряна, и на выезде Крис перескочила на вторую ногу.

— Ох, — выдохнули Катя и Даша одновременно. Уже две ошибки. Но, Кристина и сама это прекрасно понимала.

В голове пустота. Ни единой мысли, кроме пожирающего осознания ничтожности. И винить некого. Во всем виновата ты сама, и только ты.

Тройной лутц.

Тройной тулуп.

Сделала, но толку от этого мало. Кристина докатывала на чистых волевых, потому что в душе хотелось остановиться и сойти со льда. Просто чтобы больше не позориться, не прыгать, не делать вид, что борешься за золото. Его не будет. Её не взяли в команду, она упустила своё золото. Разве она настолько ничтожная?

Зал поддерживал. Только Кристине было уже всё равно.

Тройной лутц.

Ойлер.

Тройной сальхов.

С тройными прыжками никакой проблемы не наблюдалось. Она всё отпрыгала, если можно так сказать.

«Хоть бы на пьедестал попасть» — в отчаянии подумала Кристина, закручиваясь во вращении. Слез не было. Было жуткое разочарование в себе. На главном старте её жизни она накосячила так, что боялась упасть ниже третьего места. Её подругу постигла такая же судьба. Но, она смогла стать счастливой и забыть ту Олимпиаду. Кристина так не сможет. Она не сможет пережить этот старт.

Конец.

— Всё совсем плохо... — в этот раз Катя смогла разглядеть экран над ареной, показавший лицо Кристины вплотную.

Слез всё ещё не было. Но, глаза такие пустые, в них ни капли радости после проката. Нет, даже не так. В них нет эмоций вообще.

Взгляд в лёд. словно Кристина пыталась найти оправдание своим неудачам. Но, ничего не попадалось на глаза. Никаких дырочек. Ничего, что могло бы помешать чистому прокату.

— Кристина Виноградова!

Она поклонилась, но голова гудела. настолько, что она думала про обморок.

На выходе её встретили тренеры. Филипп Владиславович обнял её, положив ладонь на спину, но Кристина мягко убрала её. Она не проронила ни слова. Даже когда увидела, что на лёд выехала Ярослава. Сердце болело за свой прокат. Хотелось переделать, сделать всё... как-то иначе. Подойти более ответственно. Другой Олимпиады не будет. Только эта.

Яся выхода на лёд без ожиданий. Она знала, что проиграет. знала, что её прокат будет не первым. Даже если она сделает всё возможное и невозможное. Разве что, шесть

четверных. Но, такое ей не по силам.

Катать с отчаянием и пониманием, что ты проиграл, даже не начав прокат — каково это?

Сегодня Яся это узнает.

Кристина была подавлена. Она отказывалась от любых прикосновений и монотонно смотрела в экран.

[2] KRISTINA VINOGRADOVA, RUS SP [2]: 78.99. FS [2]: 168.65. TOTAL [2]: 247.64

Медаль будет. Но... скорее всего бронзовая. Никакого счастья. Эмоции словно ушли из Кристины. Наверное, это называется эмоциональным выгоранием.

— Я не могу на неё смотреть, — с жалостью в голосе произнесла Катя, — это душераздирающе.

Все молчаливо согласились. Прекрасно знали, что чувствует проигравший спортсмен. И хотели помочь, но... никак. Никак ты этому не поможешь. Потому что это его личное горе, которое ему суждено пережить. Ей, если точнее.

Четверной флип.

Когда-то коронный и единственный прыжок Яси, который она растеряла пару сезонов назад. Нет, могла собрать, но он шёл с огромным трудом. Наверное, это из-за изменившейся комплекции тела. Или из-за неверной техники. Или из-за травмы ноги. Да черт знает из-за чего, но теперь он был первым в программе и считался самым сложным.

Саша еле как сфокусировал зрение на Ясе. Поддержать криком он точно не мог, горло саднило. Но, за него это сделали зрители.

— Ярослава Калинина!

— За золото!

Глаза наполнились слезами. Золото... Конечно. Которого не будет.

Тем не менее, она встала на программу. По-другому было просто нельзя. Несмотря на боль внутри, несмотря на осознание, что ты упустила медаль своей жизни даже не начав прокат. Чисто, грязно — она не первая.

Рыжие волосы убраны в красивую причёску. Но, на лице нет той самой красивой озорной улыбки.

Даша волновалась. Очень сильно, на льду её сестра, первые шаги которой она видела с самого детства. Не переживать было просто физически невозможно. Яся в отличной форме. Но, как можно было видеть по Кристине, не всегда отличная форма спасает.

— Сань, признавайся, — до первого прыжка Яси Дима решил пошептаться с Сашей, перевешиваясь через Тимура, — Что у вас с Калининой?

Саша покачал головой. Можно было трактовать по-разному: ничего, не сейчас, не скажу. В любом случае, Дима остался недоволен.

Четверной флип.

И сейчас безупречен.

Музыка Ярославы — смесь Skyfall и No time to die. Именно из-за первой части у Тимуре она вызывала теплые, но противоречивые чувства. Он катался под Skyfall на прошлой Олимпиаде, под неё была поставлена произвольная программа. И именно этой программой он вырвал медаль. Ярослава чувствовала эту музыку как родную. Особенно сегодня.

Когда она была разбита.

Кристина не смотрела за прокатом. Ей, собственно, было уже всё равно. Она сидела в комнате для лидеров и просто смотрела в телефон. Без цели. Матери она не звонила. Вообще

никому не звонила. Просто сидела и смотрела хоть бы куда, кроме экрана с прокатом.

Аня была лидером. Ей было жутко некомфортно рядом с расстроенной Кристиной, но на прокат Яси она смотрела. Внутри зарождался стыд за то, что она лидирует. Разве она достойна?

Четверной лутц.

Тройной риттбергер!

Вместо двойного.

Начала появляться надежда. Яся выкладывалась на полную, чтобы хотя бы минимизировать разрыв с Аней. В моменте она поняла: «если я не попытаюсь хотя бы это сделать, то я буду жалеть всю жизнь. Думать, что могла сделать что-то ещё для победы».

— Воу, — Дима похлопал. Такой каскад он и сам исполнял, поэтому знал, какой он сложный. Базово он не сильно отличался от каскада с тулупом, но надбавки за такие каскады были просто фееричные.

Денис Русланович оставил Кристину практически сразу. С ней был Филипп Владиславович, а сам Ушаков отправился к Варваре Михайловне и Роману. Внутри он понимал, что после последнего проката будет взрыв эмоций. Кто-то точно разрыдается, а кого-то и вовсе забудут в этой суматохе. В этом плане девочки сложнее парней. Но, судя по ситуации с Сурковым, тут ещё надо поспорить, с кем сложнее окажется ситуация.

Двойной аксель.

Тройной тулуп.

Яся так старалась отключиться от всего, что чуть не запнулась на ровном месте. Теперь предпочитала контролировать, но вместе с контролем возникала и старая добрая тревожность. Мыслить и обдумывать было некогда, нужно было просто делать. Как жаль, что ситуация не располагала к такому стечению обстоятельств.

Четверной тулуп.

Роман зажмурился и отвернулся. Даша сделала абсолютно то же самое, при этом не видя, что Фролов так сделал. Яся сделала степ-аут, едва удержавшись от падения. Тулуп вполне мог оказаться недокрученным. И тогда его стоимость катилась вниз.

Яся прикусила губу, но сдержала эмоции в себе. Было ужасно. И прыжок, и настрой после этого. Она теряла баллы, которых и так не хватало до лидерства. Нужно было лучше катать короткую. Могла же спокойно набирать до 86 баллов за короткую, что же случилось в этот раз?..

Тройной лутц.

Тройной риттбергер.

Двойной тулуп.

И лишняя тройка в конце, которая получилась совершенно случайно. В общем, кривой выезд. На этом каскаде это не редкость, он ведь очень сложный. Но, в связи с предыдущим элементом... Грустно получалось.

Аня не думала, что уже победила. Она волновалась за Ясю, сжимаясь при каждом прыжке и помарочке. Болела всей душой и сердцем. Они не были подружками, не очень близко общались. Только спортивные отношения. Но, Аня сейчас болела так искренне, как только могла.

Четверной лутц.

— Недокрут, — сжал губы Ушаков, опуская глаза вниз. Не будет у неё золота.

Дальше дорожка шагов, которую оценили на второй уровень, вместо заявленного

четвертого. Это всё. Она просто вышла уже обреченная на поражение.

Тройной лутц.

Вымученный, приземленный еле как. Ей не хватало высоты, ноги пришлось сложить неправильно.

No Time To Die. Но, так хочется.

— Даже сотни за технику не будет, — очень грустно произнёс Роман, поворачиваясь на Ушакова. И говоря, почти шепотом, — у Хромовой было 111.

Денис кивнул, прикрывая глаза. Сам все понимал и знал. Чуда не будет. Понимали почти все спортсмены, кто аплодировал Ярославе. Аплодировали с примесью отчаяния. И только самые преданные фанаты верили до конца.

Аня начинала понимать, что происходит и к чему это приведёт. Но, боялась быть самонадеянной. Тамара Львовна тоже держала себя в руках, но триумф был близок. Аня сидела как на иголках.

Лицо Яси после конца проката было чуть более живое, чем лицо Кристины. Но, она тоже все понимала и знала. Ошиблась. Несколько раз ошиблась, и сама в этом виновата. Она даже несколько раз кивнула сама себе. А затем, плевав на то, что её ещё раз объявляют, присела на корточки и коснулась льда.

— Спасибо, было классно, — прошептала Яся перед тем, как встать и сделать поклон.

— Моя хорошая, — Даша смотрела и тоже понимала. Яся пыталась. Но, увы.

Саша даже встал на аплодисментах. Еле как, едва ли не свалившись назад, но он стоял и аплодировал. Всё время после конца программы Яси. Когда её обнимали и успокаивали тренеры, хоть слёз не было. Когда она сидела в КиК. И даже когда в её глазах проблеснула надежда.

[2] YAROSLAVA KALININA, RUS SP [1]: 79.30. FP [2]: 175.69. TOTAL [2]: 254.99

Яся держалась изо всех сил, смотря на экран. Несколько секунд, а потом просто закрыла себе лицо игрушкой. Не хотела плакать на людях. Не хотела, чтобы эти эмоции видели. Она вторая. Серебро.

Саша просто не мог на это смотреть. Хотел сорваться, подойти. Но, не мог этого сделать. Ни физически, ни по правилам. Просто стоял и поддерживал как мог, аплодисментами.

Аня сидела на месте и не знала, что чувствовать. Рядом Кристина, которую только что сдвинули на бронзу. На экране плачет Яся. А она... она выиграла. Олимпиаду. Но, почему внутри пусто? Где счастье, радость, желание попрыгать и покричать?

— Иди сюда, — Тамара Львовна протянула к ней руки, привлекая к себе и обнимая. Аня с удовольствием обнялась, всё ещё пытаюсь найти внутри отголоски счастья.

Пустота.

«Должна была выиграть Яся» сказала себе внутри Аня, поворачиваясь на экран. Ясе что-то говорил Денис Русланович, но она вообще не слушала. Другой Олимпиады не будет. Свой единственный шанс она упустила. Ровно как и Кристина.

— Крис... Ты была великолепна, — Аня не смогла просто так стоять. Сердце обливалось кровью от вида растерянной Кристины и она решила подойти, обнять, поздравить. Если её можно было с этим поздравить.

— Спасибо, — сухо ответила Виноградова, всё же обнимая Аню. Но, поздравлять ту не спешила. Именно в этот момент Аня поняла, что сейчас ей не будет рад никто.

Одна, когда вокруг столько эмоций. А она словно под защитой.

Впервые за три Олимпиады золото в женском одиночном завоевала не воспитанница штаба Ушакова. Анна Хромова стала Олимпийской Чемпионкой в свои шестнадцать лет, поставив мировой рекорд.

Ей было безумно тяжело. Нет, не добиться этого, хотя это тоже. Было тяжело стоять на пьедестале и улыбаться, когда в голове всплывали слёзы Яси и пустой взгляд Кристины. На шее была золотая медаль. Золотая медаль Олимпиады. А Аня вообще не осознавала, что она что-то значит! Не могла радоваться.

После награждения к Ярославе подошёл тот человек, которого она даже не могла ждать. Саша был горячим, у него снова поднялась температура, но он остался до самого конца.

Яся быстро оказалась в его тёплых, даже горячих из-за температуры, объятиях. Слёзы полились с новой силой.

— Тихе, тихе, — Саша шептал это, обнимая Ясю и поглаживая по спине, — Всё пройдёт, всё забудется. Твоё серебро с отблеском золота. Ты самая достойная из всех, кого я только знаю.

Он говорил это в маску, Яся не понимала половину слов. Но, это было и не важно. Просто успокаивающий шепот Суркова. Просто объятия. И наплевать ей сейчас, что она может заболеть. Ей уже не для чего быть здоровой.

Эмоции льются через край. Кроме слёз уже ничего не осталось. А в голове как на повторе фраза.

«Второе место — Ярослава Калинина».

Аня так и не решилась подойти к ней, чтобы поздравить. И извиниться.

Очередное падение.

И снова тяжело вставать. Снова всё плывет перед глазами. Голова раскалывается, кости ломит. Тяжелее только заходить на прыжки. Организм требовал отдыха и сна, а насильственные действия со стороны мозга не одобрял от слова совсем. И зачем нужно было выходить на лёд сейчас, когда всё так плохо?

До короткой программы мужчин два дня. Осталось три тренировки. Саше пришлось себя пересилить и выйти, потому что это был единственный приемлемый для него вариант. В другом варианте его снимали с соревнований и на лёд выходил Емельянов. Чтобы Саша не сомневался в действительности данного варианта — Петя был в Олимпийской деревне. Суркову не оставили выбора. Если он хочет выйти на Олимпиаду, он должен встать прямо сейчас. Наплевав на эти тридцать восемь градусов, что, собственно, уже не сорок, но всё равно неприятно.

Тимур, проезжающий рядом, может и чувствовал бы сочувствие к Саше, сам ведь понимал, каково это. Прошлая Олимпиада тоже прошла для него с температурой. Только вот, увы, у Тимура были другие заботы.

Саша не видел, насколько сегодня обматывался Тимур. Не одевались в одном месте. Видел только момент, когда Тимур снимал конёк, закатывал штанину на левой ноге, и чуть не кричал, когда массировал ногу. Она немела. Колено было обклеено тейпами, сама стопа, как обычно, в бинтах и тейпах. Для надежности. Обезболивающая мазь воняла на весь каток, несмотря на хорошее проветривание. В целом, и Саша, и Дима, привыкли к этому запаху. Успехом было то, что Тимур сегодня катал без пояса и без бинта на руке. Как жаль, что это ему не помогало.

Раз за разом Панкратов делал бабочки. Из удачных четверных пока был только сальхов. Последний четверной в его произвольной программе. По заявке, потому что без заявки Тимур собирался делать, естественно, больше. Пока что всё было не в его пользу.

Саша снова решил зайти на четверной. Хотя бы тулуп!

Тело совсем не хотело слушаться, дышать было тяжело. Иногда захватывал кашель. Но, нужно было терпеть.

Четверной тулуп.

Саша очень больно ударился бедром о лёд. Встал сразу же, но ещё долго потирал его рукой.

— Ань, ещё раз, — Денис Русланович сегодня был суров. Ни единого признака того, что он в принципе рад тут находиться, — Ты уверена в Саше? Почему у нас на льду спортсмен, который ничего не может сделать, а Петя у нас лежит в номере?

Анна Павловна и так смотрела на тренировку воспитанника с закусанной губой, а вопрос Ушакова совсем выбивал из состояния хотя бы частичной уверенности. Она не была уверена. Действовала просто потому, что видела желание этого мальчика. Он вставал с кровати сегодня утром полчаса. Едва ли не засыпая на ходу. Пил таблетки, и шёл разминаться. Петя прилетел пару дней назад. Когда Саша целые сутки спал и вообще ни на какие вопросы не был в состоянии отвечать. Но, даже тогда Анна Павловна выступила против его снятия с соревнований. Жаль, но теперь, смотря на лёд, она сомневалась в своём решении.

Тройной флип.

Саша приземлял тройные с трудом. Голова гудела в полёте, он никак не мог собраться.

У Димы дела шли гладко. Он уже откатал свою произвольную, приземлил от первого до последнего прыжка. В полную силу, с четверным акселем. Тамара Львовна была очень довольна, особенно на фоне того, что её воспитанница стала Олимпийской Чемпионкой. Оставалось надеяться на такие же успехи Дмитрия. И она будет надеяться, а если парень не оправдывает её ожидания — злиться и бойкотировать.

Она болела и за Тимура, ведь он тоже был её спортсменом. И сыном, конечно. Но, Дима был единоличным продуктом режима.

Подобные чувства и надежды она испытывала и на прошлой Олимпиаде. Когда оба её «продукта» не смогли выполнить поставленную задачу. И если Дима, по её мнению, не сдался, и продолжил заниматься, то Катя поступила как настоящая слабачка. Она сбежала в другой штаб, где растеряла половину былой формы и каталась в своё удовольствие. Ещё и закончила на пустом месте, хотя могла дотянуть до Олимпийских Игр и побороться за медали. Но, видимо, её устроило отсутствие олимпийской медали. И Катя завершила карьеру на ровном месте. Без травм и каких-то логических цепочек. Просто захотела и почувствовала, что сделала всё, что должна была.

Тамара Львовна неодобрительно покосилась на только вошедшую Катю. Она застыла на входе, через пару секунд неспешно передвигаясь вперёд. Катя каталась на шоу, даже планировала сделать когда-то своё. Форма была неплохой, она прыгала все тройные. Конечно, не такая форма, как в Олимпийский сезон, но дотянуть можно было. Похудеть, набрать всё то, что забирал возраст.

Тамара Львовна уже не делала замечаний Кате по поводу веса. Несмотря на то, что она очень прилично набрала, по меркам матери, за время жизни со своим Денисом.

Четверной риттбергер.

Сурков чуть не задохнулся на выезде, грудью хватал воздух так истошно, что Анна Павловна заволновалась. Но, Саша даже и не думал сходить со льда. Ничего не получалось, ну и ладно, значит убьется окончательно.

Катя подошла к Денису, слегка касаясь рукой его руки.

Неожиданно, но Ушаков руку сразу же одёрнул. Только сейчас Катя увидела серьезное лицо мужчины и неосознанно сделала шаг в сторону.

— Я работаю, — ровным голосом сказал Денис, — закончу через двадцать минут.

Панкратова закивала головой. Такое было не редко. Денис предпочитал оставаться Денисом Руслановичем в тренировочном процессе, не провоцировать никого своим непрофессиональным поведением. В первое время Катю такое обижало. Когда она всё ещё была спортсменкой. Но, позже она выучила простое правило — пока они на арене во время тренировки или соревнований, она навсегда Панкратова. И только за дверью Катюша или заяц.

Четверной лутц.

Четверной флип.

Тимур сбросил руки после выезда и посмотрел на небо, а-ля «наконец-то!»).

Денис Русланович слегка улыбнулся и постарался сделать вид, что не увидел то, как Панкратов присёл на колено и зажал левую ногу. Завтра будет на обезболивающих.

— Саша, на прогон!

Сурков закивал. Черт с ним, пусть катает, а дальше будь что будет. Оплошает — значит,

такова судьба. Нет — прекрасно.

Он очень поддержал Ярославу Калинину на прошедших соревнованиях женского одиночного катания. Яся взяла серебро, вопреки желаниям и своим, и своих зрителей. Золото завоевала Анна Хромова, и ей тоже не позавидуешь. На Аню обрушилось всё: хейт фанатов Яси, радость от своих фанатов. Непонимание, как общаться и разговаривать с остальными. Делать вид, что всё хорошо? Нет?

В общем, смотря на девочек, у парней не было никакого энтузиазма оказаться в похожей ситуации. Их отличало одно. Все парни были взрослыми. А девочки совсем юными.

Четверной сальхов.

Увы, не Сашин. То, прыжку Тимура Денис Русланович тоже порадовался. Лицо даже начало немного светлеть.

Чтобы в конце стать мрачнее самой тёмной чащи.

Саша не приземлил *<i>ни один</i>* прыжок из произвольной программы.

Часть 20. Мужчины. Короткая программа

Тяжелый выдох. Голубые глаза смотрят в зеркало. И каждый раз там другой парень.

Он был на Олимпийских играх дважды до этого момента. Ему было девятнадцать лет, когда он впервые вступил на олимпийский лёд. Полностью уверенный в своих силах, натренированный. Слишком самовлюбленный и эгоистичный. Не воспринимающий никого из тех, кто приехал соревноваться, за соперника. По мнению девятнадцатилетнего парня, завоевавшего все медали мира и схватившего звезду, все они были серыми мышами. А он — король, который приехал раскататься на расслабоне.

Стал вторым. Уступил девятнадцать сотых, хотя сделал в произвольной программе всё, что мог. Два падения в короткой не остались без внимания. Серебро тяжестью повисло на его шее и никогда не уйдет. Неоправданные надежды остальных, неоправданные усилия тренеров. И сильнейшая программа в мире, исполненная с переломом ноги, которая стала только второй.

Он никогда не простит себе это серебро.

Не было смирения, не было мышления «зато я продолжаю и не сдаюсь». И никогда не будет, потому что он позорно проиграл свои первые Олимпийские Игры. Золото взял Артём Беспалов.

Вторая Олимпиада. Самая тяжелая, набирать форму пришлось за сезон. А предыдущие сезоны без работы на льду не прошли бесследно для физической подготовки. Шоу и многооборотные прыжки на них это хорошо, но соревновательный режим намного сложнее, чем катать на шоу.

Повышенное внимание общественности, злые взгляды Димы. Упреки матери. И только одна девушка, которая поддерживала его всё время. Его жена. Верила не только она: тренер, фанаты, друзья. Но, только она была рядом в самые сложные моменты.

Золото за золотом. Уверенный поход к Играм. И столько сомнений в победе. Просто из-за того, что однажды он не смог. Из-за того, что буквально за пару дней до выхода поднялась высокая температура. И сомнения были оправданы. Судьи занизили ему оценки, урезав практически на семь баллов его короткую программу. Протесты не дали результатов. Выходить на произвольную пришлось под третьим номером после короткой программы.

На тех Играх он поставил несколько рекордов. И получил своё золото. Так счастлив он не был никогда. Он сиял, стоя на вершине пьедестала. А шею теперь тяготила золотая медаль. Именно тогда Тимур начал считать себя Олимпийским Чемпионом, наплевав на все командные медали до этого.

А следующий сезон начался с перелома, который должен был убить всю его карьеру и закрыть выход в большой спорт. Когда это его волновало?

Эти Олимпийские Игры оказались самыми тяжелыми. У него болела нога, получившая перелом дважды, невероятно ныла рука, ушиб которой забрал неделю его тренировок. Спина отваливалась, она постоянно была в поддерживающем поясе. Колени... вообще без комментариев. Пару раз они вылетали и ему приходилось уходить с тренировок. Но, он откатал все сезоны с последней Олимпиады. Менял штаб, психовал, истерил, отрицал, сдавался. Докатал.

Тимур Панкратов сдаваться не собирался.

Сегодня короткая программа индивидуального турнира среди мужчин. И этот день не

менее важен, чем завтрашний. Тимур прекрасно помнил, что случилось на первой Олимпиаде. И то, как это сказало на его дальнейшей судьбе.

Когда же он сможет доказать самому себе, что достоин золота Олимпиады?

Что достоин называться «Спортсменом» и давать интервью?

Как же хочется надеяться, что на этой Олимпиаде он всё себе докажет. И наконец-то перестанет гнаться за призрачной перспективой.

Сегодня Тимур выходил в непривычной для себя разминке. В самой первой. То есть, он откатается, и результаты своих покатушек он узнает только через часа три. Ухудшало ситуацию то, что тот же Саша катался в последней разминке. Интрига останется интригой до самого конца.

Но, Тимур старался поменьше думать об остальных. Тут бы о себе подумать.

Денис Русланович особо не разговаривал с ним. Но, всеми способами намекал, что нужно собраться. Взять себя в руки. Забыть про свои травмы и не обращать на них внимания. С Тимуром поздно было разговаривать об ответственности или о том, как важны эти соревнования. Он всё и так понимал. Осознанность присутствовала, оставалось только всё правильно сделать.

С Димой они не разговаривали. Каждый был сам в себе, и даже совместный номер в Олимпийской деревне не давал им поводов для коммуникации. Им нужно было собраться по отдельности.

С прошлой Олимпиады их отношения изменились. Да настолько, что теперь они действительно могли называться братьями. Не было ненависти, желания друг другу неудач. Только здоровая конкуренция. Которая, увы, в реалиях формы Димы, становилась всё меньше и меньше.

В зал Тимур пришёл за час до начала соревнований. И то поздно, Денис Русланович посмотрел на него как на самого опасного преступника. Тимур же проигнорировал этот взгляд и пошёл разминаться со скакалкой.

Девочки сегодня придут поболеть на трибуну. Наверное, после их турнира это было достаточно тяжело морально, поэтому их стоило поблагодарить. Впрочем, каждый год такая драма. Только в прошлый раз менее заметная для общественности. Да и, собственно, в самую первую Олимпиаду Тимура у женщин не было особой драмы.

Когда выиграла Ева, бесспорным фаворитом была Саша Прохорова. Она рассчитывала на первое место, но не смогла его занять. Ошибки позволили радоваться и второму месту. Тем самым, Прохорова взяла серебро. Ширяева тогда оказалась за тройкой лидеров.

Когда выиграла Даша, Вероника плакала исключительно за камерами. Она ушла, стремительно и бесповоротно. А на награждении сияла, иногда утирая слёзы. Счастья, печали, кто там разберет.

Яся не могла сдержать слёз, стоя на пьедестале. Она заплакала вновь после успокоения в момент, когда её объявили вторым местом. Для неё это стало слишком сильным ударом.

В зал зашёл Сурков.

И сегодня он был настроен решительнее. Температуры не было. Слабость всё ещё оставалась, как и дикая отдышка, кашель. Но, он ощущал себя хотя бы живым. Это давало надежду, за которую Саша не хватался. Как откатает, так откатает.

Разминка проходила очень даже спокойно. Никто друг с другом не разговаривал, все готовились к своим прокатам. Саша не прыгал, только если на скакалке, и то не долго. Дима же крутил бесконечные туры и в общем очень активно себя проявлял.

— Сюда иди, — за двадцать минут до начала разминки Денис Русланович поманил Тимура к себе. Парень снял наушники, в которых и так не играла музыка, — Сам знаешь, что от тебя нужно. Знаю, сезон не очень простой. Вспомни того мальчика, который брал все медали и не испытывал трудностей.

Денис смотрел прямо в глаза Тимура. Говорил серьезно, с расстановкой, с тактом.

— Вспомни, что он — это ты. И этот мальчик всё ещё в тебе. Вот тут, — он приложил свою руку в то место, где было сердце Тимура.

Тот мальчик... Был давно.

Тимур всё равно кивнул. Вряд ли он сможет. Очень вряд ли.

Уже скоро выходить на лёд. Саша всё ещё разминается, Дима тоже. Диме выходить в четвертой разминке.

Куча мыслей в голове. И только одно поддерживающее сообщение. От Евы, которая хотела сказать всё лично, но не посмела беспокоить парня. И правильно сделала.

— Тимур Панкратов!

За что ему это наказание — кататься в первой разминке? Так же потом можно умереть от интриги и волнения.

Ева смотрит на него сверху. Но, сегодняшний день отличается от множества подобных дней. Внутри девушки было спокойствие и полная вера в то, что Тимур сможет выполнить программу. Она даже несколько романтизировала сегодняшний процесс, вспомнив времена, когда всё было наоборот: она каталась, а Тимур наблюдал с трибун и переживал. Три года после Олимпиады. Ева закончила прямо перед Олимпийскими Играми.

Она искренне восхищалась своим мужчиной. Столько лет на льду, и только движение вперёд. Он откатывался ровно на отпуск, а затем приходил в форму и делал новые свершения. Наверное, у него было самое большое количество золотых медалей, чем у кого бы то ни было в мире.

На льду изящная мужская фигура. И только несколько человек знают, что он как сломанная кукла — перемотан везде.

Кажется, он и не помнит, когда в последний раз был прокат, во время которого не было больно. Как будто больно было всегда.

Денис Русланович не шептал ничего воодушевляющего или просящего. Смотрел на лёд, олимпийский лёд, на которой в очередной раз выходил его любимый воспитанник. Тимур поднял голову вверх, закрывая глаза. Выдохнул. И наконец-то встал на прокат.

— Тима, давай!

— За ушаковских!

«Как будто за ушаковских больше никто катать тут не будет» — со смешком подумалось Тимуру перед началом программы.

Программа вернулась в первоначальную сложность. Каскад переместили во вторую часть программы, чтобы увеличить базовую стоимость. В общем, легко точно не будет.

— Совсем скоро кто-то из них станет Олимпийским Чемпионом, — задумчиво пробормотала Даша, не отрывая взгляда от Тимура. Её кумир. С которым она начала тренироваться на одном льду совсем давно. И теперь он... её друг?

Даша никогда так и не смогла достигнуть тех же навыков, что и Тимур. Скольжения такого никогда у неё не было, количества четверных так тем более. Она вообще очень быстро закончила после того, как начала исполнять четыре-четыре. Это была слишком

большая нагрузка на организм. Увы, неоправданная в её случае.

Четверной флип.

Лезвие уверенно скользит по льду. Выехал.

В иностранной музыке звучали русские слова, в основном «спасибо», и зрителей соответствующей страны это только заводило. Тимуру аплодировали и кричали что ни попадя, но в основном приятное.

— Волнуешься? — Катя стояла укутанная в пушистое пальто кремового цвета, — Я хочу, чтобы золотых Олимпийских медалей было три.

— Я тоже этого хочу. Увы, медаль будет у одного из них. Я... так переживаю за Диму. Он не справится с проигрышем. Слишком много отдал ради того, чтобы выбраться с низов и репутации запасного.

Дальше элемент, который вызывал больше волнения, чем все остальные, так как был на большую ногу Тимура.

Тройной аксель.

Боль растеклась по ноге, но Тимур усилием воли выровнялся и ровно выехал. Плечи чуть не занесли его.

Этот маневр заставил всех понервничать, но Панкратов справился с «управлением» собственным телом.

— Фух, — шумно выдохнула Ева в момент, когда Тимур уже окончательно завершил выезд и вошёл во вращение, — Было опасно.

На прокат наконец-то вышла посмотреть и та, которая должна была стоять с самого начала. На лёд Тимура выводил Денис Русланович, Тамара Львовна присутствовала номинально. Все-таки, Тимуру никто не заменит тренера, который был с ним с самого начала его популярности и золотых медалей. Мама поставила на ноги, показала что такое каток и лёд. А Денис Русланович показал что такое золото.

Четверной лутц.

Стоит.

Тройной тулуп.

Тимур не удержался, стукнул себя по груди, что совсем было неуместно в рамках хореографии в короткой программе. Но, никто уже не обратил внимание. Губы Дениса Руслановича растеклись в улыбке, а танцевальную дорожку Тимура сопровождали аплодисментами в такт музыке.

Тимур и сам был доволен. Только нога омрачила ситуацию, болела. Гораздо приятнее было бы не чувствовать этого.

Свобода.

Вот, что он чувствовал, докатывая короткую программу. Он смог прыгнуть всё после травмы. Завтра будет непонятно что, но на сегодня всё закончилось. Он больше ничего не сможет сделать. И, что будет, то будет.

— Тимур Панкратов завершает свою короткую программу с потрясающей оценкой за технику! Она превысила шестьдесят баллов, это просто какие-то невероятные цифры, и мы такого ещё не видели. Если компоненты будут хороши, кажется, это будет новый Мировой рекорд!

— Олимпийский точно.

— Да-да, Олимпийский определенно. Тимур смотрелся на льду просто великолепно, а этот последний каскад, сделанный во второй половине с такой лёгкостью, как будто он

прыгал его первым.

— Тимур только ведь после травмы, это просто отличный результат для такого периода.

— О, да что вы, это отличный результат для любого периода!

Комментаторы восхищались, Денис Русланович не особо.

— Что за ужас был на последнем вращении? — он обнимал спортсмена, но все равно отчитывал, — Ты куда крутился?

— В Татарстан, — весело ответил Тимур, поправляя взмокшие волосы, — Да ла-а-адно вам, и так прокатит.

Его одарили таким взглядом, что... в общем-то, после такого взгляда больше никогда не захочется вращаться так, как вращался Тимур в самом конце.

Везде плакаты. Крики. Поддержка. А Тимур идёт вперёд, смотря только в КиК. Даже не обращая внимания. Но, почему-то вспомнились слова Яси и Димы о том, что он совсем не уделяет время фанатам и вообще никак с ними не взаимодействует. Когда, если не сейчас?

Только страшно.

Тимур выдохнул и повернулся на трибуны. Улыбка и он уже машет одной рукой зрителям.

Зал покрыло волной криков. Панкратов зажмурил один глаз, но всё же остался доволен. Что же, этот день стоит записывать в список великих дней. Холодный Тимур Панкратов помахал фанатам.

А ещё...

[1] TIMUR PANKRATOV, RUS SP [1]: 111.85

День стоит записать в историю мирового фигурного катания. Ведь Тимур Панкратов побил мировой рекорд, установил свой собственный. В который раз.

— Есть, — он довольно сделал лёгкое движение кулаком, улыбаясь.

— Не расслабляться, — Роман улыбался, а Ушаков ещё и профилактически шлёпнул Тимура по бедру.

Тимур самодовольно ухмыльнулся, откидываясь назад. С новым мировым рекордом!

<center>***</center>

— Дмитрий Панкратов!

Взмах руками. Выдох. Осознание, что ты уже на льду и отступать совсем уж некуда. Придётся выдать хороший прокат во что бы то ни стало. Наплевать на все результаты, которые были до этого. И написать коньком свою историю с чистого листа. Со свежезалитого льда.

Они много говорили с Дашей об этом моменте. Об ощущении волшебства, о моральном давлении со всех сторон. О матери, стоящей за бортиком и сверлящей тебя взглядом. И Даша всегда говорила просто найти её глазами. Встретиться взглядом, успокоиться.

И они встретились.

А затем всё завертелось и закружилось, Дима сам не помнит первую часть программы. Помнит только момент, когда приземляется с каскада четверной лутц-тройной риттбергер.

Этот прокат не ощущался по-особому. Он был таким же, как и многие прокаты в жизни Димы. Просто он так отличался эмоционально от того, что было на прошлых Играх... Тогда Дима двигался на ненависти к Тимуру. Сейчас всё изменилось. Он вырос и осознал, что брат не виноват. С ним обращались ещё хуже, заставляли выдавать результаты один за одним. И лишали общения со всем внешним миром. Тимур — продукт первых неудачных решений. И ненависть была неоправдана.

Сейчас Дима катался не думая о том, что должен обойти брата. Он хотел золото, так же горел к нему, как и в прошлый раз. Только не хотел получить его любой ценой. Хотел чистым прокатом.

Четверной флип.

Чистый прокат полетел в пропасть, нога на выезде дернулась и Диму занесло. Он смог выровняться без дополнительных конечностей, но за это точно будет снижено. Хотя бы не упал, но это подпортило впечатление. И у него, и у мамы, которая отстранилась от борта, и у Даши, которая чуть не поседела прямо там.

Тимур смотрел за прокатом брата через экранчик в комнате лидеров. Сидел там очень долго и всё ещё был на первом месте, что неудивительно. Только очень хотелось посмотреть на все вживую. Поболеть за брата, покричать пару приятностей. Что же, приходится терпеть и сдерживаться.

Вдох.

Тройной аксель.

Выдох.

Сделал. Это лучший его прокат за сезон, если быть совсем уж честным. Если бы не флип, он был бы идеальным... Что же, сожалеть уже поздно. Нужно доделать начатое до конца и рассчитывать на себя в произвольной.

Даша хлопала и улыбалась уголками губ. Как же она рада, что наконец-то смогла рассказать всю правду и вернуться к нему. Она словно вновь ощутила себя под защитой от всей планеты. И так было каждый раз, когда они касались друг друга. И как она может не волноваться за его прокат на Олимпиаде?.. Для него это так важно. А для Даши важен он.

А Катя словно и не переживает ни за кого из братьев. Просто смотрит на лёд. Хотела бы Даша иногда приобретать такое спокойствие. Только что-то подсказывало, что это больше пофигизм, чем спокойствие.

Пока Дмитрий Панкратов заканчивал свою программу, Александр Сурков активно продолжал разминаться. В голове был белый шум, остаточная слабость не позволяла здраво оценивать возможности на чистый прокат. Он просто делал то, что помнило тело и без его участия. А Анна Павловна позволяла ему делать всё, что он посчитает нужным. Она уже устала за сегодня, так выбивала участие Саши. Петя, прилетевший как запасной, сейчас был на трибунах и болел за парней. Да так болел, как никто на этих трибунах. Стоял, кричал, держал флаг страны.

Неожиданно посередине своих прыжков на скакалке, Саша остановился, вынул наушник из уха и повернулся на Анну Павловну.

— Дима докатал?

Тренер кратко кивнула, не собираясь распространяться на подробности.

— Сколько? — Саша сдаваться не собирался. А Анна Павловна не собиралась отвечать. Пожала плечами, мол, не знает. Хотя у неё в руках телефон с трансляцией, конечно она не знает, ну-ну.

— Александр, тренируйся.

Вошедший в помещение Денис Русланович отбил всё желание выпрашивать. Он как раз вернулся после того, как баллы Дмитрия Панкратова объявили.

[2] DMITRY PANKRATOV, RUS SP [2]: 107.47

Уступил Тимурю порядка четырех баллов с мелочью. Даже ровный выезд на флипе не мог компенсировать эту разницу в полной мере, поэтому проблема была явно не в этом.

Нужно было лутц-ритт ставить в бонусную зону. И тогда, может быть, Дима бы тоже набрал нужное количество баллов для лидерства.

Тамара Львовна осталась в целом довольна. За выезд на флипе поругала, конечно, как без этого, но в остальном особых нареканий Дима не получил.

Теперь остался только Саша. Саша и его болезнь, его неудачные тренировки, его отвратительное самочувствие.

Перед самым началом разминки Сашу охватила паника. Что, если он ничего не сможет? Что, если вся эта подготовка была зря, и он всё похоронил своей несчастной болезнью? Нужно было теплее одеваться, пить лучше витамины, или вообще... Сняться. Из-за него команда взяла только бронзу. И сейчас есть шанс оказаться куда ниже бронзы. Единственный плюс, который был — температура спала. До какой отметки на момент выхода неизвестно, Саша не мерил. Но чувствовал себя гораздо лучше, чем два предыдущих дня.

Всё должно получиться. Во что бы то ни стало. Он приложил все усилия, чтобы зацепиться хотя бы за тройку лидеров.

Разминка прошла вполне себе нормально. Саша не прыгал четверные, только высокие тройные. До выхода на лёд оставалось немного времени, и Саша решил не тратить это время зря.

По пути в тренировочную зону он увидел ту, которая заставила все его планы пойти лесом. Улыбка сама собой вылезла на лице, которое, казалось бы, утратило способность выражать эмоции. Ярослава Калинина, в олимпийской одежде, маленькая и умильная, стояла и смотрела на него своими огромными зелеными глазами.

— Что ты тут делаешь? — Саша нахмурился, подходя к сокоманднице.

— Ну, технически пришла тебя поддержать, — она развела руками, стараясь скрасить неловкость, — Как ты себя чувствуешь?

Саша покачал головой из стороны в сторону на манер «более-менее». Яся кивнула, желая сделать шаг назад и отстать от бедного Суркова. Куда влезла, зачем решила поддерживать прям так? Ему, может, проще было бы настроиться в одиночестве.

— Не отрывай взгляда от меня и...

Они закончили уже вместе.

— ...никогда не желай удачи.

Ребята улыбнулись друг другу, глаза Яси засияли ещё большим количеством зеленых огоньков. А потом она кое-что вспомнила.

— Почему ты пожелал мне удачи на просмотре у Федерации?

Саша нахмурился, вспоминая момент, о котором говорила Ярослава.

— Удачи тебе.

— Что? — Яся дернулась от неожиданности, поднимая глаза на Суркова, стоящего рядом.

— Удачи тебе, говорю, — улыбнулся Саша, после переключаясь на аплодисменты для закончившей Наташи. А Яся направилась к выходу на лёд.

Действительно, сказал. Но, сам и не помнил, почему это сделал. Может быть потому, что решил проверить действие этого слова вновь. Ярослава, кстати, тогда хорошо откаталась. А может потому что забыл. Хотя, как он мог забыть, если у них уже традиция — никогда не желать «удачи». В конечном итоге Саша просто развел руками.

— Ладно, это не важно, — для Яси уже ничего не важно. Это её последний сезон в большом спорте, после которого она уходит. Это было обдуманное и взвешенное решение, которое не подлежало обсуждению. Знали все: родители, тренеры, друзья. И Саша тоже знал, что Яся заканчивает со спортом. Двадцать лет. Это было ожидаемо, — Откатай за нас обоих.

— Но, ты тоже хорошо отката...

— Саша, — она надавила голосом, — за нас обоих.

Пришлось молчаливо согласиться. И думать только об этом во время выезда на лёд.

В этот же момент все новостные каналы взорвались. Саша вышел на прокат, уже нет шансов сняться. Больной Александр Сурков, который был на тренировках два раза, выходит катать олимпийскую короткую программу.

— Дай бог справится, — бабушка, которая приехала в тайне и всё ещё себя чудом не выдала, крестила сама себя пальцами.

Денис Русланович серьезно смотрел на Сашу, пытаясь уловить хотя бы какие-то признаки недомогания. Пока таковых не было, и это не могло не радовать.

Тимур и Дима уже расплылись по креслам в зоне лидеров. Тимур так вообще уже три часа сидел там, и только на половине этого времени к нему присоединился брат. Они обсудили всё: от детства и матери до Кати и Дениса Руслановича. И всё под камерами. Крутые ребята, ничего не скажешь!

Мальчик-японец с ними скучал больше, чем во всей своей жизни. Ни слова непонятно, а английский язык Тимура не удовлетворяет его досуговую потребность.

— Всё, тихо, — Тимур привалился вперёд.

— Александр Сурков!

Саша улыбнулся, сносимый криками и аплодисментами. Они-то точно должны были вылечить его хворь в два счёта. Подступающую слабость Саша предпочёл не замечать, уделив больше внимания своим ногам и практически моментальному началу программы.

К этому моменту он знал, что лидер пока Тимур. Второй Дима. И Сурков планировал залететь в эту тройку с ноги, потому что иначе он бы просто не смог себя рассматривать как полноценного фигуриста.

Саша закрыл глаза.

Сейчас или никогда. Через три минуты уже будет поздно.

Анна Павловна напряженно сжала его кофту. Волнение захватывало и практически выматывало. По ощущениям, она сама сейчас оставила себя на льду.

— Давай, холостяк, — это пожелание сопровождалось женским смехом, сошедшим на нет в момент начала музыки.

Единственной, кто была уверена в Саше на все сто процентов, была Яся. Сурков был объективно более активным, чем в предыдущие дни. Просто казалось, что у него всё получится. И она бы предпочла сказать «спасибо» своей интуиции.

Первый прыжок Саши близился. Они не меняли состав короткой программы, поэтому это должен был стать четверной риттбергер.

Саша мог прыгнуть тулуп, который точно выедет. Но, предпочел не искать лёгких путей. Как уже он сам себе сказал — всё или ничего.

Четверной риттбергер.

Да как тройной!

Кроме того, что Саша поперхнулся неудачно взятым воздухом, ничего необычного в прыжке не наблюдалось. Он был сделан красиво, высоко, выезд длинный. Как же Саша был

доволен, что пошёл на этот риск и сделал риттбергер!

Вместе с ним выдохнул и весь зал. Александр Сурков на месте. В своей прекрасной форме. И, если болезнь не убила в нём его искру, ему не будет равных.

Тройной аксель.

— Да, — шепотом порадовался Тимур, сжимая кулак.

Японец очень непонимающе смотрел на то, как двое русских мальчиков болеют за третьего русского мальчика. Раньше всё было как-то иначе. И не в лучшую сторону. Его уже здоров напрягало сидеть с этими непонятными парнями.

А теперь Саше нужно просто собраться и сделать то, что нужно. Это будет тяжело, сложно, но если он упадёт, себе просто не простит.

Анна Павловна присела, чтобы отслеживать ребро на лутце и...

Четверной лутц.

Тройной тулуп.

Красное лицо, вымотанная дыхалка, озябшие руки. Кажется, снова поднимающаяся температура. И Александр Сурков, выезжающий из своего сложнейшего каскада.

— Чудо какое-то, — пробормотал Ушаков, — Падал два дня, а сегодня это...

Ему никто бы не ответил. Анна Павловна вся обливалась слезами, неверяще смотря на своего мальчика на льду. Такая сила воли, такой... Саша! Яся же, наоборот, была очень довольна и не сдерживала улыбки. А вот бабушка поддерживала настроение Анны Павловны. Она вообще очень редко видела то, как Саша катается вживую. А такой сильный эмоционально прокат не мог оставить её равнодушной.

— Вот дура, бросила такое сокровище, — это бабушка шепотом ругалась на бывшую девушку Саши, которая со скандалом ушла из их семьи после того, как ей уже сделали предложение. Ну и правильно, дура.

Очень быстрый волчок со сложными позициями и Саша в финальной позе.

Он сам не до конца понял, что произошло!

Аплодисменты гремели во всех углах. Даже те, кто не болел за него, не остались равнодушными. Ведь на льду сейчас свершилась история. Он смог себя перебороть и выйти на прокат. И такое выдать!

Поклон, попытки хотя бы раз вздохнуть и Саша уже едет к выходу со льда, на ходу поправляя свой кулон. Принёс таки удачу.

— Боец, — Анна Павловна обнимает тепло, совсем по-матерински, поглаживая Сашу по спине. Он и не остраивается от этих объятий.

Ярослава прокручивала в голове только одну мысль «Откатал за нас».

— САША, ТЫ ЛУЧШИЙ!

Катя, Ева и Даша объединились подобным образом. И Сурков не оставил без внимания знакомые голоса, повернувшись на них и отправив всем по воздушному поцелуйчику. Теперь кричали вообще все, кто хотел получить воздушный поцелуй от Саши.

Спасло только то, что его усадили в КиК. А больное уставшее тело сразу же расплылось по дивану и напомнило хозяину, как устало и как хочет на заслуженный покой. Саша едва ли собрался, чтобы остаться сидеть прилично, без видимых признаков недомогания.

Об оценках он не думал. Это не так важно, как прокат, который он сейчас выдал. С таким прокатом он точно в тройке. Второй или третий?

Второй или третий?!

— Внимание!..

Второй?

Третий?

Стал ли Дима выше него или Саша все же сможет набрать за 108 баллов?

[1] ALEXANDER SURKOV, RUS SP [1]: 111.87

Саша тупо уставился в экран. Дальнейшие события уложились в несколько секунд, как только его баллы стали общедоступными.

Сам Саша с трудом осознавал цифры, всё ещё сидя в ожидании. Напутали, не те цифры показали. Яся зажала рот рукой, стараясь не завизжать. Тимур несколько секунд повторял действия Саши, а затем откинулся на спинку кресла с ухмылкой. Анна Павловна не смогла сдержать слёз, закрываясь от камер. Денис Русланович расширил глаза, очень сильно удивляясь результату. Дима повернулся с такими же глазами на Тимура.

На секунду десятую Саша приложил руку ко рту.

Первый. Он побил мировой рекорд, который Тимур установил несколько часов назад. Он, черт возьми, первый!

МИРОВОЙ РЕКОРД!

— Ахуеть, — выдохнул Саша, начиная истерично смеяться, не отрывая взгляда от баллов.

Руки, поднятые вверх и очень довольный Александр. Справился.

— Две сотых, — ухмыльнулся Тимур, качая головой, — Удачи нам всем в произвольной.

Часть 21. Мужчины. Произвольная программа

День последних прокатов на Олимпиаде наступил. Произвольная программа мужского турнира. В конце этого дня будут известны все имена новых Олимпийских Чемпионов. Или Олимпийский Чемпион будет всё тот же? Вопрос пока остаётся без ответа.

Сегодня на лёд один за одним выйдут лидеры после предыдущего дня, все представители одной страны. А два первых места также представляют один тренерский штаб, но разные тренерские группы. И, не сказать, что у всех парней дела идут гладко.

Главная Олимпийская арена. Утро дня произвольной программы мужчин. Тренировка.

Четверной лутц.

Четверной флип.

Продолжение произвольной программы с таким лицом, словно ничего необычного не произошло. Прокат произвольной у Тимура пока идёт неплохо — ни одного падения за четыре прыжка, два из них в каскаде, но на тулупе чуть не свалился.

После вчерашнего дня он был невероятно настроен на победу. Тренировка была очень усиленной и продуктивной, единственное, он не мог прыгать четверной сальхов. Совсем, нога отказывалась при заходе на этот прыжок. Тройной давался с трудом. Пришлось реактивно вспоминать четверной риттбергер, благо, с ним проблем таких не возникло. Зато, эти проблемы могли возникнуть во время проката программы. Прыжок не вкатан, с ним связки не было.

За его тренировкой сегодня бдительно наблюдали все, кто только мог. Тамара Львовна, Денис Русланович, Роман. И, самое приятное, Ева. Девушка смотрела на лёд с теплом и любовью, но всё же переживала за каждый прыжок Тимы.

Саша чуть не столкнулся с Тимуром, Панкратов в последний момент вывернулся, вопреки своей программе. Саша кинул слова извинения и откатился к бортику.

Сегодня температура была тридцать семь и два. Небольшая, но слабость ощущалась. И чем дольше была тренировка, тем она была сильнее. Если в начале Саша отпрыгал все свои четверные, то сейчас едва ли делал тройной.

После первого дня Саша остался лидером. Чудом, по его словам, но он смог это сделать. Теперь на его счету был мировой рекорд, которым он очень сильно гордился. В связи с тем, что появился большой шанс на победу, произвольная программа Суркова была перестроена. Контент усложнился просто невероятно. Шесть четверных, триксель. Выкатает ли? Неизвестно.

— Саша! — прокричал Денис Русланович, — Иди заминайся.

Сурков даже не стал спорить, хотя обычно оставался на тренировке до самого конца. Он кивнул, упираясь в поясницу и выезжая на выход.

Четверной аксель.

Последний за эту тренировку, практически выжатый из нуля. Дима продолжил тренировку. Свою программу он уже откатал: свалился на каскаде четверной сальхов-тройной аксель. Никаким образом к четыре-четыре он пока не приближался, и этот каскад ему строго запретили исполнять на сегодняшнем льду. Должен исполнять сальхов-дупель. Дима, конечно, с этим не согласился, но покивал матери.

Со льда оба Панкратовых выходили измотанные и уставшие. До вечера просто лежать, а потом... потом вершить свою судьбу.

Даша подала Диме салфетку, которой он вытер потное лицо и благодарно кивнул. Он был в отстающих и прекрасно это понимал. Это ещё больше давило, но он не собирался сдаваться. Лёгким движением он притянул девушку к себе, оставляя на её лбу лёгкий поцелуй благодарности.

У журналистов, наблюдавших за этой тренировкой, вообще было очень много шансов застать интересные моменты. И Даша с Димой, и Тимур с Евой. Но, большинство из них сосредоточились всё же несколько на другой паре.

— Иди ко мне, — Денис протянул руку к Кате, сцепляя их пальцы. Она сама больше не пыталась подойти к нему во время тренировочного процесса, да и в общем они не очень много разговаривали. Олимпиада, напряжения достаточно, в свободное время хочется только спать.

Тонкая фигура попала в объятия Ушакова, удобно устраиваясь в холодных руках. Денис окинул взглядом трибуны, замечая, как куча журналистов направили на них свои камеры. Как будто весь мир не в курсе, что они вместе.

— Уйдём отсюда? — предложение было очень даже к месту.

Катя кивнула головой, тоже не оценив внимание со стороны журналистов.

Хорошее место для уединения нашлось на балкончике комнаты Дениса Руслановича. Он был достаточно просторным и застекленным, так что никакого дискомфорта они не чувствовали. Прохладно, но не холодно.

— Как ты? — Ушаков обеспокоенно взял руку Кати в свою, — Я совсем не уделяю тебе внимания.

— Всё в порядке, — она поспешила успокоить, — я понимаю, у тебя же Олимпийские. Твои спортсмены выступают. Тебе точно не до отношений.

Он пожал плечами, неуверенно качая головой. Катя говорила здравые вещи, но он всё равно чувствовал себя мудаком. Денис был вынужден отстраняться от неё всякий раз, когда они были не одни. А это было очень часто.

— Мне всегда до отношений, — Денис несколько нервно дернул плечом, делая шаг от Кати, — Я тебя люблю.

— И я тебя... — неуверенно произнесли ему в ответ. Катя была обескуражена тем, что он сделал шаг назад.

— Я совершил много ошибок. В том числе и эту. Это нужно было сделать гораздо раньше, а я... я что-то не сообразил.

— Ты о чём? — это всё больше походило на бред сумасшедшего.

Щелк.

В голове Кати все сложилось. В момент, когда Денис потянулся в карман.

Прохлада балкона. Мысли, забытые совершенно другим. И любимый мужчина прямо у твоих ног, сидящий на одном колене.

— Ты выйдешь за меня?

Руки сами собой приложились к лицу. Катя всегда думала, что это так постановочно и заезженно. А теперь сама сделала такое движение. Зато поняла, что это всё автоматически. Господи, и о чём она вообще думает?!

Денис кусает губы. Волнуется. Боится отказа.

— Да... — голос садится, это больше похоже на какой-то писк.

Но, Ушакову не важно. Он поднимается на ноги, поднимая Катю над землей. И теперь вместо писка слышно только счастливый смех.

— Дмитрий Панкратов!

Произвольная программа мужчин была в самом разгаре. Ноги всё ещё ныли после утренней тренировки, но нужно было уже выходить и выдавать головокружительные результаты. Ни права на ошибку, своё право ошибиться он потратил в короткой программе. И стал третьим.

Хотя, в прошлый раз он был первым. И это ничего не значило в конечном итоге.

Мама наставляла коротко — не упусти шанс, который дала тебе Федерация. Дима ведь не должен был выступать. Но, волей судьбы, Даниил Лебедев получил травму, и выехал запасной. Запасным был Дима.

Серебряный призёр прошлых Олимпийских Игр начал свой последний прокат на Олимпиаде.

За эти годы он растерял былое величие. На прошлой Олимпиаде он был фаворитом, на этой запасным. Вот уж жизнь штука... интересная.

Когда-то давно он первый в мире сделал четверной аксель. Но, ему этого оказалось недостаточно, и парень, чуть ли не подросток, погнался за новыми достижениями. Так гнался, что, кажется, перегнал их.

Четверной аксель.

— Вооу!

Примерно такой звук раздался по залу, несколько людей отреагировали так на этот прыжок. Самый высокий четверной аксель в его исполнении, кажется. Дима подлетел вверх на небывалую высоту, ещё и смог приземлиться с этого прыжка. Улыбка на лице и чувство превосходства. Всё ещё единственный в мире, и никто не смог за столько времени приземлить его.

Тимур слышал звуки, раздающиеся из зала. Сам он стоял за шторой, подготавливающийся к выходу. Он следующий. И, несмотря на свою «впечатлительность» в подобных моментах, Тимур просто разминал шею и смотрел исключительно перед собой. Его сдержанности можно было позавидовать.

Четверной флип.

Тройной тулуп.

Пока гладко, и хотелось, чтобы так оставалось до конца. Даша поддерживала Диму лучше тренера, приседая на каждом прыжке и отслеживая центровку во вращениях. А внутри неё плескалось не волнение. Предвкушение. Медали, баллов, отличного проката. И в обратном порядке тоже.

Четверной лутц.

Самые сложные прыжки для Димы закончились, он вообще не переносил прыжки на правую ногу. С левой прыгать было проще и, наверное, поэтому у него получился четверной аксель.

«Наконец-то я смогу доказать себе, что я в чём-то хорош. Исчезнет это ощущение... боли и недопонятости. Я чего-то стою! Я спортсмен!» — эти слова проносились в голове Димы с огромной скоростью. На такой же он ехал на свой следующий четверной прыжок.

Дима хотел, чтобы его уважали. Уважала мама, уважали все остальные. Чтобы его больше не считали за «брата Тимура». Он тоже фигурист! Тоже достойный, чтобы его называли по имени!

Четверной тулуп.

Эти полгода, которые он потерял в попытках забыть Дашу, стоили многого. Он откатился назад, а набирать скорость на пути вверх стало сложнее.

Было бы проще, если бы был жив отец.

Мужского внимания в семье точно не хватало. Может быть, их судьбы сложились бы по-другому? Тимур не был бы полностью во льду, не видя успокоение ни в чём другом; Дима был бы сильнее морально; Катя... Катя бы не была вынуждена бежать из дома, чтобы выжить.

Тройной лутц.

Тройной риттбергер.

Тройной... двойной тулуп.

Шлепок о лёд.

Все мысли Димы вылетели из головы. Голова тут же протрезвела, он вышел из транса, который себе надумал. Воодушевляющие мысли не воодушевили настолько, чтобы не падать. Он упал во время произвольной программы. Это всё, только что с таким же шлепком о лёд упала его несуществующая золотая медаль.

Не бывать ему Олимпийским Чемпионом в индивидуальном турнире.

Даша шумно выдохнула. Упал... И падение могло дорогого стоить.

«Нельзя сдаваться!»

Злость захлестнула его с головой, придавая энергии. Адреналин плескался в крови, он был готов сейчас хоть на второй четверной аксель. Только сделал кое-что покруче.

Четверной сальхов.

Тройной аксель!

Каскад, который не получился на тренировке и за который он получил «а-та-та». Зато, сейчас он получит за него хорошие баллы. Ведь он сделан чисто.

— Абалдеть!

— ДАВАЙ!

— ТЫ ВСЁ МОЖЕШЬ!

Оставался один прыжок, ничего уже не исправить. Если он не нивелировал этим каскадом прошлое падение, значит всё плохо.

Тройной аксель.

Если бы не тот чертов тулуп, программа была бы выполнена идеально чисто! Лёд скользкий, но для Дмитрия Панкратова он бывает скользким слишком часто.

Как же он скучал по годам, когда доминировал над всем миром. Очень жаль, что сейчас над миром доминирует не он.

На арену вышел Тимур Панкратов. С прожигающим холодным взглядом осматривающий арену. Он выходил вершить свою собственную судьбу, и не собирался отступать ни на шаг.

— Баллы не слушай, — предупредил Денис Русланович в момент, когда Дмитрий Панкратов закончил свою программу. Тимур отстраненно кивнул, отводя глаза от брата. Сейчас они сами по себе, нужно думать только о себе самом.

Дима кланялся, а Тимур стоял и смотрел в пол около своего выхода.

— Ты главное помни: утюг выключил, дверь закрыл. Жену привёз.

Тимур не сдержался, очень громко хмыкнул, слушая Романа. Это разрядило обстановку достаточно, чтобы на лёд Тимур выезжал уже с улыбкой, но всё ещё настроенный на прокат. Пропала напряженность.

А у Димы она не спадала. Он сидел в КиК, краем глаза наблюдая за тем, как Тимур делает тройные прыжки перед прокатом. Мама молчала. Ничего не сказала, но в КиК пошла вместе с ним. Это было достижением.

— Он не будет первым, — Даша произнесла это совсем шепотом, прикрывая лицо руками.

Девочки не комментировали. Было понятно. Ева вообще пыталась найти хоть что-то, на что можно было отвлечься в моменты этого бескрайнего волнения. На льду Тимур, и она уже слишком часто оказывалась в подобных ситуациях. Меньше смотреть на него, что ли?..

Опа, а это что?

Ева протянула руку к руке Кати, лежащей на «периллах» перед ними. Её взгляд зацепился за небольшую деталь, которая смогла её очень сильно удивить. Небольшое, совсем тонкое колечко с сияющим камнем. Идеально подходившее к руке Кати. А ещё оно было на безымянном пальце и вчера его точно не было.

Катя промолчала, решив, что комментарии сейчас излишни. Тем более, что начали диктовать баллы Димы.

[1] DMITRY PANKRATOV, RUS SP[3]: 107.47 FP[1]: 191.97 TOTAL[1]: 295.41

— Я сейчас скачусь вниз... и все.

Голубые глаза наполнились безнадёгой. Он перестал бороться.

Холод коснулся рук Тимура Панкратова. Этот холод касался его рук и ног уже очень давно. И именно этот холод он считал главной радостью своей жизни. С момента, когда он впервые вступил на лёд, изменилось всё. Изменилась его жизнь. Писалась новая глава, посвященная только фигурному катанию. И, кажется, эта глава уже грозила перерасти в полноценный пятитомник.

В этом пятитомнике первой Олимпиаде было посвящено страниц двадцать, не меньше. Второй страниц десять. А этой... и странички хватит. С возрастом всё менялось. Но, его страсть всё ещё была в одном. В скорости, в звуке лезвий, царапающих лёд. Спустя столько лет анализа он понял самую главную вещь: он вернулся не за Олимпийским золотом. Он вернулся за профессиональным льдом. И это стало секретом его успеха. Когда ты любишь лёд и коньки, и четверные прыжки будут получаться очень легко.

— Тимур Панкратов!

Его объявляли уже сотни, а то и тысячи раз. И каждый раз он чувствует себя по-особенному. Кто он такой, чтобы его имя звучало над целой ареной? Разве это то, что им всем стоит знать?..

Когда он выдыхает, изо рта виднеется пар. Тимур закрыл глаза. Он готов их открыть только тогда, когда начнётся музыка. Он посмотрит этой судьбе в лицо и прокричит о том, что он достоин.

Первая нота.

Всё вокруг потеряло смысл. И мысли Тимура о медали тоже. Он вдруг понял, что делал все предыдущие Олимпиады не то и не так. Он не будет никогда рад своему прокату в полной мере, если не будет это делать от души. А сейчас его душа пела. Пела о том, какой путь ему пришлось пройти, чтобы попасть на эти Игры.

Она не пела о тяжелом детстве, она пела только о первом Чемпионате России. О том, где маленький мальчик, едва ли допущенный до этого старта, выходит и выполняет программу так, что все люди не могут сдержать слёзы. Он станет самым молодым спортсменом, завоевавшим когда-либо медаль Чемпионата России.

Четверной лутц.

Свой первый четверной лутц он исполнил в двенадцать лет. Он случился под конец тренировки, тренировки с кучей падений с этого прыжка. Глаза были мокрыми от слёз, но Тимур не собирался сдаваться. Он вставал раз за разом, под суровым взглядом Дениса Руслановича. На тот момент они работали всего несколько недель.

Денис Русланович восхищался этим парнишкой. Убьется, но всё сделает. Ему было наплевать на возможные травмы, ему был важен результат.

— Услышим ещё его имя, — произнёс он тогда Варваре Михайловне, которая просматривала этого мальчика для своей группы.

— Нет, Денис, знаешь... — она неопределенно повела плечами, — я не хочу брать этого мальчика. Какой-то он нескладный совсем.

«Нескладный?!» — хотелось вопить тогда Ушакову. Но, он промолчал. И оставил себе своего первого личного ученика. Экспериментального. Подумал, терять нечего. Не получится, разорвут сотрудничество.

Вот тебе и разорвали.

Четверной тулуп.

Нескладный парень сейчас показывал такую хореографию, которую никто на этом свете выдать не мог. На данный момент. Появятся и новые звёзды, но это время — время для сияния Тимура.

Он всегда скучал по временам, когда на фигурное катание его возил отец. Он не был фигуристом, в отличие от мамы, поэтому многого не понимал. Зато, всегда поддерживал, всегда был на его стороне, и никогда не позволял себе лишнего.

В последний раз они виделись перед его тренировкой. А могли увидеться ещё несколько часов... А то и больше. Тимур мог всё изменить. И он был в этом убежден. Увы. Тренировка заняла всё время тогда.

Тимур не был на кладбище много лет. Не мог, не хотел ощущать себя слабым. О не хотел, чтобы кто-то знал, что он может рыдать. Не хотел признаться самому себе, что он не каменная стена.

Он побывал там впервые в двадцать семь лет. Последний из всей своей семьи. После Чемпионата Европы, когда очень четко ощутил, как скучает. Скучал и раньше. Но, сердце начало звать туда.

Он был один. Ева ждала его возле машины, за пару километров от этого места. Дима, стоящий рядом с ней, смотрел очень сочувствующе в спину Тимуру. Прекрасно понимал, чему его стоит пересилить себя и оказаться на этом участке.

Отец любил Тимура больше всех остальных. Они и знали друг друга дольше. Андрей. Его звали Андрей, и он был хранителем для Тимура. За спиной вырастали крылья, когда он кидал поддерживающие шутки.

Эти крылья оборвались слишком рано.

Четверной лутц...

И он летит вниз. Так же, как летел тогда, когда узнал об этой новости. Лёд не мягкий. Нога это отчетливо ощущает, но большая боль сейчас в душе. Оступился на важнейшем прокате своей жизни. Как обычно, как и в прошлый раз, когда он стал серебряным. Глаза в полёте нашли глаза Дениса Руслановича. Миллисекунду они смотрели друг на друга. И всё понимали.

Ушаков выругался и отвернулся ото льда. Он не видел, как Тимур поднялся на ноги и

продолжил программу, не слышал музыку. В ушах звенело. Он снова падает, снова всё как в кошмаре.

— Дэн... — Роман обращается к нему, пытаясь вернуть в нормальное состояние.

— Не трогай меня, — шипит Денис Русланович, сжимая кулаки. Успокойся.

Обязательно.

— Ев, он успокоится... обязательно, — эти слова Ева слушала, не находя себе места от осознания, что Тимур сейчас один на один со своим главным страхом. Дима поддерживал как мог, но... сам всё понимал.

Тимур шёл по грубой траве, за которой уже давно никто не ухаживал. Кладбище — не самое приятное место для прогулки. Тут везде смерть.

Участок он узнал сразу. Убранный, красивый. И памятник. С его лицом.

— Привет, папа.

Тройной аксель.

И снова тройной аксель.

Через боль. Нужно компенсировать предыдущее падение, нужно хоть что-то делать! Он должен победить.

— Он должен победить! — мама шипела очень громко, Тимур не мог не услышать.

— Дорогая, он просто мальчик. Пусть катается, и всё.

— Ты не понимаешь!..

Он понимал. И понимал побольше, чем родная мать, отдавшая свою жизнь тому же спорту.

Эмоции выплеснулись из Тимура ровно в тот момент, когда он посмотрел в глаза выбитой на памятнике фотографии. Внутренний ограничитель смело волной, он не смог удержаться на ногах. Сухая трава стала для него пуховой подушкой.

Слов не было. Были лишь глухие мужские рыдания.

Четверной риттбергер.

Ойлер.

Тройной сальхов.

Ногу свело, но он выдержал прыжок. Четверные закончились.

Лёд — целая жизнь. Это не просто спорт. Тимур готов кататься до посинения, пока ноги не откажут передвигаться. До момента, пока его душа всё ещё поёт о любви.

Этот спорт подарил ему и любовь.

<i>Глаза девушки забежали по лицу Панкратова, беспокойно пытаясь за что-то зацепиться. Она чувствовала какое-то необычайное желание прикоснуться к его щеке рукой. Ощутить эту гладкость, почувствовать текстуру его кожи. Или обнять его... Почувствовать ближе. Вдохнуть запах его кожи и парфюма.

Ева прикоснулась.

Глаза Тимура дрогнули. Он прикрыл их, подаваясь к ладони. В одно мгновение самый агрессивный лев превратился в маленького котенка, льнущего к ласке.

Смирнова не верила. Погладила его щеку большим пальцем, положив ладонь полностью. А он такой... мягкий на ощупь.

И плевать на все смотры. Она хотела быть тут, сейчас, в моменте. Наверное, всю жизнь.

</i>

Тройной лутц.

Тройной риттбергер.

А дальше дорожка шагов.

Вспоминались и разочарования. Не в спорте, даже не в самом себе. В близких людях. И однажды он разочаровался в том, кто был для него наставником и главным примером в жизни.

— Как вы могли?!

Эта фраза часто звенела в голове Тимура. Он анализировал, искал причины. И, спойлер. Он их не нашёл.

Конёк чуть завалился и Тимуру пришлось замяться на дорожке. Продолжил почти сразу, но это не останется незамеченным. Черт.

Тройной флип.

Для него всё подходит к концу. Вряд ли он будет на следующей Олимпиаде. Вряд ли здоровье позволит. Но, он был бы очень рад почувствовать эти чувства ещё раз. Ещё раз ступить на Олимпийский лёд.

Нет Тимура Панкратова без льда под его ногами.

Поворот после быстрого вращения. И программа закончилась. Во время неё прошла целая жизнь.

Тимур наклонился вперёд, прикасаясь лбом к холодному льду. Лёгкие сжимались, выталкивая воздух, который он пытался вдохнуть. А снег разлетался от дыхания. Всё болело так, что хотелось оторвать себе конечности. Но, ещё больше разрывалась душа.

— Ещё увидимся... — услышал он лёгкий шепот. Резко поднявшись, Тимур осмотрелся. Ничего... Что это было?

К нему вернулся слух. Он начал слышать всё то, что происходило на арене. Слышать аплодисменты, крики. Теперь он видел игрушки, которые лежали на льду. Видел Дениса Руслановича, старающегося скрыть грусть на лице. Романа. И Еву... даже со льда было видно, что она плачет.

Это было одно из самых сильных исполнений программы в жизни Тимура.

— Тимур Панкратов!

Его объявляют ещё раз для поклона. Этот поклон может быть последним на профессиональном льду. И от того он становится ещё более глубоким.

— Куда ты упал-то? — Ушаков обнимает его как четырнадцатилетнего малыша. Как обнимал того мальчика на Чемпионате России.

— На лёд, — с лёгкой улыбкой отвечает Тимур.

Александр Сурков выехал на лёд.

И Тимур это видит. Что же... Он сделал что мог. Теперь всё в руках Саши.

Тамара Львовна обнимает без лишних комментариев.

Мама сделала много боли в его жизни. Мама стала той, которая привлекала боль. Но, она всё ещё его мама. Тимур, не задумываясь, обнял в ответ.

Оценки считали очень долго. А у Тимура были ещё отличные воспоминания с прошлой Олимпиады, когда после такого подсчёта они подавали два протеста.

— Внимание!

[1] TIMUR PANKRATOV, RUS SP [2]: 111.85 FP [1]: 211.03 TOTAL [1]: 321.88

— Фух, — он выдохнул так облегченно, как только мог. Как он это сделал — чудеса чудесные, — Стоп. Сколько?!

— Ровно на мировой рекорд, — довольный Денис Русланович пожал ему руку, — Ровно столько, чтобы быть тем самым парнем, который делает невозможное.

Тимур рассмеялся так искренне, как только мог. Он смог.

— Следующий фигурист представляет Россию. Александр Сурков!

Интересная ситуация. Он, как и Яся, катается уже обреченный на провал. Разве может он побить баллы Тимура, когда никогда этого не делал? В теории да, но на практике... С температурой, с костями, которые бесконечно ломит. Выходит на лёд, уже обреченный на провал.

«Ага, щас» — сам себе сказал Саша, тут же приобретая стальные частички во взгляде. «Получил вчера мировой рекорд, чтобы сегодня сдуться?!»

Оставался последний спортсмен. Лидер после короткой программы. И Саша собирался доказать, что его преимущество в две сотых не случайно. Оно образовалось лишь потому, что он лучше.

— Господи, спаси и сохрани, — бабушка на трибуне. Если бы Саша только знал о том, что она там.

Нервное поправление кулона и он готов.

Мальчик, в которого никто не верил, готов плавить лёд своим катанием и эмоциями. Никакая болезнь не должна его сломить, никакая болезнь не должна помешать выдать прокат, стоящий всей его жизни.

Четверной флип.

Он отпрыгает всё на чистом упорстве и злости. Он не позволит забрать из своих рук хотя бы один балл. Будет вторым — ладно, но со своими полностью набранными баллами. Максимально возможными!

Таким собранным Саша ещё никогда не был. Он выдавит из этой программы всё возможное.

Яся смотрела на него с открытым ртом. Волной энергии смывало, он просто... просто невероятный!

Четверной лутц.

Тройной тулуп.

Ему понравилось фигурное катание в момент, когда у него получились первые самые простые прыжки. Он влюбился в фигурное катание в момент, когда впервые увидел Тимура по телевизору и восхитился его пролетностью и данными. Он полюбил фигурное катание в момент, когда его впервые осыпали аплодисментами, от которых закладывало уши.

Он часто думал на тему того, как это неправильно. Любить спорт из-за того, что ты получаешь энергию от зрителей.

Четверной риттбергер.

А потом Саша понял, что это абсолютно нормально. Зачем работать, если нет отдачи? Он просто зависим от внимания. И всегда будет зависим от него.

Четверной тулуп.

Прыжки получаются так легко, как будто они не четверные, а тройные. Болезни нет места в голове, в его голове только собственная музыка и песнь коньков.

Тройной аксель.

Ойлер.

Тройной сальхов.

Дорожка шагов перед двумя четверными прыжками. Он обязательно должен победить! Ведь именно он исключительный, особенный! Без каких-либо данных он стал тем, кем является сейчас. Фигуристом топ-2 на международном уровне.

И, не важно, чем придётся заплатить. Он станет топ-1. В детстве всегда говорили «ты можешь». Бабушка не могла ему врать.

Четверной лутц.

Прокат, на который он работал всю жизнь, подходил к концу. Он не имеет права на ошибку. Не имеет права отступить. Всю жизнь он допускал возможность того, что просто недостоин той или иной медали. Нужно покончить с этим.

Четверной сальхов.

Тройной риттбергер!

Глаза Яси расширились от шока. ЧТО он прыгнул последним прыжком?

Слов не находилось, все просто молчали и смотрели на лёд. Смотрели на лёд, мысленно восхищаясь этим прокатом.

Два быстрых вращения, вызывающие слёзы. Слёзы радости, слёзы облегчения. Бабушка, Анна Павловна, Яся, Катя, Ева... До бесконечности. Все они еле сдерживали слёзы.

Все хорошее рано или поздно заканчивается. И прокат Саши был не исключением. То, к чему он так долго шёл, длилось всего четыре минуты.

Первые секунды после конца олимпийской программы выдались тяжелыми. Он не мог вдохнуть, ноги вмиг ослабели. Только чудом Сурков остался стоять на ногах. В этот момент у него было время подумать. Кусками, вперемешку с борьбой за жизнь.

«Я пытался. Но, этого было мало.»

Если бы он это произнёс вслух, ему бы точно сказали, что он больной. Шесть четверных, и он считает, что этого было мало.

— Александр Сурков!

Поклоны во все стороны, наслаждение любовью зрителей. И наконец-то возвращение к тренерам.

Саша закусил губу, улыбаясь уголком и разводя руки. Мол, пытался, не бейте.

— Не проиграл, а выиграл серебро, — смиренно пошутил он в неуместной компании. За это его прожгла взглядом Анна Павловна. Сурков тут же поднял руки на манер «сдаюсь, молчу».

Тимур начинал потихоньку дрожать. От переизбытка эмоций, от ощущения, что сейчас решится судьба. Золото или серебро?

Дима уже не волновался. Он проиграл. Золото вновь не его. Истерики ждать не стоит, но он здорово разочаровался сам в себе. Наверное, это время для конца карьеры.

— Саша, ты невероятный молодец, — поток речи Анны Павловны не прекращался, — С болезнью, так откатать! Я тобой очень горжусь. Ты сделал всё, что только мог. Сальхов-риттбергер! Просто невероятно...

— Внимание!

Её прервал диктор. Сердце замерло и упало куда-то в желудок. Яся закрыла глаза, сводя руки вместе. Пожалуйста. Пусть он будет первым. Девушки подались вперёд, желая получше рассмотреть. Даже Катя, которая всё равно ничего не увидит.

Это был момент, в который решалась судьба многих на этом турнире. Саша точно на пьедестале. Но, вопрос в другом — какой он?

[1] ALEXANDER SURKOV, RUS SP [1]: 111.87 FP [1]: 217.19 TOTAL [1]: 329.06

Тишина длилась несколько секунд. А показалось, что растянулась на часы.

— Они ниче не перепутали? — с сомнением спросил Саша, смотря на экран.

Тишина с оглушительным звуком раскололась. На парня тут же сбоку навалилась Анна

Павловна, обнимая его так крепко, что он забыл, как дышать. Арена кричала, звуки были разные по одобряемости. Поднимали плакаты, начинали кричать сильнее. Неразбериха... И в голове Саши тоже. Это он получается... выиграл?

— Второй, — вынес себе приговор Тимур, сжимая губы. Черт. Снова второй.

Саша наклонился вперёд, опираясь локтями в колени и придерживая свою голову. Перед ним его баллы? Точно? Первый?

Мировой рекорд. Три. ТРИ МИРОВЫХ РЕКОРДА ЗА ОДНИ СОРЕВНОВАНИЯ!

Из него вырвался истеричный смех, вперемешку с начинающейся истерикой. К нему тут же подсел Денис Русланович, пытаясь помочь Саше взять себя в руки. Сурков в руки не брался, и через полминуты истеричный смех перерос в настоящие человеческие слёзы. Он уткнулся в свои ладони, а спина лишь иногда подрагивала.

Все эмоции, которые были в нём, выходили наружу. Главное достижение всей его спортивной жизни свершилось сейчас.

— Саш, — когда он уже не рыдал в ладони, к нему подошли Панкратовы, — Мы тебя поздравляем. Ты крут.

— Я... Я не знаю, ребят, спасибо! — Саша просто не мог подобрать слов, — Вы тоже крутые. Ваши прокаты были мировыми. Прокаты жизни! Я вас так обожаю!

Дима был в противоположном состоянии, но ради Саши натянул улыбку на лицо. Пусть будет так.

— Молодец! — следующий его обнял президент Федерации фигурного катания на коньках.

У Саши снова начинался истеричный смех, и в этих объятиях он пробыл дольше всего. Черт возьми, как это вообще можно уложить в голове?! КАК?!

Дальше была Ярослава. Как она так быстро тут оказалась?..

— Я очень рада, что у тебя получилось, — она начала говорить какую-то длинную речь, но ей пришлось прерваться. Бесцеремонно и практически нагло, Александр подтянул её к себе и оставил на губах долгий поцелуй. Она, собственно, и не особо сопротивлялась. Почему именно сейчас? Потому что Сурков не задавался такими глупыми вопросами. Здесь и сейчас!

— Сашенька.

— БА?! — только это заставило оторваться от Яси, которая ещё несколько секунд, стоя за спиной Саши, прикладывала пальцы к губам.

Объятия. Радость. Слёзы. Всё смешалось в одном дне. Ради такого стоило сделать столько четверных, так устать и почти разочароваться в себе. Ради этого много стоит отдать.

Хотя бы ради момента, когда ты возвышаешься надо льдом, стоя на верхней ступени пьедестала. В ушах гимн России, из твоих уст льется он же. На твоей шее золотая Олимпийская медаль.

Тимур снова чувствовал тяжесть серебра. Серебро, для которого он сделал всё, что мог, но немного не дождал. Он стоял на таком же пьедестале в девятнадцать. Совсем юным мальчиком. Тогда на его глазах сейчас были слёзы. А сейчас... нет. Ему обидно, больно, но не до слёз. Ведь каждый в этой жизни получит ровно то, что заслужил.

Тимур Панкратов. Высокомерный выскочка, считающий все свои заслуги на льду исключительно результатом долгих и усиленных тренировок, без малейшего признака обычной удачи. Он уже не смотрел на всех ненавидящим взглядом и не видел в людях лишь медали. Он всё ещё видел в каждом спортсмене соперника на льду. Он много чего проиграл

в своей жизни. Днем он собирал все медали Чемпионатов, а ночью уже не ходил по тусовкам. Он давно не был в том самом любимом клубе, где подрабатывал диджеем для души в девятнадцать лет. Ночью его ждала семья. И лишь одно оставалось неизменным.

Он курил вишневые сигареты и не терпел поражений.

Больше книг на сайте - Knigoed.net